

ПРАВИЛА ВОЗВРАТА ДОЛГОВ

Н.Черняк

**© Н.Черняк 2003-2005
tcherniak.n@gmail.com**

Глава 1. Август 99

Почему именно сейчас меня накрыло? До кризиса тридцати лет еще года два спать. И причем тут возрастные кризисы? У меня просто все валится из рук. Почему — всегда загадка. Живу спокойно, и вдруг накатит такое мучительное сочетание отвращения к себе и банального страха перед будущим, что хочется исчезнуть. Внешних причин к этому обычно нет, как сейчас. В делах все замечательно и есть основания думать, что будет только лучше. Работа доставляет удовольствие и приносит немало денег. Мало у кого так бывает. Позади ремонт и переезд в давно присмотренную квартиру. Одиннадцатого сентября выхожу замуж и уезжаю в отпуск. Свадьбы не будет, только самолет на Крит. Никаких дел, проблем, осложнений с людьми или деньгами. И при этом двенадцатого августа у меня настроение как будто накануне похода к врачу за чем-нибудь страшным. Я весь день не в себе и, закончив работу, пытаюсь вспомнить есть ли у меня знакомые психиатры.

Может быть, все дело в общем настроении, лето в этот раз совсем не мирное? Казалось бы, надо расслабиться перед осенними бегами, так нет, валится на голову одно за другим. Самое время менять правительство, начинать войну. Отдыхать уже неинтересно? Хотя так всегда в августе, ничего особенно нового не происходит, чтобы изводить себя по каждой мелочи, попадающейся на пути. Некстати меня трясет, сосем нектати. Надо бы за новостями следить, держать руку на пульсе и клиентов высматривать, а я копаюсь в себе, и все время ощущаю тяжелый комок страха где-то в районе солнечного сплетения.

Надо что-то предпринять, встряхнуться. Наверное, лучше всего съездить в Питер на выходные. Сам город мне никогда не нравился, но там можно пообщаться со старыми, почти забытыми друзьями и отключить голову на время, чтобы, вернувшись, найти, где собака зарыта. Обычно я беспокоюсь о трех вещах: проблемы со здоровьем, с деньгами или с людьми. Первое и второе сейчас отпадают, значит, ищем третье.

В пятницу я уезжаю ночным поездом, предупредив всех, что вернусь в понедельник утром. Будущий муж Женя предлагает сопровождать, но не настаивает, сказав, что я имею право на девичник. Настаивать у него нет возможности — к моменту отхода поезда я уже готова прибить его любым попавшимся под руку тяжелым предметом. При его склонности к суевериям, он все, конечно, спишет на то, что сегодня пятница, тринадцатое. И пусть.

Субботнее утро в Питере всегда неуютно: приходится ждать открытия любимой блинной, чтобы позавтракать, потом надо разослать сообщения всем, кого хочется видеть и гулять, дожидаясь пробуждения друзей, хотя хочется только принять душ и переодеться после пропахшего соляжкой и пылью поезда. Это обычно всё так, а в этот раз все было еще хуже. Никого, ни одного человека из нужных и любимых нет в городе. Поэтому, когда я натыкаюсь случайно на Марусю с Петей, то уже почти решаю уехать не в воскресенье, а в субботу.

Таких, как Маруся, в реальной жизни, по-моему, встретить практически невозможно. Иногда, когда мы не видимся по несколько месяцев, мне начинает казаться, что я ее просто придумала. Во-первых, она настоящая платиновая блондинка. Во-вторых, очень хороший хирург. В-третьих, самый лучший человек, которого можно пожелать встретить в безнадежной ситуации, в чужом городе, изнывая от неопределенных страхов. Если сказать, что мы знакомы уже одиннадцать лет, видимся или долго разговариваем по телефону где-то раз в полгода, но при этом считаем друг друга близкими подругами, то звучать это будет не очень убедительно. И, тем не менее, Маруся, наверное, единственная женщина, по отношению к которой я употребляю это корявое слово.

Лучшим доказательством нашей дружбы является Петя. Мы с ним несовместимы до смешного, начиная с еды, кино, домашних животных и погоды. Но Маруся сначала заставила нас разговаривать, а потом даже получать от этого удовольствие. И еще она приучила Петю к тому, что на мои закидоны не нужно обращать внимания, особенно, когда она решает заниматься благотворительностью и психотерапией. Поэтому он искренне и серьезно предлагает мне послушаться Марусю, плюнуть на все и уехать с ними из города в сторону Москвы. Они планируют остановиться на ночь где-нибудь посередине, может быть, сделав небольшой крюк. Утром осмотреть

достопримечательности, если таковые найдутся, и быть в Москве часам к семи вечера в воскресенье. Меня это вполне устраивает, мы договариваемся не стеснять друг друга. Они заявляют, что, если я попробую только заикнуться о причинах моего мрачного вида, то меня высадят из машины. На этом мы, закончив обедать, уезжаем из города-кладбища.

Мои родные, начиная с родителей и кончая моей единственной сестрой Танькой, всегда говорили, что я слишком заигрываюсь в стойкого оловянного солдатика. Вовсе нет, просто на фоне всех родственников я выгляжу сдержанной, и мне всегда были странны их шумные выяснения отношений, чуть не до драк. Более далекие, но все же друзья считают меня ужасно эмоциональной, но скрытной. Опять нет. На самом деле только метод Маруси "ни о чем не расспрашивать до тех пор, пока не расскажут" для меня — идеальный выход. Пока я еще не знаю что, как и где не в порядке, единственной реакцией на все вопросы у меня будет безудержная и многочасовая истерика, которая может проявляться, в том числе и в спокойном и методичном уничтожении собеседника. Могу себе представить, во что превратилась бы наша поездка в этом случае. Но никто из нас троих не хотел вызвать бурю в стакане воды, каковой представляла из себя их машина.

По дороге мы пытались определить, где заночевать и, следовательно, где сворачивать. Вариантов было много, но самым привлекательным из них оказался самый простой. Маленький забавный город по пути, старенький, но сейчас там "бум" благодаря пивному заводу и еще чему-то такому же прибыльному. Петя уничтожил последние сомнения, сказав, что гостиница там — одно из чудес света: совершенно не ожидаешь такого сервиса в таком месте.

Настроение мое лучше не становилось, но я была готова на время примириться с действительностью, увидев, каким оказался мой номер и особенно ванная. Положительные перемены были закреплены ужином уже около двенадцати ночи. У меня не было никакого желания мешать Марусе и Пете наслаждаться радостями семейной жизни даже утром, поэтому мы договорились, что завтракаем кто как хочет, и город смотрим также, но рассчитываем выехать в полдень. Где встретимся — созвонимся.

Проснувшись около девяти утра, позавтракав и расплатившись за номер, я пошла в город. И, к своему удивлению, обнаружила своего рода музейный экспонат, а не средний провинциальный город. Он был чист, ухожен. Ухожен в западном смысле, когда переход от асфальта к газону не отмечается вытоптанной полосой сухой земли и не видно утрамбованных на века кратчайших путей от двери к дырке в заборе. Везде были посажены цветы, практически не встречалась голая земля — источник грязи и пыли в любом городе. Гуляя, я не нашла ни одного уродского памятника, что было равносильно чуду. И еще это был город с большой центральной площадью, где все дома были старыми или сделанными так, чтоб не портить вида. Вымощенная камнем, она была вся в какой-то незаметной, но украшательной зелени, и одной стороной упиралась в причал. Я сначала и не обратила на нее внимания, в ней на первый взгляд и не было ничего особенного. Самой яркой частью города мне тогда показалась пристань и сразу после этого река, причем река была тоже очень ухоженная и чистая. Но тут прозвонилась Маруся, и мы договорились встретиться на площади в полдень, то есть через сорок минут, и я решила больше не изучать город. Уже никуда не хотелось идти, поэтому я впервые за поездку достала фотоаппарат и начала снимать. Так я разглядела площадь, привлекающую не видом зданий или цветочных украшений, хотя и этого было достаточно, а редкой для нас точностью пропорций.

Отсутствие красоты в соотношении размера зданий, ширины улиц, высоты окон и прочих мелочей, которых чаще всего не замечаешь, но которые сильнее всего действуют на человека, всегда составляло для меня проблему. Всю жизнь я живу или бываю в городах, где, кажется, ни один архитектор вообще не задумывался над необходимостью красоты. Все коряво, безумно и грубо, где-то лишний сантиметр, где-то его не хватает, и в результате нет городов, где приятно жить, нет домов, на которые хочется смотреть, и нет квартир, в которых не приходилось бы переворачивать все вверх дном, чтобы можно было с удовольствием возвращаться домой. Поэтому самое сильное впечатление производят города, где всё это есть, потому что людям пришло в голову подумать и придумать, как вписать свое жилье в окружающий мир. Объездив почти всю страну, я ни разу встретила никаких следов такого подхода к строительству, и тем больше изумилась и обрадовалась, разглядев площадь сначала глазами, а потом через объектив.

Начав снимать, я заняла себя на некоторое время, но опять растратила весь запас бодрого оптимизма, которым накачалась от Маруси. И все потому, что в состоянии нервного срыва я выбираю совершенно не подходящие для себя места. Например, приехала в Питер, когда там никого не было. А теперь стояла на площади именно в том месте, где происходили основные городские события. Через три минуты после того, как я прислонилась к какому-то заборчику, с пристани пришла группа людей точно таких же, как я. Правда, там были одни мужики, но все с рюкзаками, в джинсах и большинство с камерами, а по разговорам стало понятно, что разноиздательные журналисты приехали познакомиться и поснимать местные чудеса по приглашению хозяев. То, насколько я при этом слилась с окружающей средой, было тошнотворно. Они галдели уже минут пять, когда подъехала машина, и из нее вышло сразу несколько человек, но кто из них хозяин объяснять было не надо. Поднялся обычный ознакомительный шум, мое раздражение на себя и этих людей усиливалось, но уходить не хотелось. Во-первых, потому что я очень любопытна. Во-вторых, потому что было лень куда-то двигаться, тем более что процедура знакомства не должна было продлиться долго. В-третьих, нечего раздражаться на людей, которые ничего для тебя не значат. Профессиональные журналисты в моей классификации живых существ расположены там же, где и крысы, видимо поэтому я никогда не работаю с профессионалами, а предпочитаю обучать дилетантов.

Но я зря уговорила себя остаться стоять в этой куче. Я настолько была неотделима от них внешне и по сути, что уже через минуту мне протягивал руку человек, очень уверенный в себе, которого я мысленно назвала "хозяин". Руку пожала, не обращая его внимания на ошибку, и на этом, думала, все и закончится.

— Мы, конечно, еще встретимся. В другом месте и в другое время, — сообщил он мне тихим голосом, не выпуская руки.

Для мужчины, который был выше меня всего сантиметров на пять, был шатеном, которых я не переносу, был самоуверен и смотрел на меня так, что заставил покраснеть, это, конечно, неправильный ход. Будь я спокойна и добродушна, то улыбнулась бы и все. Но сегодня из меня можно было добыть сотню неадекватных реакций на любую мелочь, и поэтому о сдержанности не могло быть и речи.

— Вы всегда так самоуверенны?
— Это же мой город, я должен знать обо всем, что здесь происходит или произойдет.
— Изумительно. Крысы перебираются с корабля на берег, птицы летят на юг, лиса стащила курицу из курятника. Вы контролируете даже это?
— Все зависит от того, к какой категории относитесь вы.
— Какой же вы хозяин, если не можете определить, кто я?
— Это лишь дело времени. До встречи.

Улыбка, наклон головы, и последняя фраза произнесена почти за моим левым плечом, почти на ухо. Я была не готова к внезапной стычке и настолько увлеклась разговором, что, когда очнулась, в первый раз поняла, где надо искать причину моего кризисного состояния: меня раздражало, что люди не отвечают за свои слова, я уехала, чтобы не наткнуться на это снова и снова. И теперь пыталась поймать, кто первым меня выбил из колеи. Намек, слово или что было брошено мне так же уверенно и безответственно — "увидимся в другом месте и в другое время"?

Сев через пять минут в машину, я почти пожалела этого местного "царька" и почти рассмеялась его ошибке. Наверное, я смогла бы избавиться и от этого "почти", если бы была хоть какая-то возможность увидеть это наглое и самоуверенное лицо, когда он поймет, что "облажался", что я действительно птичка, улетевшая на юг, и не ему меня контролировать. Но даже это мне уже было почти не важно. Удовольствием было уезжать сейчас в Москву, зная, что не схожу с ума: у моего плохого настроения есть причины, и они обязательно будут найдены. Не стоило ехать для этого так далеко и с такими приключениями, но мне иногда нужно много времени, чтобы заставить себя понять и более простые вещи. Потом хорошо бы вспомнить парочку примеров. Впрочем, почему потом. Я всегда влипаю в неприятности с мужчинами только потому, что не занимаюсь их изучением, прежде чем увязнуть в каких-то серьезных отношениях. Если честно посмотреть на мои романы, то удач было мало. Хотя, с другой стороны, что надо считать удачей? Когда ты успеваешь бросить первым? Когда разрыв не причиняет боли и не заставляет сгорать от стыда и есть себя поездом? Или когда все

заканчивается свадьбой и словами "они жили долго и счастливо и умерли в один день"? Сейчас впервые все должно закончиться свадьбой, интересно, удачный ли это роман?

Но пока, надо признать, история с нахальным хозяином задела меня все-таки гораздо сильнее, чем показалось сначала. Всю дорогу передо мной вдруг вставал наш короткий разговор, как будто вижу его со стороны: то, как уверенно держался этот человек, и то, как он победно посмотрел на меня, прежде чем сказать про другое место и время. Мало кто любит ясно и четко мысленно видеть свое смущенное лицо и безуспешные попытки избежать последнего убийственного взгляда противника. На борьбу с этой картиной я извела весь остаток пути, не поддерживая разговоров и не видя проносящихся мимо пейзажей. Когда мы подъехали к моему дому, и я попрощалась с Марусей и Петей, в голове крутилось, что такой отвратительной и бесцельной поездки у меня еще никогда не было. Время, силы и деньги были потрачены впустую. И на этом слове "впустую" я открыла дверь.

Женя явно был дома, потому что, кажется, работал телевизор. Я поставила рюкзак на пол и тут поняла все. Трудно сказать, что произошло раньше. То ли я сначала поняла, а потом услышала, или наоборот, или все произошло одновременно. Но тут все слова, тонкие намеки, осторожные советы соседей, недоуменные взгляды друзей, все мельчайшие трещины мгновенно зацементировались. Теперь и мне было очевидно: свадьбы не будет. Возможно, многие скажут, что это проявления неизжитого подросткового максимализма и в возрасте двадцати семи лет надо быть мудрее. Но в этот момент на меня оглушающее впечатление произвело простое открытие: он трахает других баб в моем доме, пользуясь тем, что меня нет. И еще включает при этом мою любимую музыку. Кажется, именно это стало последней каплей.

Музыки и производимого ими шума оказалось достаточно, чтобы совершенно беспрепятственно еще где-то полчаса собирать вне спальни его вещи и выставлять их на лестницу за дверь. В девятом часу мой сосед, полный и уса́тый балагур, полковник милиции, вышел прогуливать клыкастую овчарку.

— Ты что, Маша, переезжаешь?
— Да нет, выкидываю ненужные вещи.
— Что, увидела не то?
— Почему же — то, очень даже то.
— Ну и правильно, гони этого говнюка! Через неделю приезжает мой старший — ты с ним еще не знакома.
— Спасибо.
— Будет настроение — приходи к нам на пироги сегодня.

Отличный мужик, все знал, в лифте как-то мне пытался объяснить, как надо изобличать предателей. А я еще смеялась и думала, что старик впал в маразм. Могла и задуматься, с чего это плохо знакомый сосед вдруг начинает давать советы и вмешиваться в личную жизнь, а не списывать все на его профессиональные привычки и болезни. Все мое высокомерие и самонадеянность, надо людей внимательней слушать, а не холить свои предрассудки.

После поддерживающего боевой дух разговора я, наконец, нашла женину связку ключей, заперла двери комнат, мимо которых он будет проходить, и откуда он не должен был ничего захватить с собой, а потом спокойно зашла в спальню и начала сгребать в большую сумку его вещи из шкафа. Кто как, а я в кризисных ситуациях становлюсь абсолютно спокойна — все замораживается внутри до того момента, когда будет дана команда "расслабиться". Так можно успеть сделать все нужное для ликвидации последствий, не теряясь, не забывая ничего, помня обо всех деталях и возможных осложнениях. В обычное время я вряд ли смогла бы меньше чем за час выкинуть из квартиры все, что он успел принести. Но сейчас смогла. Правда, я ничего не упаковывала, а просто сваливала в кучу на лестнице.

Минуты через две после моего появления, когда в сумке исчезла вся одежда, лежавшая на полу, и половина содержимого нужных полок в шкафу, они, наконец, обнаружили, что в комнате кто-то есть. Поняв, что происходит, Женя даже не пытался что-нибудь сказать, к тому же не очень удобно выяснять отношения с человеком, который только и делает, что выносит твои вещи в неизвестном направлении, непонятно, что думает и неизвестно, что готов предпринять, а ты при этом гол, как сокол, и застукан на месте преступления.

Собрав все, что было на виду, я отнесла сумку к остальным вещам на лестнице, еще раз прошла по открытым комнатам, чтобы посмотреть, не забыла ли чего. Надо потом посмотреть компьютер, которым разрешала ему пользоваться. Мало ли что у него там есть. Отдавать ему его файлы я точно не собираюсь — свои статьи он ляпал благодаря моим архивам и записную книжку тоже благодаря мне довел до приличных размеров. Ничего не получит — надо было думать, с кем связывается. Возможно, это проявление излишней мстительности и злобы, но в сложившейся ситуации я оставляю за собой полное право на раздел имущества. Все, что принадлежит ему, выкинуто из моего дома. Обжаловать может в суде.

Девушка, поняв, что ждать лучших времен бесполезно, завернулась в простыню и попыталась выяснить, где ее вещи. Получив ответ "на лестнице", расторопно исчезла. После этого мне оставалось только вынести вслед за ней маленький телевизор, который мы купили только потому, что ему нужен был телевизор на кухне. Все это время он сидел в спальне и явно не знал что делать. Я тем временем сняла с кровати постельное белье и отнесла к остальным вещам. Закончив с этим, все еще спокойная как слон, я подвела итог:

— Уходи.

— Но, ты...

— У тебя есть пять секунд, чтобы выйти из моего дома.

— Или что?

— Или я позову соседей. Как оказалось, никто из них не питает к тебе дружеских чувств или жалости. Так что они с удовольствием помогут спустить тебя с лестницы. Вещи у лифта, ты свободен.

Никогда не знаешь заранее, на что способен, когда припрет. Скажи мне кто-нибудь, что я выгоню из дома абсолютно голых людей, спокойно закрою дверь и начну наводить порядок, ни за что бы не поверила. Однако это было так. Точнее, она вышла в простыне, а вот он вышел абсолютно голый. Да, у меня тяжелый, стержневой характер, но самое большое удовольствие мне доставил его побитый вид. Если бы в тот момент я могла придумать что-нибудь еще для увеличения эффекта, то, не задумываясь, сделала бы это.

Мне не понадобилось расслабляться, не надо было пить успокоительное. Случившееся оказалось давно ожидаемым и подготавливаемым. Как будто я спланировала это представление заранее и теперь только радовалась, что все исполнилось в срок и по-моему. Да, мне совершенно все равно, где он будет ночевать, куда повезет свои вещи, и как он будет дальше жить. Даже странно, как будто между нами никогда и ничего не было, отрезало и сразу зажило.

Я наводила порядок и удивлялась, как свободен стал мой дом. Потом пришла жена полковника, полная домашняя женщина лет пятидесяти, и я, действительно, пошла к ним на пироги. Наверное, чтобы так готовить, нужно быть именно женой полковника. Или они женятся только на таких выдающихся женщинах? Какой надо иметь характер, что делать такое легкое, но плотное тесто, не пережаривать мясную начинку и сохранять ее сочность, добиваться такой хрумкой и сладкой капусты? Концентрация и спокойствие, полное подчинение себе всех людей вокруг и обстоятельство? Все глупости про остановку коней и спасение горящих изб придуманы людьми, которые никогда не пекли пироги. Пожар — это временный и случайный героизм, на него практически все способны при определенных условиях. Но печь из года в год идеальные пироги — подвиг высшего существа. И с таким человеком я сидела за одним столом. И она рассказывала мне по секрету, пока полковник ходит курить на лестницу, как однажды в молодости, узнав, что он завел себе бабу на стороне, избила его скалкой так, что он месяц провел в больнице с сотрясением мозга и потом вымаливал на коленях прощение. "Могла убить, но вовремя остановилась, уж очень мне хотелось с ним всю жизнь прожить". Вечер закончился на ударной ноте, когда полковник велел мне сменить на всякий случай все замки, а полковница приказала ему выставить на ночь собаку для охраны. И все это было сделано, даже замки я успела поменять утром до ухода на работу.

У меня всегда так. Жизнь идет медленно и спокойно, нет ни событий, ни перемен. И вдруг за один день происходит столько всего, что на утро просыпаясь в лесу, хотя засыпала в чистом поле. Часто я совершенно не могу сказать, что делала два-три месяца, потому что делала одно и тоже. Но вдруг случается день, от которого можно отсчитать назад или вперед любую дату. Теперь я с

легкостью скажу — двенадцатое августа был четверг, потому что точно известно, как прошел вечер воскресенья пятнадцатого.

Глава 2. Сентябрь 99

Спокойный кусок жизни начался шестнадцатого августа. Тогда же для меня началась осень. К прошлому в этом дне относилась только смена замков, собака у двери и новая приветственная запись для автоответчика: "Добрый день, если вы по поводу свадьбы, то ее не будет. Женя здесь больше не живет, так что звонить ему сюда не стоит. Если вы рассчитываете со мной поговорить, то начинайте после сигнала. Возможно, я сниму трубку прямо сейчас или перезвоню позже". Два года слезли с меня, как старая змеиная шкурка, новая еще не совсем оформилась, но была хороша своей свежестью. Единственное, чего не хватало, это врубить какую-нибудь боевую музыку и орать во все горло до хрипоты, устраивая дикие пляски. Вместо этого я отправилась без звонка к своему любимому парикмахеру Стасику (почему-то всех хороших парикмахеров зовут только так, неверное, без этого не стать настоящим мастером) и позволила, наконец, подстричь себя так коротко, как он считал нужным. Коротко — это не подходящее слово, голова моя была больше всего похожа на киви, но вид подростка-хулигана, продающего сигареты с лотка и краденые часы из-под полы, больше всего соответствовал моему новому внутреннему состоянию. И потом волосы пока еще отрастают быстро, через год это будет вполне приличный хвост. Отец называл его не конским, а бобринным — цветом, плотностью и формой действительно будет похож, как ни стриги.

Новый ландшафт выпятил кое-что неожиданное. Во-первых, я, наконец, придумала, как избавиться от ненужных акционеров. Во-вторых, осознала, как же мне повезло. Эти две вещи связаны потому, что первая связана с работой, то есть со Степой, вторая тоже связана с ним, потому что он — моя большая удача и мой счастливый билет, который не был куплен или заработан, а просто сам ко мне пришел. Степа — маленький жизнерадостный толстяк, хитрый интриган, внешне больше всего похожий на херувима-безобразника, работяга, генератор идей, некоторые из которых я с удовольствием воплощаю в жизнь. Мне действительно повезло его встретить, потому что мы с ним составляем идеальную пару генератор-исполнитель. Впрочем, многим так со Степой повезло, он для каждой своей идеи находит оптимального исполнителя. Оптимального, то есть такого, с которым можно на этой идеи зарабатывать деньги. Жену он себе нашел тоже оптимальную, хотя дело тут было не в деньгах. Однажды, я сказала ему, что он волевым усилием заставил себя полюбить Елку. Понял, что это его жена, полюбил и ее заставил сделать то же самое. Он даже не рассердился, а просто сказал, что в этом и состоит искусство жить, с его точки зрения, когда подобные вещи происходят одновременно. Есть идея: например, пора жениться. Найди нужного человека и создай все необходимые условия для реализации плана, то есть влюбись, покори ее до любви и согласия. Вот и весь секрет жизненного успеха. Так он и действует. Один из немногих людей, который всегда всем доволен. Послушать его — у Елки нет недостатков, сын — идеальный и гениальный ребенок, друзья и сотрудники — ангелы с крыльями. Все бы ничего, но о себе я другого мнения, и Степин позитивный взгляд на вещи утешает в мрачные дни, но не меняет сути дела. В отличие от Маруси, его я вижу как минимум три раза в неделю, не считая того, что я просто на него работаю.

Мы познакомились, когда я училась на втором курсе журфака. Он учился на пятом истфака, но был старше меня на семь лет. Чудом можно считать то, что студенты таких курсов, таких факультетов и таких возрастов вообще познакомились, однако со Степой переставешь удивляться довольно быстро. Дружба наша была основана на том, что он решил заняться моей судьбой и первым делом начал переводить на истфак, где, как он считал, мое настоящее место. Уже одно то, что он смог меня убедить, заставил сделать все, чтоб добиться перевода, и помог мне освоиться на новом месте, сдавая недостающие экзамены, достойно эпической поэмы о подвигах героев. Благодаря его энергии и уверенности я провела в университете сумасшедшие и веселые оставшиеся три года учебы, а Степа не подавал никаких признаков жизни, защитив диплом. И появился как толстый чертик из табакерки, когда я вдруг задумалась, что же делать дальше.

Наверное, если бы не он, я бы сидела сейчас секретаршей в банке в лучшем случае. Правда, он утверждает, что при моем тщеславии, карьерных амбициях и постоянном стремлении навести порядок там, где никто этого уже и не пытается сделать, это просто невозможный вариант. Потом он еще добавляет, что при моем паническом страхе перед будущим и маниакальным стремлении оставить побольше заначек на черный день, банк не смог бы удовлетворить меня в деньгах. В самом худшем случае он видит меня злобной училкой. От этого кошмара я избавлена благодаря его простой и остроумной находке. Появившись вдруг через три года, Степа предложил мне заняться странным делом, которое на нормальном языке называется имиджмейкер, но у нас

получился не совсем классический бизнес на людях. Идея была в том, что самая страшная политическая реклама — это факт; и она же — самая действенная. Теперь это можно написать на двери моего офиса. Мы стали создавать репутации людям, которые в этом нуждались. Репутации, основанные на фактах, что оказалось просто — нам нужно было всего лишь приучить первых клиентов к тому, что слова и дела должны работать на тебя, а не против. Все, конечно, не настолько гладко в реальной жизни, есть факты, которые надо скрывать, замазывать и никогда не показывать на людях, что мы и делаем при необходимости и за отдельные деньги. Но в общих чертах Степаина идея первоначально звучала именно так, хотя это идеализм чистой воды. Чтобы воплотить ее в жизнь, нам пришлось сделать даже свое информационное агентство, которые некоторые называют "помойкой", но считают своим долгом копаться в ней целыми днями. Зато помойка — идеальное место, чтобы скрыть труп или подать в самом выгодном свете жемчуг, пусть и не всегда хорошего качества и формы.

Теперь это дело приносит Степе ощутимую прибыль, мне — ощутимую зарплату и процент от некоторых контрактов. Но, когда мы начинали, денег у Степы было мало, точнее их хватало только на то, чтоб подкормить меня. А нам обязательно нужен был офис. И тогда он нашел людей, которые стали акционерами, предоставив нам офис на четыре рабочих места с компьютерами и даже невероятным по тем временам интернетом. Проще говоря, он их просто развел, им ничего не было нужно. Когда через всего лишь полгода мы заработали себе на переезд в собственный офис и перестали зависеть от них совсем, Степа попытался выкупить у них долю, но они уже решили, что им лучше быть причастным к не очень чистому, но полезному с разных точек зрения делу хотя бы номинально. Формально они ничем не мешали, просто раздражали меня тем, что не давали наслаждаться полнотой власти. И лишним будет скрывать, что Степа обещал отдать мне в управление эту долю и доходы от нее, если я смогу ее отбить. Хитрый, договоренности были со всех сторон неформальные: меня он мог так держать на крючке бесконечно долго, но совершенно не понятно, почему он не мог их просто "кинуть". Скорее всего, там было что-то, чего мне не надо было знать. А врет Степа настолько виртуозно, что и спрашивать нет смысла. Так что приходилось искать способ выгнать их мирно.

Странно, что мне раньше не приходило в голову, как проще всего решить эту проблему. Наверное, все дело в том, что я совершенно не воспринимала их как достойных противников. Или на меня повлияло то, что Степа все время говорил только о продаже и другие предложения отвергал сразу, не объясняя причин. С другой стороны надо было всего лишь придумать, как заставить их продать. План прост, зато основан на моем к ним презрительном отношении. Они были слишком ленивы, чтобы работать, и на этом надо было сыграть. Надо незаметно убить их фактами из их жизни. Уж что-то, а это я умею как никто, все-таки выборы не дают забыть, как это делается. Мне надо лишь представить себе, что у меня есть контракт на уничтожение их как бизнеса, и тогда у меня все получится. Если будут вопросы, можно будет легко соврать, что надо почистить перышки, грядут большие заказы и большие деньги — клиенты должны понимать, что у меня нет никаких моральных обязательств даже по отношению к акционерам. Интересно, сколько они продержатся? Все зависит от того, как скоро они столкнутся с проблемами и убытками. Максимум полгода, я хорошо понимаю, кому и что надо про них рассказывать. К тому же сейчас, в общей суе и неуверенности мне будет очень просто спустить на них всех собак, а они с перепугу подумают, что делаю это по заказу. Надо только спросить у Степы, вдруг ему не понравится мой беспринципный план. Он, в отличие от меня, человек с высокими моральными принципами. Впрочем, он может их себе позволить. Для беспринципной работы он нанял меня.

Но Степа не возражал. Все придумалось так быстро и реализовывалось так гладко, что голова моя была совершенно свободна на фоне нормальной и знакомой работы. Это позволяло возвращаться некоторое время к событиям пятнадцатого августа, и, бесконечно прокручивая в голове этот день, я по-прежнему была уверена, что мне очень везет по жизни. Что бы было, если б я вернулась, как обещала, и не узнала ничего нового о Жене? Наверняка вышла бы замуж. Теперь я даже не понимаю, зачем я вообще собиралась за него замуж. Что мне было нужно? Детей я вроде не собиралась рожать. Жизнь без официальных штампов ни мне, ни ему не создавала никаких проблем. Все было нормально. Зачем было идти замуж? Или это он меня уговорил? А ему зачем? Устроенная, с деньгами, с работой, со связями. Как же все удачно вышло. И Крит еще был не оплачен, и кольца не куплены. Мне опять повезло, хотя не все из моих друзей были с этим согласны. Кто-то пытался меня утешать, но их я даже называть не буду. Зато Маруся и, как не странно, Петя были очень рады, что я так легко отделалась. Степа сказал, что он давно так не смеялся, и что этот тип сразу не понравился и ему, и Елке. Потом прозвонился ошарашенный Колька. Вообще он хотел поплакаться, что развелся, а

ведь это продолжалось так долго, хоть она ему и изменяла, но, услышав автоответчик, решил, что мне все-таки хуже, чем ему.

Колька — один из немногих людей, про которых я с уверенностью говорю "друг". Он не просто друг, он — друган, закадычный приятель. Еще одно университетское приобретение, на сей раз с физфака. Мы познакомились на первом курсе, празднуя католическое Рождество. Утанцевавшись до упада, всю оставшуюся ночь проговорили, и остались оба уверены в том, что, к счастью, романа у нас не будет, зато нам обязательно надо будет поговорить еще. Наши разговоры, совместные приключения типа проникновения без билетов на концерты и другие безобидные шалости все время вызывали протесты со стороны его подруг и моих приятелей. Но мы были непреклонны, отвергали всякие подозрения и продолжали дружить. Он много раз пытался жениться, и пару раз его родители привлекали меня для ликвидации кризисов. Еще не окончив университет, он отправился в бизнес, и сейчас давно забыл про физику и чуть ли не директорствует уже в каком-то банке. Впрочем, я могу этим не интересоваться, потому что он просто мой друг и мне все равно, чем он занимается. Жену его я видела один раз — роскошная хищная блондинка с ногами от коренных зубов, с высоким, темноволосым Колькой они составляли очень красивую пару, но, когда она переставала контролировать свою ослепительную улыбку, на лице проступало такое выражение недовольства и даже ненависти к окружающим, что больше всего хотелось уйти и Кольку забрать. Она мне не просто не понравилась, но была неприятна, как что-то склизкое и омерзительное, на что боишься наступить, потому что придется отмывать обувь, но запах все равно останется. Впрочем, я ей тоже не пришлось по вкусу. Поэтому с Колькой мы виделись по-прежнему междусобойчиком, но теперь тайком и редко. И поэтому же посочувствовать разводу у меня не получилось, и мы договорились как-нибудь сходить поужинать, или попить пива и покатать шары, когда с делами разберемся.

Колька каждый раз смеется, вспоминая, как мы решили сыграть друг с другом в бильярд на пиво. Сначала проигралась я, потом он и когда мы посчитали, сколько придется выпить каждому, решили больше вообще не играть на призы, а только для удовольствия. Иначе можно и пиво разлюбить, что, правда, мне трудно представить. Уж если мы не отказались от него, пока были студентами, когда пили то, что и пивом назвать нельзя, то уж сейчас, когда каждый выбрал себе любимый сорт и даже смог посетить места непосредственного производства, потерять простой повод встретиться и поболтать за жизнь, было бы обидно. Хотя, если жизнь будет продолжаться и дальше в бешеном темпе, удваивая количество обязательных дел, то встречи с пивом придется похоронить. Или проводить их порознь: Кольке в Ирландии, мне в Чехии, и перезваниваться для долгих душевных бесед.

И действительно, чужим людям аргумент про разбор дел часто кажется вежливой декларацией невозможности или нежелания встретиться в ближайшие несколько лет. Дел по работе всегда невпроворот и при желании можно замотать любые обязательства, но не с такими друзьями, как у меня. Мне всегда не хватает времени, проведенного с ними, а ничего не сделаешь — теперь у каждого из нас уже другое существование, которое, конечно, ничего не меняет в наших отношениях, но съедает при этом большую часть возможностей встретиться лишний раз.

Не моя работа, а жизнь вокруг все время заставляет менять планы и решать новые неприятные проблемы. Не мои дела, а Марусины помешали нам провести вместе первое сентября — у нее были сплошные внеплановые дежурства: взрывы и прочие радости первыми встречают хирурги. Наверное, это был первый раз, когда мы не отмечали день нашего знакомства. Тогда меня прямо из школы привезли с аппендицитом в больницу, где она работала для медицинского стажера перед поступлением. Когда выяснилось, что я трясусь от страха, как осиновый лист, и меня надо оперировать под общим наркозом, Маруся решила изучить нового пациента во что бы то ни стало. Я приняла такое же решение, увидев человека моего пола и возраста, добровольно собирающегося стать хирургом. Так мы изучаем друг друга уже десять лет, — нет, одиннадцать. Я ей завидую. Наверное, это плохо, но человеку такой цельности нельзя не завидовать. У нее все ясно и просто, она всегда права. И она ничего не боится. Про хирургию и говорить нечего, и ежу понятно — когда человек в двадцать семь лет режет так, что даже самые отчаянные трусы и ненавистники врачей добровольно ложатся под нож, вместо того, чтобы пить лекарства, значит это действительно что-то уникальное. К тому же женского пола. Но у нее так во всем. Она вышла замуж за занудного и заумного Петю, поставив на уши и свою семью, и его. Все друзья рыдали, говоря, что она делает ошибку. Нет, не все, но я точно была в ужасе от ее выбора. И что же? Он носит ее на руках, и люди, которые знают их недавно, считают, что это Марусе повезло. Повезло! Только ей и могло так повезти. Мне так не повезло, потому что я Петю

терпеть не могу, примирилась с ним только потому, что Маруся счастлива и довольна. Зато на такие истории, как с Женей, у меня нюх. Пора бы уже сразу, как только мне кто-то нравится, понимать, что этот человек совершенно для жизни не пригоден. Или если не нравится, значит пригоден. Я просто лакмус для выявления мужчин, которые по отношению ко мне ведут себя как мерзавцы, жаль только, что не умею пользоваться этим своим качеством.

Хотя чем-то я все-таки умею пользоваться из того, что у меня есть. Могу подавить в себе любые эмоции, благодаря тому, что считаю главным работу и ежедневно должна появляться в офисе собранной и спокойной. Расслабляться нельзя, надо быть в форме. Даже если первое, что делаешь с утра, это звонишь по пяти телефонам и выясняешь, все ли живы и здоровы. Так делали все этой осенью. Я уже забыла, как это бывает. Просыпаешься, собираешься на работу и одновременно набираешь телефоны: сестра, Колька, Маруся, Степа, офис. На работе мы договорились отзваниваться и сообщать, что и как. Все в порядке, ставишь галочку и начинаешь пить чай. И одновременно с этим постоянно отмечаешь происходящее куда-то далеко на край, как несуществующее, придуманное и неважное. Все родные и любимые живы, значит все пока еще нормально, можно продолжать не замечать трагедий, разворачивающихся под окном. Главное — не отдавать себе отчет в том, что происходит. Не думать о том, какой дом упадет следующим, сколько человек вообще и кто конкретно больше никогда не ответит на звонки.

Хотя, конечно, всегда хочется дознаться, кто и зачем дергает людей за смертельные ниточки. Меня часто нервирует, что столь вопиющие, но эффектные факты пропадают зря и никто не претендует на авторство и не орет на всех углах "это сделал я". Или не подготовился заранее ткнуть пальцем, и аргументировано заявить "это сделал он". Подобная недоработка кажется мне профессиональным провалом. Но эта спонтанность моей эмоциональной реакции всего лишь говорит о том, что я полностью потеряла ориентацию в пространстве и любое событие для меня теперь подручный материал. Или я просто боюсь погрузиться до конца в осознание результатов и их тихого, но эффективного использования? Наверное, я сама недостаточно последовательна в своих взглядах и готова играть в управляемые кризисы только до определенного предела — признак дилетанта и самоучки. Утешаю себя тем, что ниточки у меня погуманнее, но надо понимать, что все это лишь сорта одного и того же. Я каждый день рассказываю клиентам, какие комментарии давать по поводу происходящего, как и кого "подсекать", используя смерть — это нужно для дела. В жизни я никогда так не поступаю. Наверное, поэтому у меня в жизни все так неказисто и беспорядочно.

Зато на работе у меня все, с моей точки зрения, продуманно. Всегда и все правильно и в полном порядке. Здесь я почему-то не ошибаюсь в выборе людей и методов. Смешно — никогда не заводила служебных романов. Во-первых, мне совершенно не важно, нравится мне человек или нет, когда я его нанимаю. Иногда, пол и возраст — это последнее, о чем я задумываюсь. Главное, он должен работать без всяких поблажек, быть лоялен и готов расти. Остальное — не важно. Вредные привычки меня не интересуют, пока они не наносят вреда работе, личная жизнь и моральные качества тоже, в общем, в расчет не принимаются. Правда, если появляются сведения о каких-то вопиющих историях вне работы, я обязательно их запоминаю, потому что надо быть "на стреме": в нашем деле вся гниль очень легко вылезает наружу, если себя не контролировать, поэтому надо успеть во время избавиться от прогнивших конструкций. Во-вторых, любовные истории наверняка создают массу проблем. А если роман закончился, что же теперь — увольнять? Слишком сложно и не стоит того. И вообще, когда женщина — начальник, а мужчина — подчиненный, и у них роман — по-моему, это неправильно с точки зрения субординации. В конце концов, кто кого имеет? В общем, странным образом, на работе у меня все построено совсем не так, как в жизни: порядок и строгий расчет.

Наверное, это и создает у моих сотрудников иллюзию стабильности на века. В жизни все может рушиться, но, придя в офис, всегда будет известно — кто кого сменяет, когда будет зарплата, даже если из-за задержек с оплатой контрактов мне придется перехватить из кассы на черный день. Степа ругает меня, говоря, что я создаю тепличные условия среди вечной мерзлоты. Но в этом тоже расчет — никто добровольно не уходит на мороз, туда только выгоняют. Благодаря стабильности на маленьком пятачке, я могу искать себе людей, поддерживать нужных и отсеивать бесполезных. В общем, жестокий естественный отбор, чтобы найти тех, кто может закрепиться, укорениться и плодоносить. С другой стороны не всякий и выдержит тепличные условия, кому-то начинает очень быстро хотеться перемен, даже если это означает сидеть голым и голодным на морозе. Согласиться с рутинным налаженным бытом и не ловить журавля может только мудрый и знающий жизнь. Такими я

и считаю своих сотрудников: те, кто прижились, будут со мной до тех пор, пока я этого хочу. А я тем временем буду следить за теплицей, и обеспечивать им необходимое для жизни.

Глава 3. Октябрь 99

Почему у меня много работы? Я спокойно, без угрызений совести заставляю работать других, никогда ничего сама не делаю сверх меры. Меня нельзя назвать трудоголиком. Просто я паникер. Умею только то, чему научил меня Степа и многолетний опыт. Если вдруг легкая и простая работа, которая не требует особых знаний и умений, закончится, чем я буду зарабатывать себе на жизнь? Не науку же двигать и не в школе преподавать? Поэтому надо все время бежать, брать все возможные контракты. И зарабатывать, зарабатывать, откладывать на черный день или я не знаю на что. Откуда во мне такой животный ужас перед неизвестным будущим? Было время, когда и еду трудно доставали, и ничего страшного не случилось, выжили. С другой стороны у меня нет детей, которых надо каждый день кормить, одевать, лечить и учить, я боюсь только за себя, но за себя в старости и немощи. Наверное, это последствия наблюдений за жизнью родителей. В общем, им повезло умереть не застав крах всего, что они считали неизблемым. То есть папе повезло. Он был уверен в том, что заслужил свою немаленькую пенсию, которая будет длиться вечно. Чего ему стоило добиться благополучия на века, и на что он шел, чтобы у нас все всегда было, правда, никогда не рассказывал.

Мама пережила его настолько, что видела руины своих представлений о мире. Жили мы бедно и странно, как, впрочем, почти все тогда. Пока я училась, мы существовали на ее пенсию, мои подработки переводами, работой на выставках и репетиторством, и еще, конечно, на остатки папиного золотого запаса. Она успела только чуть-чуть застать мои первые заработки у Степы. И, вспоминая, как она быстро сдала, не принимая изменений вокруг себя, я, в отличие от родителей, каждый день повторяю: "Нет ничего вечного". Все может разрушиться быстро и без следов. Так что надо иметь возможность в любой ситуации если не заработать, то использовать то, что заработал, пока мог. Поэтому у меня есть квартира для себя и квартира, которую сдаю. Я раскладываю деньги, чтоб ни при каком условии не потерять. Не даю в долг и не делаю долгов, потому что не уверена, что смогу отдать или мне отдадут то, в чем я когда-нибудь, может быть, буду нуждаться. И все равно, нет никаких гарантий, как я ни стараюсь. Квартиры могут отобрать, деньги ликвидировать. Можно земли купить, чтоб в случае чего жить натуральным хозяйством — так и земля могут отобрать. Можно еще держать в кармане билет в какую-нибудь мирную страну со счетом в банке. Но только счет у меня не велик, а работать нигде уже не смогу, я же по сути дела ничего не умею.

Так что остается "раскладывать соломку" здесь и наслаждаться, что у меня много работы и, что она мне очень нравится. Например, тем, что можно создавать управляемые кризисы и извлекать из них максимум пользы. Так я попыталась сделать пятнадцатого октября. Дата, конечно, была определена случайно. Просто именно к этому дню мои ненужные акционеры поняли, что я буду поливать их грязью, пока они не отступятся от своей доли. Не надо думать, что все было грубо. Когда работаешь неаккуратно, противник всегда может повернуть все против тебя. "Смотрите, какая топорная работа, это же черный пиар". Подобного провала мы себе позволить не можем и всегда заметаем следы. Именно благодаря постоянной предусмотрительности и получается за два месяца довести людей до состояния нервного срыва, когда они уже готовы отдать последнее, чтобы прекратить публичную порку. И, конечно, я ни за что не стала бы устраивать взрыв, если бы знала, что они способны прислать мне человека с ружьем под дверь. Всему есть предел. Надо и о личной безопасности думать.

Я давала им полгода, они оказались слабее. Еще пытались торговаться о цене, но сил уже явно не было, так что мы могли "кочевряжиться" вволю. Наверное, могли дожать их до безвозмездной передачи, но Степа решил не жадничать, видимо заговорили принципы или факты, о которых меня в известность не ставили. И вот 15 октября наступил день, который был распланирован по минутам. Такое событие, как обретение полной номинальной власти над тем, чем управляешь, нельзя пускать на самотек. Кстати, не только потому, что это действительно важно. Точно известно — когда в жизни все идет гладко и по плану, я перестаю быть на стреме, расслаблюсь, врубаюсь в неожиданный кризис на ходу, совершенно к нему не готовая. Поэтому в этот раз я пыталась завести себя заранее, подготовиться к любым неожиданностям, которых должно было быть в избытке. Всего предугадать мне не удастся никогда, я уже даже оставила безуспешные попытки добиться подобного результата. Каждый раз, когда я уверенно отмечаю возможность появления препятствий на пути, они немедленно начинаю появляться там, где их вообще не ждешь. Так всегда, как только забываешься. Поэтому я запаслась разнообразными бумажками, подогнала юристов для составления документов,

договорилась с нотариусом, который должен был заверить необходимые документы, и с утра спокойно запустила процесс передачи доли от них к нам.

По пути, конечно, возникли разные мелочи, пришлось даже съездить к Степе, а ему — еще раз переговорить с побежденными. Странные люди — конечно, Степа меня хорошо прикрывает своими связями, делами и своей известностью, но, в конце концов, они мне могли просто прострелить голову. Но видимо им действительно ничего не было нужно, поскольку даже сама мысль о борьбе, судах, восстановлении деловой репутации, разборках, адвокатах, проигрыше или контрольном выстреле в голову была настолько мучительна, что после непродолжительных колебаний они все подписали и мы запустили процесс по изменению документов нашей милой конторы. Здесь моего вмешательства уже не требовалось и я решила, что вот он — день, когда все до последней детали произошло по-моему, кризис преодолен и можно расслабиться. В таком радужном настроении и, впервые допустив мысль о том, что жизнь может быть под контролем, я вернулась в офис.

Девчонки поняли по моему довольному виду, что кусок съеден успешно, но тут же вернули меня к реальной жизни, заговорщицки зашептав:

— К тебе посетитель, видимо клиент.

— Не может быть, я ни с кем на сегодня не договаривалась. Кто такой?

— Он не представился. Сказал, что не договаривался о конкретном времени — как только появилась возможность, сразу пришел.

— Удивительно, ладно, посмотрим, — и, сделав спокойное лицо, я вошла в переговорную.

Спиной к двери сидел человек и разговаривал с кем-то по телефону. Лица я не видела, голос по коротким репликам тоже не узнавала. Пока я шла к столу, разговор закончился, человек повернулся ко мне и встал, протянув руку. Я поздоровалась, села за стол и попыталась понять, откуда я его знаю. На это у меня ушло ровно пять секунд, пока он доставал и протягивал мне визитку, и получал в ответ мою. После того, как я вспомнила, мне пришлось собрать все силы, чтоб не обнаружить этого факта, прочитать на карточке "Сергей Михайлович Гончаров" и, подняв глаза, спросить человека из пятнадцатого августа:

— Чем могу быть полезна?

Он спокойно посмотрел на меня и сказал:

— Я обещал вам, что мы встретимся в другое время и в другом месте. Теперь время пришло.

— Ну что же, вы сдержали слово, очень приятно. Это все? — я пыталась быть спокойной хотя бы снаружи, если уж внутри мне это не удавалось. Больше всего мне было нужно, чтоб он ушел.

— Теперь мне бы хотелось узнать, к какой из перечисленных во время нашей первой встречи категорий людей вы относитесь. И для начала пригласить вас на ужин.

— Боюсь, этого вам не удастся сделать, я не могу с вами поужинать.

— Почему же?

— Потому, что не очень хорошо представляю себе, как далеко вы намерены зайти, чтобы сдержать слово.

— Так ли это сейчас важно? Я прошу вас поужинать со мной и не вижу причин для вашего отказа. Вы ведь не заняты сегодня вечером?

Он начинал меня раздражать, хотя — почему начинал? Он меня раздражал сразу всем своим видом самоуверенного человека, считающего себя хозяином всего вокруг. Он так задал свой последний вопрос, что я почти поверила в его полную осведомленность о том, кто я, как живу, с кем общаюсь и куда пойду сегодня вечером. И я злилась на себя за то, что неправильно разговариваю. Мне казалось, что он навязывает мне реплики, чтобы разговор шел так, как нужно ему.

— Еще раз вынуждена вам отказать. Я не смогу поужинать с вами. Если это все, то не буду вас больше задерживать.

Но так просто его было не сдвинуть с кресла. Он стал чуть меньше улыбаться, но не потерял в уверенности.

— Должен сказать, ваш отказ убеждает меня в том, что я правильно делал, разыскивая вас. Когда я убедился в своей ошибке, то сначала решил принять поражение и больше об этом не думал. Но через некоторое время мне пришлось просмотреть снимки того дня, и я случайно нашел вашу фотографию. Когда я увидел выражение вашего лица, то решил во что бы то ни стало найти вас. Потому что я не допущу, чтобы кто-нибудь, вспоминая меня, так ухмылялся. Я всегда держу свое слово. Если сказал про другое время и место, значит так и будет, и если сказал уже, что узнаю, кто вы, то и это я тоже сделаю. И я бы хотел познакомиться с вами поближе и, если возможно, побыстрее.

— Вы бы еще сказали, что приглашаете меня поужинать, а потом рассчитываете переспать со мной.

— Не буду отказываться, если вы мне предложите подобный вариант.

Вот такого ответа я не ожидала. Подобное нахальство меня ставит в тупик, хотя я сама очень часто использую подобный прием, чтоб разоружить собеседника. Например, только что. Возможно, я бы опять что-нибудь придумала, но меня заклинило на том, что это человек из пятнадцатого августа. Остается радоваться, что я не кинула в него пресс-папье.

— Тогда и я расскажу вам кое-что. Начиная с нашей встречи, я только и делаю, что сталкиваюсь с людьми, которые не просто не отвечают за свои слова, но и доставляют мне этим массу неприятностей. И вот удивительный подарок судьбы, является человек, который полностью отвечает за свое слово, готов пойти на все, чтобы его сдержать, но особенно умиляет тот факт, что все эти труды для того, чтобы все знали: как обещал, так и сделал. Так вот. Вы убедили меня — больше вас никто за свои слова не отвечает. Запишите меня в категорию "птичка, улетевшая на юг", и вам не нужно больше предпринимать никаких действий. Всего хорошего.

Я поднялась и открыла дверь кабинета. Не говоря ни слова, он вышел, попрощался с девчонками и ушел. А я села доделывать оставшееся на сегодня. Мой идеальный и просчитанный до секунд день был испорчен одним разговором. В такие минуты хочется убедить себя, что если бы я не подумала, что все под контролем, то ничего бы и не было. Мне всегда не хватает некоего правила или ритуала, следуя которому можно добиться нужного уровня стабильности жизни и ее полной зависимости от моих желаний. Правда, такие мысли на долго не задерживаются, а то бы настроение мое испортилось на века от созерцания собственной глупости. Еще в школьном курсе физики было объяснено, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

Час назад у меня не было проблем с сегодняшним вечером, я могла полностью довольствоваться тем, как завершилась эпопея с долей. А теперь приходилось срочно что-то придумывать, искать дела, чтоб задержаться на работе или найти себе какое-то занятие до ночи. И тут позвонил Колька. И предложил, наконец, поужинать и поговорить, тем более, что у него давно есть идея познакомить меня со своим близким другом. Колька в роли свахи был настолько уморителен, что пришлось спросить, не могу ли и я его с кем-нибудь познакомить? А то, свободный от жен и подруг, он становится непредсказуем. Послав меня по обычному адресу, он сообщил, что ждет меня в восемь в обычном месте и стол забронирован на его имя.

Это был неплохой вариант, особенно, если его друг обладал чувством юмора. Посмеяться мне было сейчас необходимо позарез. Порадовавшись еще раз своему везению и своим друзьям, я приехала в назначенное место почти вовремя. Сам ресторан уже поправил настроение. Единственным недостатком, на мой взгляд, были не очень удобные стулья, но еда заставляла забыть о подобных мелочах. Я бродила в поисках по небольшим залам, когда услышала Колькин голос, звавший меня из бильярдной. Любимое место, там был только один стол. Но в этот раз даже это не спасло — меня встретили улыбающийся и довольный Колька и, как ни смешно, Сергей Михайлович Гончаров.

— Привет, старуха, познакомься, мой друг и босс, Сергей.

— Спасибо, Коль, я уже отказалась сегодня ужинать с этим человеком.

Бедняга, у него ужасно подвижное лицо, которое от неожиданности может отразить все, что внутри. Интересно, как он бизнес ведет с такой мимикой? Сейчас он был идеальной маской ужаса, удивления, недоверия и паники одновременно.

— Вы знакомы? — спросил он, обращаясь даже не ко мне, а к Гончарову.

— Знакомы, — я села за стол, потому что ужасно хотела есть и была очень зла на Кольку, — рассказывай, как и почему он тут оказался.

Теперь я нарочно вела себя так, как будто мы были вдвоем с Колькой. Хотя бы для собственного спокойствия я должна была заставить Гончарова понять, что он — пустое место.

— Я же тебе сто раз про него рассказывал, еще смеялся, что надо вас познакомить, должно получиться весело. Я и ему о тебе рассказывал, ну и сегодня так получилось — и я и он были свободны. Все равно мы давно собирались встретиться...

— Чья была идея?

— Ну, ты не прокурор.

— Я — прокурор. Чья была идея?

— Его... ну не волнуйся ты так! Что вообще случилось, когда ты успела отказать ему в ужине?

— Твой друг очень напористая личность, ужин был началом, у него большие планы на вечер, он сегодня еще и переспать со мной собирается.

— Он конечно могуч, но ты не забывай тоже... Когда вы познакомились?

— Смешно сказать, два месяца назад я увидела его первый раз в жизни, это не помешало ему на пятой секунде знакомства уверенно сообщить о своих планах.

Все это время Гончаров смотрел на нас с нескрываемым удовольствием, только что не смеялся во весь голос. Колька решил его привлечь к разговору, но сделал это крайне неудачно, потому что спросил:

— Это все правда?

— Маша выдает желаемое за действительное, — ответил тот и опять замолчал, довольно улыбаясь.

Подозреваю, что доволен он был тем, насколько я взбесилась. Равнодушной меня назвать никто бы не мог. Это он, видимо, расценил как очко в свою пользу. Колька же, опешив, решил как-то привести меня в чувство после такого удара, заступиться за друга и вообще исправить положение.

— Старуха, прекрати. Человек просто хочет с тобой познакомиться, а ты вообразила невесту что. Даже если бы все было так, как ты говоришь — многие сочли бы такое поведение комплиментом.

— Коль, прекрати дурака валять. Ты что, всерьез так считаешь? Комплимент. Хорошо, мы с тобой друзья, а если б я оказалась твоей женой? Что бы ты делал в такой ситуации?

— Ты же не моя жена.

— Но он этого знать не мог. Мало ли чья я жена и подруга, его это все не волнует. Подозреваю, что его и не волнует кто и чья жена, когда он решает свои проблемы.

Изливая яд, вдруг подумала, что, наверное, зря я так с Колькой, уж очень он спал с лица после этой реплики. Тем временем принесли еду, что позволило ему взять себя в руки, мне, наконец, поесть, а Гончарову вступить в беседу. Из нее выяснилось, что Колька советует мне все-таки познакомиться с ним поближе, что он не намерен отступать от своих планов, каких, правда, Гончаров так и не рассказал. Мне еще раз сообщили, что мои домыслы относительно причин его интереса ко мне — это мое личное дело. Хотя тут же рассказали, что еще не было женщин, которые были бы им недовольны, и если уж я так настаиваю на том, что его интерес ко мне именно такой, то зря я так волнуюсь. И потом, все мы взрослые люди, если можно получать от жизни удовольствия, то зачем от них отказываться. Тем более, без всяких взаимных обязательств и претензий. И, конечно, я вела себя как невоспитанный подросток пятнадцати лет, которого впервые привели на праздник для взрослых. Вечер прошел напряженно. Столько хамить мне не приходилось лет десять. Поэтому, закончив есть, я немедленно встала и заявила:

— Всего доброго, можете меня не провожать. Колька, позвони мне, как будет настроение.

Развернулась и почти бегом устремила к машине, чтоб добраться домой и закончить этот день как можно скорее. Для этого мне надо было успокоиться, а для этого выпить чаю. Хорошо, предположим, я все выдумала. Глупости! Я не девочка, чтоб мужик мог мне сказать "в другом месте и в

другое время" с выражением лица "самец на охоте", а потом объяснять, что его интерес сугубо научный. Поразительно бесстыдное нахальство. И еще будет говорить, что мои взгляды недостаточно свободны, и я комплексующий синий чулок. Чаю, и покрепче.

И вот я стою с чашкой посреди кухни и жду, когда закипит вода. У меня бывает желание бить посуду, только желание, я никогда не пыталась его реализовать, потому что причины для битья посуды никогда не перевешивали моей любви к чашкам и тарелкам. Сегодня у меня не было даже желания, и поэтому я ужасно удивилась, когда вдруг сообразила, что размахиваюсь и швыряю об кафель свою любимую лазоревую чашку. Тут зазвонил телефон и включился автоответчик. Пока было непонятно, кто звонит, я успела разбить еще одну чашку и схватить следующую. И ничуть не удивилась, когда бодрый голос Сергея Гончарова произнес:

— Маша, снимите, пожалуйста, трубку, даю вам слово, это последняя просьба на сегодня.

Я включила спикер, сказала "да" и разбила еще одну чашку.

— Простите, можно узнать, что это за шум?

— Вы за этим звоните? — и еще одну чашку об стену.

— Нет, но теперь и за этим тоже.

— Я бью посуду, — он замолчал, и я успела разбить еще две чашки.

— Я могу еще как-нибудь пригласить вас поужинать со мной?

— Я уже вам сегодня ответила: нет, — и теперь в стену полетела тарелка.

Он молчал еще некоторое время, я успела разбить тарелку и два блюда, они все равно мне никогда не нравились.

— А если я пообещаю захватить с собой вазочек на пять эре, чтоб вам было чем в меня швырять?

И тут я, наконец, поняла, что такое настоящий кризис. Услышав эту фразу, мне оставалось только бросить трубку, чтобы этот безумный человек не услышал, как я умею рыдать во весь голос. Если и было то, чего я совсем не ожидала от него услышать, так это цитату про вазочки. Я сидела на полу своей кухни, усыпанной черепками, и рыдала о том, что видимо жизнь моя совершенно не удалась и счастье в работе. О том, что я угробила два года жизни на мужика, который изменял мне с каждой юбкой. О том, что я вообще не умею ничего в жизни, кроме своей странной работы, за которую меня или ненавидят, или боятся. О том, что единственный человек, который в нужное время произнес нужную цитату, вызывает у меня дикий приступ ненависти и желание переломать ему все кости тяжелым предметом. И еще о куче вещей, о которых все всегда плачут. В таком безутешном состоянии приятно находится хотя бы полчаса, но сегодня мне даже этого не было позволено. Следующим позвонил Колька.

— Машка, ты как?

— Оставь меня в покое, я сказала "позвони как-нибудь", это не означало, что надо звонить сегодня.

— Ты что плачешь? Успокойся немедленно или мне придется ехать тебя утешать.

— Сам виноват, кого ты мне подsunул?

— Прекрати истерику, за мной никакой вины нет — отличный мужик, мой друг, имею право тебя знакомить. Вот волнуется, как ты, просит узнать.

— Пусть проваливает, что ему от меня нужно?

— Да чего ты так взбеленилась, ты что маленькая? Да пусть ты даже и права, что с того?

— Ах так, значит! И что ты мне посоветуешь?

— Ты успокоилась или это очередной виток истерики?

— Я успокоилась. Вот ты его давно знаешь, ну и скажи — что мне делать?

— Тут я плохой советчик, тем более, что ты попала пальцем в небо про то, что его не интересовало — моя это жена или чья-то еще.

— Так вот кто спал с твоей женой!

— И не он один. Но в его случае инициатива была ее, а он никогда не отказывает даме.

— И ты после этого с ним общаешься?

— Почему нет? Это она — шлюха, а он лишь воспользовался этим.

— Отлично, так что мне делать?

— Я не знаю, но по моему опыту могу сказать: я еще не разу не видел, чтоб он отступился от того, что решил сделать. Хватка у него мертвая.. Так что, если он решил тебя уложить в койку — как-нибудь, но он своего добьется.

— Знаешь что! Он подавится! Как-нибудь добьется! Ты слышал, как он загибал что-то про то, что никогда никто не жаловался на его поведение и женщины всегда им довольны? Тогда получается, силой он меня заставить не может, также отпадает шантаж, принуждение любым другим способом, потому что тогда я точно не буду довольна, и он своего слова не сдержит.

— Постой...

— Нет, это ты постой! Позвонил, так теперь слушай. С наскака уже ничего не вышло, что остается? Дарить подарки и думать, что я посчитаю себя обязанной расплатиться? Вот уж нет, этого точно не будет. Даже если это будут острова на Атлантике или замки на Луаре. Что еще? Пытаться со мной дружить? А если вдруг окажется, что я влюбилась? Тогда точно не удастся отвалить так, чтоб я была довольна. Все, вариантов больше нет. Если уж ты работаешь "дуплом", можешь ему все это передать и попроси его оставить меня в покое. Я больше ничего не хочу. Пусть он будет хозяин своего слова в полном объеме, иначе партия будет проиграна. Ты сам видишь, какие варианты. Пусть оставит меня в покое.

— А если ты ошибаешься, если ему не этого нужно?

— Мне плевать. Что бы ему ни было нужно. Он мне не клиент, чтоб я терпела его выходки. Да и клиенты мои себе такого не позволяют.

— Ну а если он все-таки позвонит и опять пригласит куда-нибудь, ты пойдешь?

— А вот теперь ты оставь меня в покое. Я ничего не знаю, кроме того, что хочу спать. Спокойной ночи, Колька, позвони завтра или когда я успокоюсь окончательно.

День смог закончиться только тогда, когда я собрала и выкинула все осколки.

Первой моей мыслью шестнадцатого октября было: какое счастье, что сегодня суббота. Второй: опять полностью изменился ландшафт. Третьей: я — феноменально эгоцентричное существо. Первая мысль подтверждала мой обычный тезис о том, что я — очень везучая. Вторая убеждала меня в том, что нормальное течение жизни — это кризис, полная смена декораций и после этого спокойная и приятная жизнь. Но так не только у меня — мы вообще здесь живем от кризиса к кризису, и только за счет этого что-то меняется. Третья мысль занимала меня еще некоторое время в течение дня.

Она, правда, появляется у меня регулярно, как только происходит что-то смертельное рядом со мной. Чем еще можно объяснить, например, мой странный способ работать? Занимаясь людьми, фактами и новостями, приходится узнавать много страшного об окружающем мире. Происходящее приводит меня в ужас, я слишком живо могу представить по письменному тексту, как выглядит кровь, трупы указанного количества жертв. Телевизор вообще смотреть не могу, выпуски новостей мне противопоказаны. Единственный возможный способ сосуществовать с тем, что взрывают дома со спящими жителями, что идут войны, что людей убивают из-за денег на бутылку водки, — считать это всего лишь текстом. Теперь любая новость для меня — страница из книги, я составляю дайджесты, для каждого случая свой, это как сценарий фильма, а он не может и не должен смущать сценариста. Я делаю все, чтоб продолжать жизнь, из инстинкта самосохранения не обращаю внимания на происходящее. Иначе в приступе отчаяния могла бы давно покончить с собой.

Это еще одна из моих иллюзий. Я настолько уверена в своей исключительности, что даже мысль о том, чтобы прекратить свою жизнь самостоятельно, а тем более, возможно, испытав некоторую физическую боль, полностью исключена. К тому же физические страдания, ужас перед ними и болезненное воображение лишили меня возможности и с болезнями провести такую же операцию, как с новостями, — и стать врачом. Как было бы прекрасно, если бы и болезни можно было бы изучать как факты. Но я свихнулась бы, наверное, получая медицинское образование: банальный справочник фельдшера может заставить меня обнаружить у себя все перечисленные симптомы. Даже названия болезней могут заставить меня беспокойно ворочаться часами в постели, прокручивая в голове слова «рак, туберкулез, волчанка»: слишком хорошо училась в школе, чтобы забыть о способах лечения и трудностях умирания. А жаль, с новостями получилось неплохо.

Одно из основных подтверждений этого — две параллельные и непересекающиеся хронологии жизни. Моя собственная жизнь идет так, как я ее вижу. Вот пятнадцатое августа, потом два месяца, я помню их отлично, потом пятнадцатое октября, сегодня шестнадцатое, суббота и так далее.

В это время снаружи происходит столько мрачного и дурного, что моя личная хронология с учетом профессиональных дел выглядит просто устрашающее. Достаточно было бы рассказать об этом вслух, чтобы многие из моих клиентов задумались над тем, насколько я погружена в их проблемы. С другой стороны, их интересует результат, соотношение цена-качество и лояльность, а это у них есть. Иметь возможность скрывать, что творится в моей голове — мое конституционное право.

Пятничная "буря в пустыне" мне очень помогла встряхнуться. Наступило время больших заказов и денег, а значит и большой работы. То, что мы избавились от акционеров до первых серьезных платежей, было очень удачно, хотя они никогда не участвовали в основном дележе призов, тем более, предвыборных, но мало ли что. Это раньше мы работали практически все время "в черную", теперь приходилось переходить на более легальные схемы, и мне не хотелось иметь ненужных людей под боком.

Назвать наступавшее время спокойным нельзя, клиентов много, мы даже не рассчитывали, что столько людей, не завязанных на партийных бюджетах, придут к нам. Тем более что мы предпочитали работать с людьми на длинных контрактах, не связываясь с теми, кто хочет, чтоб ему за пять минут поправили то, что он нагородил за четыре года. Планов было выше головы, но я уже успела натаскать всех, кто работал со мной, чтобы иметь возможность только раздавать, управлять и забирать себе самые интересные и любимые куски. С точки зрения денег меня все и так уже давно устраивало.

У меня вообще странные отношения с деньгами и тем, какие возможности они предоставляют. Например, и в этом я в очередной раз совершенно не похожа на свою сестру, совершенно не интересуюсь тряпками и побрякушками. Бывает, конечно, куплю что-нибудь фантастическое, но ношу все равно или джинсы-рубашка-пиджак, или брючный костюм унисексового кроя. После смерти родителей уже никто не надеется, что можно заставить меня ходить в платьях и юбках, носить украшения, ну и вообще вести более женственную жизнь. Я бы с удовольствием и пиджак не носила, но клиенты бывают разные, губернаторы и депутаты сидят в таких местах, где иногда приходится выглядеть более официально, чем мне бы хотелось. Хотя с моей нынешней стрижкой, которая еще долго будет вызывать нервный смех у неподготовленных людей, можно не заботиться об одежде.

А с другой стороны, зачем усложнять жизнь лишними вещами в шкафу? Простая одежда мне идет. Чтобы искать другую, надо иметь уйму времени, таскаться по магазинам, брать с собой кого-то для критического взгляда. Когда приходится заниматься подбором одежды для клиента, я собираю трех-четырех человек на первые примерки. Чтобы собрать себе трех-четырех человек для похода по магазинам, мне горы придется свернуть. И потом рост у меня по нынешним временам между маленьким и средним, фигура неплохая; на мне, в общем, все смотрится хорошо. Из цветов я не люблю розовый, ядовитые фосфоресцирующие эксперименты, некоторые оттенки зеленого и серый. Фиолетовый мне не идет. Остальное можно варьировать. Гораздо легче вбежать в нужный магазин, померить несколько пар джинсов, купить очередную рубашку и уже ни о чем не беспокоиться. А, купив кучу тряпок, надо будет думать, в чем пойти на работу. Предположим, меня хватит на две недели, но потом я точно займусь чем-то более важным. Достаточно того, что, глядя на себя в зеркало по утрам, я довольна. И выхожу на улицу, зная, что хорошо выгляжу. Не умею одеваться? Ерунда, многие и более существенных вещей не умеют.

И потом, это мелочь на фоне общей благодати. Мне сейчас спокойно и хорошо, ничто не царапает внутри, не сворачивает внутренности в комок от напряжения, страха и неуверенности. В таком настроении трудно все время помнить о том, что бывают кризисы. Как только я успокаиваюсь, моя любимая будничная жизнь затягивает меня. Больше всего хочется убедить себя, что так было и будет всегда, потому что именно такая жизнь мне приятна и комфортна. Мелькающие дни напоминают мелкие теплые морские волны. Единственным темным пятном на фоне всего этого был странный факт, преследующий меня уже долгие годы: мою работу ненавидят очень разные и очень близкие мне люди — Маруся, Колька и моя сестра Танька. Каждый по-разному, но ненавидят, и это служит, пожалуй, единственным поводом для напряженности между нами. При этом у каждого свои раздражающе убедительные аргументы.

С Марусей мы перестали обсуждать эту тему после моих первых выборов. Просто потому, что она сказала следующее:

— Я бы ничего не хотела знать о людях, которым ты "делаешь лицо". Это мне мешает ходить на выборы.

— Почему вдруг?

— Мне бы хотелось выбирать умных вменяемых людей, а ты, я точно знаю, можешь сделать таким кого угодно.

— Могу. Но ты забываешь, что только умный и вменяемый человек может отдать себе отчет в том, что ему нужна моя помощь. Дурак никогда не согласится на такое вмешательство в себя. Так что спроси меня, с кем я работаю, и ты точно будешь знать, кто из них вменяем.

— Глупости, ты сама понимаешь, что работаешь не за интерес, а за деньги. А деньги не всегда дают тем, кто действительно вменяем.

В общем, с Марусей мы зафиксировали несогласие самым мирным способом из всех возможных. Теперь она, кажется, считает, что я зарываю свои таланты в землю. Было бы что зарывать, отвечаю я ей и лично, и мысленно. С Колькой мы тоже уже перестали ругаться по поводу работы. Он просто называет меня стервятником, и говорит, что гнусно заниматься такими делами, фактически обманывать людей и навязывать им выбор. Много раз я ему объясняла в ответ, что даже самые прекрасные люди и идеи нуждаются в рекламе, что множество гениев погибло в безвестности и я просто скорая помощь для тех, кто не может все сам. Такие споры обычно идут по кругу. И, в конце концов, разозлившись, мне пришлось его разорвать, сказав, что мне совершенно наплевать, чем занимается он. Если станет наемным убийцей, я, конечно, буду расстроена, что можно так распоряжаться своей жизнью, но он не перестанет быть моим другом. Я же не "гоноблю" его за то, что он — прекрасный физик — занимается изобретением банковских схем, многие из которых с большой натяжкой можно назвать законными, легальными и моральными, особенно одновременно? Колька заткнулся, теперь мы иногда рассказываем друг другу анекдоты о работе.

А Танька? С Танькой вообще все сложно. Начать с того, что она старше меня на пятнадцать лет, ее старшая дочь родилась, когда мне было семь. Поэтому она со мной, в общем, всегда обращается, как с ребенком. К тому же Танька во всем очень похожа на маму, и семья у нее такая же, даже скандалят они с мужем точно так же, как мама с папой. Бурные выяснения отношений, потом страстные объятия и поцелуи. Как старшая сестра она волнуется, что я слишком много работаю, никак не могу нормально устроить свою личную жизнь, занимаюсь всякой ерундой, вместо того, чтобы выучиться на врача, который всегда будет при деньгах, или дантиста, или нотариуса, или на что-нибудь еще столь же стабильное и прибыльное. К тому же ей не нравится вся та грязь, с которой мне приходится возиться и то, что некоторые друзья ее мужа вздрагивают, слыша мое имя. Еще бы, он — потомственный функционер внешней торговли, дружен со многими депутатами, большими чиновниками и губернаторами; некоторым из них мне удавалось вполне ощутимо прищемить хвост. Зато, думаю, Танька удивлена, что я не сижу у нее на шее, хотя могла бы, как младшая и балованная сестра и дочь. И еще она рада, наверное, что я разумно обращаюсь с деньгами. Может быть, поэтому мы без проблем смогли поделить наследство: продали родительскую квартиру и разделили деньги. Я доложила своих, и купила свое первое собственное жилье, которое теперь сдаю. Она купила детям по квартире, доложив своих. И все остались довольны. Я только удивляюсь, как она умудряется что-то скопить при ее способности тратить, делать долги и сорить деньгами. Наверное, Борис прячет. Борис — это ее муж. С ним у меня очень странные отношения, пару раз он мне подкидывал очень жирных клиентов. И когда я говорю о работе, он прислушивается и даже иногда следует моим советам. По жизни, он считает меня маленькой дурочкой, а я его — занудой. Хотя для Таньки — это идеальный вариант. С ним она может спокойно заниматься своими антикварными лавками, собирать гостей, делать подарки и выглядеть самой ухоженной женщиной в городе. В отличие от меня, она совершенная женщина, видимо, в нее ушло все, что полагалось нам на двоих.

Каждый из них не любит мою жизнь по-своему. И это меня немного расстраивает. Но не буду же я менять работу только поэтому. Хотя, конечно, я всегда помню о том, что эти трое мной недовольны, грызут меня мысленно и поминают недобрым словом, как только сталкиваются с политической жизнью вокруг. Особенно перед выборами. Кто-то из них обязательно выплескивает на меня электоральные эмоции. В этот раз вдруг Колька нарушил двухлетний мораторий неосуждения ближнего за дела его, и мы сцепились прямо у него на дне рождения. Он позвонил через неделю после встречи и сказал, что как всегда тридцатого и в этот раз дома; народу будет мало, только совсем близкие.

— И что тебе подарить?

— Что хочешь, только будь, пожалуйста, в хорошем настроении, — бедный, он все еще боится получить хорошую взбучку за неудачный ужин.

Обожаю искать подарки, когда знаешь человека хорошо, знаешь, что, в общем, у него все есть, бродишь часами по разным местам и изобретаешь что-нибудь удивительное или смешное. Правда, времени на такое наслаждение у меня в этот раз не было совсем, но я все равно смогла найти, чем его развеселить — купила самокат. Он хохотал минут пять, гоняя на нем по коридору.

Так день рождения и прошел бы, но уже ближе к концу мы заговорили о делах. Колька вдруг опять начал меня донимать своими нотациями о том, что я занимаюсь ерундой, а это для здоровья не полезно.

— И чего ты от меня хочешь? Чтобы я бросила работу?

— Найди себе другое занятие, ты же все можешь.

— Я ничего не могу. Как ты не поймешь до сих пор — я ничего не умею!

— Глупости, да тебя любая контора отхватит с руками и ногами и еще золотом осыплет. А ты якшаешься с этими недоумками или с теми, кто готов за них платить. Зачем мारаться о такие деньги?

— Прекрати, ты прекрасно знаешь, что я не всякие деньги беру. Я не работаю с коммунистами и националистами, правда?

— Такого вроде за тобой не было.

— Я не дорываюсь до больших государственных денег, правда?

— Вполне возможно, потому что не предлагают.

— Хорошо, допустим. Я только не понимаю, чем тебя не устраивают политики с деньгами?

— Могу себе представить происхождение этих денег.

— Перестань строить из себя чистюлю. Можно подумать, твой Гончаров получил наследство или продал бабушкины фамильные драгоценности, чтобы так подняться. У нас все большие состояния делятся на три типа. Первые: бандитские — наркотики, оружие, и прочие радости. Вторые — взятки, которые дают большим чиновникам. Третьи — люди, оказавшиеся в нужное время в нужном месте. Вот среди этих третьих и есть люди, которые умеют не только взять, но и приумножить, потому что вкалывают день и ночь. С ними я и работаю.

— Между прочим, Гончаров помимо того, что, конечно, оказался в нужное время в нужном месте и сам работает как вол без выходных и праздников, так вот этот самый Гончаров никогда не пользуется услугами таких, как ты.

— И ломает себе шею рано или поздно. Или обратится за помощью. Здесь деньги никого не защищают. Страна такая.

— И все равно, работа у тебя неприятная, нашла бы что-нибудь другое.

— Что другое, Коль? Где его взять, это другое?

— Гончаров, кстати, наверняка тебя бы с удовольствием нанял. Он всегда ищет людей, умеющих работать. Хочешь, я с ним поговорю?

— Все для этого, да? Ты за этим завел разговор? Гончаров попросил?

— Нет.

— Не надо, не обсуждай с ним ничего. Я всем пока довольна.

Глава 4. Ноябрь 99

Постепенно моя жизнь стала напоминать сумасшедший дом. Непрерывные звонки, отчеты, быстрое принятие решений, опять звонки и разговоры. Друзья стараются застать дома в редкие выходные, иногда выясняя заранее, когда у меня наступит пауза. Я не жду никаких подвохов в рабочее время. Если раздается звонок, снимаю трубку и могу отреагировать немедленно, даже если через час мне придется вылететь на Камчатку. Хотя вру, на Камчатке у меня в этот раз нет никаких клиентов.

— Маша, здравствуйте, — тихий спокойный голос, именно отсутствие громкости и точность интонации настораживают и заставляют собраться. Я знаю только одного человека с такой гипнотизирующей манерой говорить, и он не должен звонить, как мне кажется.

— Добрый день, — я, конечно, стараюсь изобразить в приветствии вежливое недоумение и вопрос "кто это?", но получается неправдоподобно.

— Это Сергей Гончаров, простите, что отрываю от работы, но, подозреваю, дома вас сейчас застать практически невозможно.

Молчу, мне нечего сказать, буду тянуть паузу.

— Я обдумал то, что мне передал Коля, и хотел бы пригласить вас сегодня поужинать со мной.

— Вы уверены, что хорошо поняли, что он сказал, и хорошо обдумали?

— Безусловно, иначе я не стал бы звонить.

Момент подобран удачно, я давно нигде не была, с удовольствием бы куда-нибудь сходила и совсем не злилась на него. Жизнь-то была спокойная, кризисы в прошлом, я перестала подстраховывать себя постоянным встряхиванием.

— Хорошо. Где и когда?

— Я бы предпочел встретиться где-нибудь в другом месте. Может быть ливанская кухня?

— Да, вполне.

— В восемь вас уже отпустят ваши вампиры?

— Постараются.

Церемонное прощание, и я начинаю соображать, чем мне грозит незапланированный выход в свет. Подумать в волю у меня получается не больше трех минут, потому что работа требует свое. Но к восьми я все равно успеваю, хотя и прибегаю в ресторан как лошадь после дерби.

Я все время пытаюсь определить, что думают обо мне случайные люди, швейцары в ресторане, официанты, посетители. Как для них выглядит со стороны, что роскошный ухоженный мужик ужинает с растрепанной девицей в тертых джинсах, причем классических, и в мужской рубашке. В этот ресторан приходят взрослые тетки, увешенные бриллиантами. Какие мысли у них вызывает подобная картина? Впрочем, наверное, никаких — им есть, чем заняться.

Что можно сказать в качестве приветствия тихим до интимности голосом, если комплимент типа "прекрасно выглядите" отпадает? Он нашелся и сказал: "Вы потрясающе пунктуальны".

— Вы были к этому подготовлены и пришли раньше.

— Я довольно много о вас знаю.

— Вот интересно, откуда?

— Из разных источников.

— И насколько обширны ваши знания?

— Вам нужны эффектные жесты? — он подзывает официанта и заказывает все, что я когда-либо ела, приходя в этот ресторан, и любимое красное ливанское вино.

Не могу сказать, что меня обрадовал или восхитил подобный фокус. У каждого есть свои навязчивые идеи о безопасности. Моя состоит в том, что я боюсь собственной болтливости, открытости и того, что обо мне при желании можно узнать любые глубоко спрятанные подробности и с помощью этой информации уничтожить. Как я уничтожаю или вытаскиваю с помощью общеизвестных фактов. Надо только эти факты добыть, что в моем случае, кажется, проще пареной репы. Единственная здравая мысль, возникшая и в голове после заказа еды, была такая: надо узнать,

насколько он принял правила игры, изложенные Кольке. И с места в карьер я бросилась выяснять этот вопрос.

— Если вы так хорошо поняли и обдумали то, что я сказала Коле, зачем вы позвонили? Мне показалось, что я достаточно логично объяснила, почему ваша затея обречена на провал.

— Конечно, все было понятно. Сразу не вышло, насилие невозможно, принудить другим способом нельзя, купить нельзя, благодарность в такой форме вами исключена из правил, ну и так далее. Вы забыли только добавить "при условии, что моя идея верна". Это ваши мысли относительно моих планов. Мне же захотелось с вами поужинать.

— Хотелось бы поймать вас на лжи.

— Какой смысл мне лгать? Вам бы доставило большое удовольствие оказаться правой? Мне бы не составило труда сделать вам такой подарок.

— На клиента вы не похожи — слишком сложно. Работу хотите предложить? Тоже как-то концы с концами не сходятся. Только поужинать?

— Да. И потом у меня к вам будет одна просьба.

— О, не советую, пока я не поем.

— Да-да, Коля меня предупредил, что еда — это культ.

— Предатель.

— Нет, он просто хотел как лучше. Это было единственное, что он успел мне сказать в прошлый раз до вашего появления. С тех пор он мне уже ничего не говорит, кроме того, что разрешили рассказать вы.

— Я ему ничего не разрешаю рассказывать. Только излагать условия договоров. И, если Колька молчит, откуда тогда у вас такие обширные познания?

— Вас знает слишком много людей.

— Для того, чтобы это узнать, надо было сначала раздобыть имя.

— Это было самое простое, вы останавливались в гостинице.

— А вот здесь вы меня не проведете, в гостинице я не оставляла имени, мои друзья брали номера на свою фамилию.

— Пришлось копать чуть глубже, но началось все с гостиницы.

— И что вы обо мне знаете?

— Практически все, что можно узнать у людей.

— Вы, может быть, еще и следите за мной?

— Скажем так, я охраняю себя от неожиданностей.

— Как?

— Я должен быть уверен в человеке, с которым ем за одним столом, поэтому моя охрана не обходит и вас своим вниманием.

— И как давно? — у меня даже тон не изменился, мне было настолько любопытно узнавать неизвестные подробности собственной жизни, что я даже не зарезала его ножом для мяса.

— Как только я вас нашел.

— Больше месяца?

— Полтора.

— И как вам моя жизнь?

— Удивляет.

— Чем?

— Вы — очень скрытны, не высовываетесь, что удивительно для работы с людьми в политике. Работа—дом—сестра—друзья. Причем сестра и друзья редко, и друзей мало, хотя круг общения по работе огромный. Вы производите очень странное впечатление. Никогда бы не поверил в то, как вы выгнали этого своего почти мужа, если бы не достоверные сведения.

Что тут скажешь, тем более, когда ешь. И реагировать мне не хотелось. Я редко что-то скрываю, но когда выясняется, что вся жизнь действительно лежит где-то сложенная в отдельной папке, мне становится холодно и гадко. Хотя сколько таких папок я сделала сама и продолжаю делать? Уже не сосчитать.

— А как я должна была бы поступить, исходя из моего досье?

— Любым другим способом, не столь публичным

— Дело зашло слишком далеко, у меня не было времени на непубличные способы.

— Возможно. Еще меня удивил размер ваших доходов.

— Даже точную цифру знаете?

— Точной не знаю, конечно, но прикинуть могу.
— И сколько же я заработала за прошлый год?
— Думаю, что меньше ста тысяч, но близко к тому. И то только потому, что год был не очень удачный.
— Год был неудачный, но я стараюсь искать длинные контракты. Чтобы кризисы не очень влияли на доходы.
— Кризис все-таки повлиял, но этот год будет, видимо, урожайнее.
— Хорошо, что вы работаете не в налоговой инспекции.
— Я надеюсь, вы не обижаетесь, что за вами наблюдают?
— Не обижаюсь? Мне бы хотелось вас зарезать сейчас тупым ножом побольнее или подсыпать мышьяка в еду.
— Вы бы не смогли, вы ненавидите насилие и кровь.
— Вы же знаете, в экстремальных ситуациях я на многое способна.
— На что же?
— Например, если вы еще раз доведете меня до такого состояния как в прошлый раз и посмеете позвонить или прийти, чтоб выяснить, как я себя чувствую, придется действительно избить вас до крови.
— И как вы это сделаете?
— Сейчас даже не представляю, но, будьте уверены, найду способ.

Я уже почти злюсь, он же продолжает мне что-то рассказывать вкрадчивым тихим голосом. Наверное, когда он злится, то начинает говорить шепотом или вообще ничего не говорит. Самовлюбленный павлин, серые глаза, шатен не очень темный, довольно длинные волосы, гладко выбрит, очень хорошо одет и доволен собой до ужаса. Заигрывать с ним опасно, как залезать в улей. Не вызывает у меня никакой симпатии. Можно держать дистанцию и увеличить ее в случае необходимости. Хотя я опять расслабляюсь, думаю, что все под контролем. Трудно иметь дело с умным и хитрым собеседником, особенно когда совершенно непонятно, что ему нужно.

— У меня к вам одна просьба.
— Попробуйте, но сами понимаете, выполнять любую вашу просьбу мне бы не хотелось.
— Но в ней нет ничего криминального. И просьба потом, для начала я хотел бы пригласить вас завтра на концерт в Большой.
— Ой, нет, мне совсем не хочется туда идти, слишком светское мероприятие.
— Мероприятие — да, но концерт будет очень хорош.
— Спонсируете?
— Частично, но незаметно. Пойдемте, мне бы не хотелось идти одному, а идти надо. И к тому же все подумают, что вы там по работе.
— Это меня и угнетает, наверняка будет много клиентов и пострадавших. Первым может не понравиться изменение правил поведения. Со вторыми мне бы не хотелось знакомиться лично.
— Поразительное малодушие. Вы что же, никуда не ходите, потому что боитесь?
— Не надо брать меня "на слабо". Так, говорите, концерт будет хорош?
— Очень.
— Ну хорошо. Я пойду, тем более, что это видимо последний шанс куда-то вырваться до выборов.
— И вот теперь просьба.
— Начинается! Я подумала, что просьба уже была.
— Я этого не говорил.
— Да, действительно. Так в чем же дело?
— Не обижайтесь, но в джинсах вы туда придти не можете.
— И что?
— Я очень вас прошу надеть то, что я вам передам.
— Вот еще! Во-первых, я не знаю что это, и не знаю, подойдет ли мне. Во-вторых, я бы не хотела принимать от вас никаких подарков. И, в-третьих, я найду, что надеть.
— Я же сказал, что понял Колино послание, вы все равно не будете считать себя ничем обязанной.
— Конечно, не буду. Но, боюсь, вы можете подумать, что я вам что-то должна. А я не делаю долгов.
— Знаю, знаю. Могу дать честное слово, что это я буду должен, если вы согласитесь.

— Я посмотрю на то, что вы приготовили, но обещать, что надену, не могу — вдруг не подойдет.

— Тогда вы можете выбрать все, что захотите, готов предоставить шофера для поездок.

— Перестаньте, если вы так много обо мне знаете, могли бы поинтересоваться рабочим графиком и содержимым шкафа.

— Люди, которые вас знают, говорят, что вы в состоянии придти куда угодно в джинсах и рубашке. Я не думаю, что завтра это будет хорошо смотреться.

— Вы разве не знаете, что женщинам нельзя говорить, что они плохо одеваются?

— Знаю, но я же не сказал, что вы одеваетесь плохо, просто я прошу вас надеть вечернее платье.

— Ладно, я постараюсь. Во сколько концерт?

— В семь, заеду за вами в шесть на работу.

— Договорились. Позвоните, когда приедете, я выйду.

— Хорошо. Еще один вопрос, можно?

— Ладно, по сравнению с просьбой о джинсах уже ничего не страшно.

— Вы довольны сегодняшним вечером?

— Едой — да, об остальном я еще не думала.

— Тогда пойдете, я передам вам ваши пакеты.

Пакетов оказалось два. Распаковав их дома, я обнаружила в одном темно—синее вечернее платье, а в другом сапфировый гарнитур. Жаль, что я не разбираюсь в камнях на уровне цен, а то могла бы прикинуть, насколько их цена не дотягивает до замка на Луаре. Жаль времени мало, у Таньки бы спросила — в ее глаза встроены весы и машина для мгновенной оценки драгоценностей.

Можно, конечно, заявить, что у меня не было времени и возможности отыграть назад, вернуть подарки и не пойти на концерт. Причин, почему я так не сделала, было несколько. Во-первых, у меня было много работы впереди, а это был практически последний шанс куда-то вырваться. Во-вторых, неожиданно мне вспомнилось, что пару дней назад ко мне на работу заходила Шурка — мой постоянный укор совести — или нет, постоянное напоминание о том, что у меня все в жизни прекрасно. С Шуркой мы учились вместе в школе, она первая из класса выскочила замуж, как только ей исполнилось восемнадцать лет. И, конечно, это была любовь на всю жизнь, невозможно было ждать ни дня. На этой почве она разругалась с родителями, которые сказали, что она не должна так поступать, а если она их уже не слушает, то может решать сама, но пусть и последствия тогда расхлебывает сама. И она ушла из дома. Вышла замуж. Через год родила сына. И еще через год развелась, оставшись с ребенком на руках, без дома, без денег, потому что эта ее "любовь на всю жизнь" считал, что у него есть более важные дела, чем платить алименты. Родители ей не помогали совсем. И, в результате, вся следующая жизнь превратилась в постоянную борьбу за выживание, добывание денег, поиски жилья, пристраивание ребенка, чтобы можно было работать и зарабатывать. Мы с ней никогда особо не дружили. Почти случайно выходило, что все время встречались в моменты, когда она принимала какие-то важные решения в жизни. Так у меня всегда перед глазами был пример того, чего я совсем не хочу для себя. Она появлялась иногда просто поболтать о жизни, иногда рассказать о своей очередной любви на всю жизнь, или рассказать о ее окончании, или перехватить денег в долг. Она — единственный человек, которому я даю в долг. Наверное, потому, что вижу, как ей тяжело дается просить и как она всегда точно в срок, что бы ни случилось, возвращает деньги. Не знаю, так ли она оплачивает свои моральные долги, но это уже меня не касается. Вроде с сыном у нее неплохие отношения, несмотря на страшную неустроенность и постоянные проблемы с мужиками. В этот раз она тоже появилась перехватить денег, у нее был очередной роман.

Вспомнив сейчас Шурку, выбирающую всегда совершенно не тех мужчин, которые могут обеспечить любовь действительно на всю жизнь, я вдруг решила, что надо попробовать перестать обращать внимание на тех, кто мне нравится. И впервые пойти на концерт с мужчиной, который меня раздражает.

Да, Гончаров мне неприятен. Тем лучше. Пусть это будет вторая причина, по которой я соглашаюсь. Приведенные аргументы делают мое решение разумным и расчетливым. Но, к сожалению, было еще "в-третьих". Как не трудно признаваться самой себе, но даже если не читаешь любовных романов, все равно голова забита ерундой. "Порочный, но интересный мужчина встречает роковую женщину". Дав ситуации такое определение, я чуть не бросилась звонить и отказываться от приглашения. Но не позвонила. Мне банально льстило происходящее, я наслаждалась развитием

событий, и не было никакого желания отказываться от удовольствия сыграть сложную партию. К тому же, ситуация в моем представлении была не похожа на дамское чтиво. Можно не опасаться последствий и непредвиденных поворотов сюжета, если не испытываешь к человеку ничего, кроме любопытства и легкой неприязни. Я пыталась, конечно, воззвать к здравому смыслу, усталости и недосыпу, но в последний раз это случилось уже на подходе к рабочему столу, и, кинув чехол с платьем на вешалку, занялась более неотложными делами.

Очнувшись без двадцати шесть только из-за "напоминальника", я начала срочно вылезать из джинсов, натягивать платье, укладывать волосы, рисовать лицо, надевать побрякушки, менять туфли. Он позвонил, когда я, запыхавшись, обливала себя любимым духами. Про духи разговора не было, поэтому запах был мужской. В шесть вечера я рисковала сорвать работу всем, кто еще был в офисе. Кажется, никто меня в таком виде никогда не видел, тем более на работе. Мне оставалось только натянуть свою любимую "норку" для подобных случаев и постараться незаметно выйти. Как бы не так. Пришлось даже "норку" снимать, чтобы девицы рассмотрели камни, тряпку, оглядеть себя в большое зеркало и признать еще раз, что досье было составлено очень подробно: размер, цвет и фасон подошли идеально.

Уже стемнело, поэтому обсуждать внешний вид в машине было невозможно. А при свете ламп опять же тихо было сказано:

— Именно так, очень хорошо, — и смотрит так довольно, как будто он меня даже причесывал.

Сборище было разношерстное и расфуфыренное. По-моему, джинсы здесь были бы гораздо уместнее, если хочешь привлечь к себе пристальное внимание. А так, совершенно не выделяешься на общем фоне. Некоторое время мне удавалось не вступать в разговоры и делать вид, что меня просто выгуливают, до тех пор, пока поблизости не было никого из знакомых и никто не приставал с расспросами, кто я собственно такая. Неизбежно обнаружились и многие из тех, кто мог бы считать себя обиженным или оскорбленным — как хорошо, что меня мало кто знает в лицо. Сергей тем временем общался с круглым говорливым губернатором, о котором я немедленно вспомнила пару анекдотов из наших последних работ. Они обсуждали возможность встретиться и поговорить в более спокойной обстановке. И тут губернатор решил побалагурить:

— Что же ты, Сергей Михалыч, не познакомишь с дамой.

— Отчего же не знакомлю? Маша, познакомьтесь, Иван Семенович Федорьев

— Очень приятно, — толстяк хотел казаться джентльменом, приложилась к ручке и сразу начал кокетничать.

— Вот Сергей Михалыч собирается в гости, и вы приезжайте, может быть, смогу быть чем-нибудь полезен.

— Спасибо, если позволят дела, с удовольствием.

— Вот вам моя визиточка, телефоны действуют, не стесняйтесь обращаться, друзья Гончарова — мои друзья.

Джинсы-то я, конечно, сняла, но хулиганские привычки не оставила дома. Из вредности и желания небольшой встряски для Гончарова, я достала свою визитку и сказала толстяку:

— С удовольствием возьму у вас интервью, да и вы, если будет необходимость, обращайтесь, всегда буду рада помочь.

Он покраснел, читая визитку, а потом брякнул Сергею:

— У тебя что с ней за дела? Ты что, не знаешь, как она на Степу работает? — и потом уже мне, — интервью, значит! Дураком выставить меня хотите?

Так я и знала, ну сейчас ты у меня получишь.

— Выставить дураком можно только дурака. Если человек выглядит идиотом, когда публикуют собственные высказывания и идеи, так он на зеркало не пеняет, идет и думает, как и когда надо рот открывать.

— Вы это моей пресс-службе расскажите, вот уж кто вам доброго слова не скажет.

— Еще бы, конечно, сборище некомпетентных лентяев. Вы бы спросили у них, за что же это они меня так не любят? Единственный ответ, который можно на это получить: потому что я дословно публикую все, что они присылают. Вы из-за этого выглядите идиотом? Ничего удивительного. Если вы за бешеные деньги содержите людей, которые выставляют вас посмешищем перед всем

миром, сделайте выводы сами. Нужна будет помощь, обращайтесь. Мы, конечно, не дешево стоим, зато идиотом выглядеть не будете, — пока я говорила, раздался уже второй звонок, поэтому разговор прекратился, и мы пошли в свою ложу. Сергей шел молча и потом тихо со смехом произнес:

— Теперь я понимаю, что с вашей стороны это чистое благоразумие — не посещать подобных мероприятий.

— Не люблю глупых мужчин. Теперь, по крайней мере, будет думать, прежде чем нести чушь. Или я получу еще одного клиента.

— Вам они нужны?

— Я этим зарабатываю.

— Вы зарабатываете зарплату, прибыль же получает Степа.

— Он собственник, это его право получать прибыль от своих идей.

— Совершенно с вами согласен.

Я прослушала начало концерта потому, что увидела себя непрофессиональной дурой. У меня был месяц, и я даже не удосужилась прочитать его досье. Откуда он знает Степу, есть ли у них общие дела, откуда у него действительно деньги, чем он занят, что говорит? Высесть бы себя как следует за ленивую беспечность, когда даже мысли не возникло разузнать что-то о противнике.

Концерт был хорош, ужин тоже. Единственной стычкой было выяснение, как вернуть ему камни и тряпку.

Я ему: Вы что же, думаете, у меня дом—сейф, чтобы принимать и хранить такие подарки?

Он мне: Вы что же, думаете, я держу склад, откуда иногда беру на время понравившиеся вещи? Бойтесь хранить дома — я дам вам сейф.

Я ему: Если вы так хорошо меня изучили, то должны понимать, что мне это больше не понадобится.

Он мне: Я хочу иметь возможность пригласить вас туда, где принято носить подобные вещи.

Я ему: Зная вас совсем чуть-чуть, могу предположить, что в таких местах не принято ходить в одном и том же

Он мне: Безусловно, поэтому в следующий раз я попрошу вас надеть что-нибудь другое.

Я ему: А если следующего раза не будет?

Он мне: Не провоцируйте меня давать вам обещания. Убедились уже, что я за свои слова отвечаю.

Я ему: Вы — человек-катастрофа. Буревестник какой-то. Появляетесь всегда в тот момент, когда грядут перемены.

Он мне: Насколько я знаю, пока это были перемены к лучшему. Так что с вашей стороны было бы разумным радоваться возможности встретиться еще раз.

Я ему: Неужели вы до сих пор не выяснили, к какой категории я отношусь? Наверняка уже все понятно и досье можно закрывать. Так в чем же дело? Зачем вам все это продолжать? Не слишком хлопотно?

Он мне: Пока выясняю.

Тут я сдалась. Самое ужасное, что он все время говорит тихо и внятно, а я не выдерживаю напряжения и пытаюсь заставить его кричать. Он выигрывает.

Но дом у меня действительно не сейф. Правда, сейчас я редко бываю дома. Только сплю. Ничего удивительного, если работать по восемнадцать часов в день. Хотя выдаются прекрасные дни типа воскресенья, двадцатого ноября, первое воскресенье после концерта. Почему я запомнила дату? Наверное, потому, что впервые за долгое время в этот день ничего не произошло. У меня была возможность провести целый день дома, выспаться и привести себя и дом в порядок. Забавно, я вдруг увидела, что сделала его, чтобы жить одной. А вроде бы покупала квартиру, планировала, как все должно быть, когда появился Женя. А уж ремонт шел, когда мы жили вместе и появились планы пожениться. И в результате я упорно делала дом для себя одной. Смешно.

Зато как он мне нравится, мой дом. Входишь и попадаешь в прихожую, по форме напоминающую вытянутый египетский глаз. Направо вход в просторную гостиную, прямо вход в мой кабинет, через левую дверь попадаешь в отдельный блок кухня—ванная—спальня—гардеробная. Темное дерево, светлые стены, досчатые полы, много света и всегда много цветов. Прекрасно, и все для меня. Даже представить себе не могу никого среди придуманных мной интерьеров естественным, а не чужеродным элементом. Хорошо бы только проверить, не слушают ли меня. И обязательно не забыть прочитать все, что у нас есть на Гончарова.

А может быть, я так устроила свой дом, потому что мне лучше всегда жить одной? Совсем одной. Время от времени заводите легкие непродолжительные романы, но ни с кем себя не связывать. По крайней мере, так было бы проще и потом менее болезненно все рвать. Почему нет? Проблем и трагедий меньше, положительных эмоций больше. Только нужно сразу предупреждать о правилах игры. Надо попробовать, в конце концов, я и так сейчас одна. Просто продолжать жить и не влипать в сложные чувства. И мне будет хорошо. Некоторое время точно. Ну и где-нибудь к весне начать себя развлекать.

Глава 5. Декабрь 99

У работающих людей нет времени на личную жизнь, а мне и не хочется погружаться опять в свои внутренние проблемы. Все должно устроиться само собой, без усилий, стать очевидным и простым. Но в любом случае не сейчас, сейчас мне не до этого. Моя страсть не личного вида и рода — наслаждение играть в предвыборные игры. Понять это может тот, кто участвует в скачках, гонках, играет в бридж и покер одновременно. И еще тот, кто видит, как быстро можно все изменить парой слов, вовремя вставленной шуткой и другими незначительными, на первый взгляд, мелочами. Или тот, кто может своими руками сознательно построить или разрушить. Только имея опыт собственноручно созданных катаклизмов и страстей, проникаешься духом предвыборной рекламы. Каждую минуту перемены, и в потоке новостей, атак противников, неожиданных ударов нужно чувствовать волну и заставлять ее работать на себя. И когда начинает складываться нужная картина, это ни с чем не сравнимое удовольствие. Или когда конкурент неожиданно спотыкается и падает, сделав неудачный ход. Казалось бы, что страшного в корявом выступлении, в том, что оказался дураком? Но какое количество историй можно рассказать о том, как один человек может за час выиграть выборы, хотя еще день назад безнадежно отставал.

Переломные моменты смакуешь долго, тщательно сохраняя детали, особенно, если была возможность своими глазами увидеть перемену пейзажа. Как сейчас. Еще один пример того, что даже самые упертые противники моей работы вынуждены в какой-то момент следовать правилам борьбы. Две партии. Она впереди, другая отстает. И вот в прямом эфире сходятся лидер той, что впереди, а с другой стороны даже не человек списка, а тот, кто может всё объяснить. Каков результат? Через два часа обыкновенного разговора лидер стал пустым местом, а человек не из списка просто выиграл выборы для своих. Конечно, если бы все были такими, как он, я бы умерла с голоду. Но умники предпочитают заниматься не политикой, а чем-то более внушительным и считают, что надо работать, а болтают пусть те, кто работать не умеет. Поэтому у меня всегда много подопечных, но, к сожалению, редко можно получить удовольствие, наблюдая за борьбой умной и яркой личности.

И каждый раз дух захватывает, когда видишь, как вдруг шестеренки начинают крутиться в другую сторону усилием одного человека. Роль личности в истории для меня не нуждается в доказательствах. И как упоительно жутко, когда что-то меняется твоими собственными слабыми и ограниченными усилиями. Правда, сразу начинаются разговоры о том, как велика ответственность, и о том, что это грязная работа для беспринципных людей. Но в большинстве случаев так говорят те, кто проиграл, или те, кто вообще никогда не сможет, хотя очень хочет, поиграть в мои игры. Вам кажется, что это беспринципно? Идите и делайте сами, работайте, боритесь, выигрывайте. Вон человек за час сделал все, что надо, и победит. Есть у вас такие способности, все получится. Нет — вы будете работать со мной. И я буду делать все так, как считаю нужным, создавать потоки и течения, буду беспринципной, чтобы вас вынесло туда, куда вы закажете.

Маруся утверждает, что когда-нибудь я поплачусь и очень жестоко. Рано или поздно придется выбирать, потому что нельзя плавать в грязи и не испачкаться. И еще она говорит, что рано или поздно меня начнет тошнить от того, что я сотворила, каким людям помогла и какие идеи протолкнула. Наверняка, более того — это очевидно. Нельзя же контролировать все и всех. Контракты кончаются, люди остаются там, куда смогли пробиться. И живут своей жизнью. Но не могу же я нести ответственность за то, что они сами для себя выбирают. И я не могу предугадать, что им взбредет в голову в новых местах обитания. Пока я работаю с ними, мне приходится изучать их подробно, знать о них все. И они мне нравятся, потому что иначе никого не убедишь. Если уж за пять лет мне не опротивело то, чем я занимаюсь, значит должно случиться что-то ужасное и мерзкое, чтобы мое отношение стало иным. Они должны измениться все сразу, чтобы я убедилась в собственной ущербности.

Интересно, что я тогда буду делать? Каково просыпаться каждое утро и не понимать, чем заняться. Отпуск не считается — это сознательное отключение от дел на короткое время. Но когда ничто не ограничивает этот период, как существуют тогда? Как живут люди в другом мире, где есть разнообразие интересов и дел? Наверное, как моя сестра, с которой я чуть насмерть не разругалась в четверг накануне выборов. Кто еще может позвонить в разгар рабочего дня, рассказывать все новости за последние две недели, потребовать такого же подробного рассказа и в конце концов сообщить, что

в воскресенье прием, что я должна обязательно быть и вообще я слишком заработалась и пора побыть в кругу близких? Только Танька.

— Танька, ты с ума сошла, что ли? Ты вообще в курсе, что я до понедельника живу на работе?

— Глупости какие-то, я потому и звоню, что так нельзя, ты вообще дома не бываешь. Прекращай это безобразие, всех дел не переделаешь.

— У меня выборы, ты у Бори спроси, могу я сейчас в гости идти или нет.

— У Бори спросить не могу, его тоже дома не бывает. Хочешь со мной поссориться, можешь не приходить!

— Да не хочу я с тобой ссориться. Просто не могу. Ну, Танька, не могу я сейчас разговаривать, не могу в воскресенье в гости. Перенеси свой прием на неделю, и я приду с удовольствием.

— Что за глупости, потом уже праздники, на Новый год мы уезжаем. У меня нет другого времени.

— Танька, я не могу. Ну представь себе, что ты продаешь одновременно часы работы Бомарше, колье Марии Антуанетты и еще десяток таких же предметов. А я тебе в разгар аукциона буду звонить и ругаться, что ты заработалась и в гости не идешь.

— Совсем сдурела, тоже мне — выборы у тебя каждую неделю, а такие вещи попадают в руки раз в жизни.

— Ладно, я Боре позвоню, пусть он тебе объяснит, что я тебя ужасно люблю, но в гости не приду.

И это моя родная сестра — человек с другой планеты. Главное для меня — для нее глупости, не стоящие выеденного яйца. Не забыть бы, действительно, позвонить Борису. Пусть сам с ней разбирается. Хотя ему она, наверное, уже плешь проела. Его роскошной шевелюре это не повредит, к тому же он муж — пусть умирят. Правда, он все сразу понял, выругался и сказал, что его она вообще не посчитала нужным поставить в известность. В воскресенье его тоже не будет дома, и если она собирается принимать гостей в таких условиях, то это ее проблемы. Перекинулись парой слов о жизни, пожелал успеха и победы. На том и разошлись.

Первое, чем я занялась во вторник после выборов, было досье Гончарова. Очень интересное чтение. Никаких интервью, только некоторые информационные справки о структуре собственности, разведен, признанных детей нет. Тридцать семь лет. Владелец заводов, газет, пароходов. Сфера интересов — сырье, но о многом только слухи. Родился в том самом городе, где мы встретились, и где находятся самые известные из его публичных предприятий. Сын учительницы и партийного работника. Высшее техническое образование. Недавно защитил диссертацию. И все очень закрыто: как, с кем, когда работает — неизвестно. Есть только несколько имен близких людей по бизнесу, в том числе и Колька, как куратор банковского куста. Вскользь упомянуто "вероисповедание — православный". Впрочем, это, может быть, дань моде, хотя ходили отдельно какие-то слухи о связях с патриархией, но ничего конкретного. И в каждом предложении обязательно ремарка: "возможно", "говорят", "точных данных нет". Почти ничего — слухи, догадки, никаких цитат. Отвратительное зрелище. Со Степой общих дел сейчас нет, но, судя по всему, были. Правда, конкретных подтверждений мне найти не удалось, но совпадения дат и мест были показательны. Можно, конечно, у Степы напрямую спросить, но почему-то мне кажется, что не стоит этого делать. Если Степа о чем-то молчит, значит, есть причины. И заводить самому разговор на такую "молчаливую" тему — только будить лихо. Гончаров Степу ни разу не упоминал, даже проходя в разговорах, только тогда на концерте. Можно было бы попытаться разузнать, но, судя по скрытности, то, что он скажет, придется проверять годами. С другой стороны, его уже месяц не слышно, может быть, выяснил, наконец, что я за птичка, и больше не появится. Тем лучше, проблем и головной боли меньше.

И конечно, на следующий день он позвонил поинтересоваться, отдохнула ли я после выборов. Получив ответ, что все еще безумная кутерьма, пригласил поужинать. Сообщил, что джинсы возможны. Был почему-то очень сух, как будто зол. Впервые слышала интонацию инквизитора в голосе.

И ужин шел как-то странно. Уже и поговорить было о чем, и было что обсудить, но он молчал. Мне казалось, что он сдерживает раздражение на какой-то факт, который и мне известен.

Чтобы это могло быть? Он где-то проиграл выборы из-за меня? Кажется, нигде не было намека на его участие. Хотя почему он тогда заводит разговор именно о работе?

— Вы довольны результатами?
— В каком плане? Все ли удалось? Или чем?
— Все ли сливки сняли?
— Вполне достаточно. А в чем проблема? Или это проявления вашей общеизвестной неприязни к людям моей профессии?
— Неприязни? О, нет. Это скорее отвращение.
— Очень интересно. И в чем же причина?
— Гнусно заниматься манипулированием, фактически обманывать людей и навязывать им выбор.
— Ах, так? Это кто же кого накрутил, Колька вас или вы Кольку?
— Я с Колькой этот вопрос не обсуждал.
— Удивительно, а говорите его словами. И в чем же, вы думаете, я обманываю людей?
— Практически во всем, вы лепите маски по своему усмотрению.
— Вы ошибаетесь, я ничего не леплю. Если спросите, расскажу, как работаю. Но только если спросите другим тоном.

Что это вдруг на него нашло? Я понимаю, мне бы читал морали кто-нибудь другой. Но не тихий православный комсомолец, специалист по чести и достоинству. С какой стати он разговаривает со мной как прокурор в суде? Да, люди делают выбор исходя из того, что я им расскажу. А в чем проблема? Кто-то же должен рассказывать. Иначе как делать выбор? Да, я приукрашиваю людей, с которыми работаю. Между прочим, мне надо в первую очередь убедить себя, тогда я кого угодно смогу убедить, что этот человек достоин любой ответственности. Факты, которые украшают, я подбираю для себя.

— Как вы встречаете Новый год? — спрашивает он строго.
— Новый год? Вообще об этом не думала, не до того было. Действительно, сегодня уже двадцать второе. Не знаю, никаких идей пока.
— Что же, и гостей звать не будете?
— Гости? Да нет, вроде не собираюсь.
— А я так понял, что большой прием, Коля вот собирается.
— Коля? Ко мне? Вы что-то путаете. Коля встречает Новый год со своей новой девушкой, насколько я знаю. И эта девушка точно не я. Вы расстроились, что Коля вас не зовет? После истории с женой я бы на вашем месте не удивлялась, что он вам свою новую девушку не показывает.
— Колина жена — это наше личное с Колей дело.
— Безусловно, — пауза была противная. Хорошо, что тут позвонил, как всегда удачно, Колька.

— Машка, привет.
— Привет, Колян.
— Старуха, не хочешь ли встречать с нами Новый год?
— Встречать Новый год? — повторяю я все фразы, чтоб не было никаких сомнений в теме разговора, — а с кем "с нами"?
— Я, моя подружка, ну и остальных ты знаешь, десятка два человек.
— Спасибо, Коль, я подумаю, у меня были смутные планы смотаться куда-нибудь на пару дней. Если передумаю — позвоню.
— Давай передумывай, будет весело, Гончарова звать не буду.
— Почему?
— Чтоб тебя не злить.
— Я могу тогда ему просто передать привет от тебя, мы с ним как раз ужинаем.
— Чего? Ты меня разыгрываешь!
— С какой стати?
— Сам позвонил?
— Конечно. А как зовут твою новую девушку?
— Я хорошо выбрал. Маша.
— Ах, Маша, ну тогда можно быть спокойной. Ладно, вот Сергей тоже шлет тебе привет.
— Ну-ну, развлекайтесь.

Настроение у меня вдруг стало веселое и хулиганское. Очень захотелось выкинуть какой-нибудь фортель позффектнее.

— Вот видите, и нечего было злиться на меня весь вечер. Это вовсе не я с ним встречаю Новый год.

— Да, было обидно, все вместе, а вот меня не зовут. Почувствовал себя человеком второго сорта, — и, кажется, моя шалость удалась, он смутился при упоминании того, как вел себя. Или удачно сделал вид.

— Почему же второго. Вы просто человек совершенно другого сорта.

С этого момента разговор пошел на другие темы, мы успели обсудить результаты выборов, результаты работы, пивной бизнес, грядущий строительный бум и кучу побочных тем. Единственное, чего я так и не поняла, — что все это значило. Ревновать ему меня не с чего. Или он вдруг обнаружил, что не все контролирует? Вот это, наверное, ближе к истине. Он держит меня под полным контролем или считает, что это так. И тут выяснилось, что не все поддается планированию. Жаль, что это не я собиралась с Колькой встречать Новый год, а то бы щелчок по носу был сильный. Хорошо бы поточнее узнать, как он за мной следит.

— Вы по-прежнему за мной приглядываете?

— Да.

— Можно полюбопытствовать, как?

— Зачем открывать такие карты?

— Чтоб я не подумала лишнего. Например, что вы прослушиваете мою квартиру, работу, все телефоны и еще следите за мной круглосуточно.

— Не до такой степени, но мои люди стараются не выпускать вас из виду, для вашей же безопасности.

— Для чего? Что же мне может угрожать?

— Не знаю, но, на мой взгляд, вы очень беспечны. В таком бизнесе, как ваш, надо быть осторожнее. И с такими знакомыми, как я.

— Вот ведь! Мало того, что не я была инициатором этого знакомства и этих встреч, так из-за них мне еще приходится терпеть ваш надзор. Чтобы избавиться от этого, я уже готова сказать, что больше с вами ужинать не пойду.

— От опеки вас это не избавит.

— Почему?

— Потому что я буду надеяться, что вы передумаете.

— Я же упряма, как осел. Подшейте к своей папке, если там еще этого нет.

— Да, но вы очень привязываетесь к людям.

— И что?

— Вдруг вы уже привыкли время от времени ужинать со мной.

— А если нет?

— Было бы обидно.

И разговор закончился обсуждением десерта и разъездом в разные стороны. Пока неслась домой, вдавив педаль газа в пол, пыталась понять, действительно ли я привыкла с ним ужинать. Жду ли его звонков? Думаю ли, чем он занят? Беспокоюсь ли за него? Эти три вопроса для меня всегда первый звонок, что человек мне небезразличен. Я искала любых признаков того, что ответы положительные. И с облегчением обнаружила только отрицательные. Единственное, что меня тревожит, это, видимо, очень пристальный надзор. И еще я не понимаю, чего ему от меня надо. Ему не с кем поужинать? Он же не присматривается ко мне, как будущий клиент? И к себе работать не сманивает. Невероятно — слишком сложно и слишком дорого. Даже если не считаешь денег.

И не хочу я такого клиента или работодателя. Что с ним таким делать? В любом случае сейчас у меня усталая эйфория после скачек. Можно позволить себе по утрам не бежать на работу, а походить по магазинам в поисках новогодних подарков, побаловать себя чем-нибудь простым и милым. Например, спать по десять часов в день. До Нового года мне остается подчищать хвосты контрактов и по мере возможностей всем дать отдохнуть. Я-то сама не то чтобы ленива, но предпочитаю все обустроить и продумать, чтобы первого января не было необходимости тащиться на работу, потому что кто-то не проснулся или перепил. Тем более, что у нас праздники начинаются с

католического Рождества. Страна такая, праздновать — так до Старого нового года. Особенно в этом году, когда все стараются придумать что-нибудь пооригинальнее. Пусть празднуют, у нас всегда рванет, пока все пьют. Главное, что у меня всё под контролем и готово к немедленной реакции — если вдруг в выходные что-то случится, сбоев быть не должно.

Приятно проснуться утром, понять, что бежать куда не надо, вспомнить, что сегодня уже первое Рождество, к тому же суббота. И такое счастье понимать, что можно передохнуть некоторое время, посмотреть, как и что получилось за последние месяцы. И наслаждаться тишиной, молчащим телефоном и полным отсутствием запланированных дел. За последние три месяца людей и разговоров было столько, что молчать в тишине стало редкой роскошью. И конечно, немедленно раздался звонок.

Из домофона раздалось: "Вам посылка от Сергея Михайловича". И через несколько минут мужчина лет сорока пяти внес коробку, на нее положил конверт и откланялся.

Было удивительно обнаружить, что почерк у Гончарова как у человека, который привык много и быстро писать, чтобы потом было легко прочитать написанное. На небольшом листке несколько слов: "Я обещал вам вазочек на пять эре. СГ". И я растаяла, меня так проняло, что я начала лихорадочно шарить по записной книжке, чтобы найти его телефон и немедленно поблагодарить. Пока раздавались длинные гудки, я открыла коробку, чтобы все-таки посмотреть на вазочки. В коробке оказался мой любимый белый английский фарфор с мелкими зелеными листочками. И даже пара вазочек.

— Я слушаю.

— Я хотела поблагодарить за вазочки.

— Они вам понравились?

— Вы же читали мое досье, мне нравится этот рисунок.

— Мало ли. Надеюсь, у вас не будет повода швырять их в меня.

И только я открыла рот, чтоб отвесить какой-нибудь безумный комплимент, как вдруг из трубки донеслось: "А вот и я, зайчик, завтрак в постель". Почти щелкнув зубами, я сказала:

— Не сомневаюсь: вы бы не заготовили вазочки, не придумав хорошего повода. Счастливо.

Я очень зла. Это ярость в чистом виде. Я в бешенстве. Только через пять минут я смогла перевести в слова все, что привело меня в такое состояние. Сволочь, все так, как и было сначала. Дура, развесила уши. Столько усилий, чтобы потрахать упрямую бабу? Не волнуйся, ему есть чем заняться, пока ты доходишь до кондиции. Поганец, еще и следит, чтобы никто дорогу не перебежал. Будешь послан — это мое дело, с кем и как я общаюсь. Вазочек он, видишь ли, прислал на пять эре. Конечно, прислал, наверняка где-нибудь там записано у него, какую фразу надо произносить по какому поводу, чтобы побыстрее достичь нужного результата. И какие книжки цитировать. Интересно, а что это меня так проняло? Какое мое дело, как он живет, с кем и почему? Или это ревность? Этого мне только не хватает. Этот человек для меня ничего не значит, он только осложняет все своим присутствием. Мне не было, нет и не должно быть никакого дела до его жизни. Хочет дарить вазочки — пусть дарит. Захочу — приму, захочу — разобью. И, главное, никаких эмоций. Он ведь именно эмоций добивается, ну так не поможем ему в этом нелегком деле.

Когда фонтан иссяк, мне пришлось хорошо продумать, что делать дальше. У меня не было никакой уверенности в том, что телефоны не прослушиваются, что в доме нет "жучков" и тому подобных прелестей. Даже если со стороны это выглядит паранойей, от Гончарова я готова ждать любых осложнений, и нет никаких сомнений, что он может круглосуточно прослушивать квартиру. Пришел же его посыльный именно в тот момент, когда я уже проснулась и выпила чаю, а не разбудил меня, нарвавшись на неприятности. Может быть, это просто случайность, а может быть и нет. Поэтому пришлось сильно выбирать слова, когда я поняла, что надо пообщаться с Петей. Хорошо, что Маруся была не на дежурстве и немедленно зазвала меня к ним. А уж там, у работающего телевизора, я смогла шепотом попросить Петю сделать доброе дело и заодно заработать денег. Петя держит турфирму, поэтому ему не составило труда достать мне венгерский ваучер, забронировать гостиницу и добыть билет. Последнее с учетом всеобщего помешательства на встрече Нового года было особенно ценно. Хотя Будапешт никогда не был особенно посещаемым местом, для меня он хорош еще и тем, что виза не нужна. Поэтому в понедельник ко мне на работу приехал курьер со всеми бумажками,

забрал деньги и уехал с огромным приветом и благодарностями для Пети. Маруся даже вопроса не задала, почему я такая подозрительная — разговариваю шепотом, прошу никому ничего не рассказывать и отказываюсь объяснить, кто это меня так напугал.

Оставшиеся дни я наслаждалась игрой в шпионов. Делала вид, что все в порядке, всем говорила, что новый год встречаю дома, мелкими порциями в своей огромной сумке перетаскала все, что мне понадобится для поездки, на работу. Предупредила тех, кто будет работать в мое отсутствие, что только взрыв атомной бомбы в здании, где расположен наш офис, может остановить работу агентства и то только после того, как будет опубликовано сообщение о произошедшем. И что никто не знает, где меня найти до четвертого января, когда я вернусь на работу.

Когда мы искали себе подходящее место, этот серый монолитный дом был мне противен, но время, деньги и другие условия, типа близости ко многим нужным людям и организациям, решили в его пользу. Теперь я даже обрадовалась тому, что работаю в здании с несколькими выходами и выездами для машин. Вряд ли за мной следили так плотно. Тем более что я, если была не на машине, всегда пользовалась одним и тем же выходом.

Тридцать первого декабря, собрав вещи в сумку и, поняв в полдень, что хотя бомба и взорвалась, но не атомная и все вполне справятся, я позволила девчонкам вывести меня из здания. Вышла у Белорусской и поймала машину до Шереметьево. Единственный человек, который удостоился знания о том, что я уезжаю, кроме Пети и Маруси, был Колька. Он так волновался, как бы я не надумала встречать Новый год с Гончаровым, что поставил ультиматум: или я встречаю Новый год с ними, или он сделает что-нибудь непоправимое. Пришлось сказать, что еду в Будапешт и притом одна.

Глава 6. Январь 00

Как давно я не отдыхала, рассчитывая развеселить только себя. Можно ни о ком не заботиться, не принимать во внимание чужие заскоки, развлекаться, оглядываясь только на собственные желания и капризы. Я оторвалась по полной программе, гуляла всю ночь, благо было очень тепло, ела в своих любимых ресторанчиках, везде по чуть-чуть, отключила телефон и не звонила никому с поздравлениями и пожеланиями. Завалилась спать без задних ног в половину пятого утра, зная, что обязательно должна встать вовремя к завтраку: Петя все предусмотрел и позаботился, чтобы я жила в гостинице, где на завтрак подают самый вкусный омлет в мире. Будапешт всегда был для меня великим городом не только за свою красоту, внутреннюю статью и атмосферу места для спокойной жизни, может быть и выдуманную мной, но и за легкое красное сухое вино, пирожные со взбитыми сливками, идеальные завтраки и за лучший в мире марципан. Венгерские острые колбасы и гуляш прошли мимо меня, как и жирные изыски чешской кухни.

Новый год начинался с чистого листа, голова освободилась от напряженных мыслей, став легкой и пустой. Если бы я верила в приметы, то сразу бы решила, что мне предстоит приятный во всех отношениях год, ведь я так старалась встретить его в полном согласии с собой. Мне, конечно, было любопытно, что происходит в Москве, но не было никакого желания прилагать даже минимальные усилия, чтобы узнать. Съев два омлета, своих любимых булочек, можно медленно пить хорошо заваренный чай, время от времени закрывая глаза и погружаясь в то, как мне спокойно. Сытное и сонное тепло настолько убаюкивало, что я даже не вздрогнула, когда кто-то тихо сказал над ухом:

— С Новым годом.

Это был сильный и неожиданный ход. Такого быстрой атаки я предположить точно не могла. Но настрой у меня был подходящий для отражения любого нападения.

— С Новым годом.

— Я не смог вам дозвониться, поэтому пришлось приехать, чтобы поздравить.

— Удивительно. Вашу бы энергию да в мирных целях. Потратить столько времени и сил ради двух слов. Я уже не первый раз сталкиваюсь с таким вашим поведением. Поразительно.

— Почему же ради двух слов, теперь уж придется отдыхать. Не составите ли мне кампанию?

— Почему нет. Где вы остановились?

— Здесь.

— Отлично, а то сейчас трудно найти место.

— Ваш номер вы мне не предложите, надо понимать, даже если место мне нашлось только на вокзале?

— А что, вы считаете, надо предложить?

— Я бы не отказался.

— Подобный альтруизм не по моей части.

— Очень жаль. Хорошо, что у меня есть номер. Пойдемте гулять, на улице замечательная погода — почти весна.

Погода и просто обстановка эти два дня действительно были прекрасны. За это время мы успели обсудить: правильную налоговую систему, таможенную, акцизы, возможности стимулирования инвестиций, гарантии частной собственности, реформу прокуратуры, судебной системы, уголовного кодекса, налоговую амнистию, профессиональную армию, естественные монополии, жизнь малого и среднего бизнеса, приватизацию, антимонопольную политику, проблемы беспризорности, смертную казнь, военные конфликты, национальные проблемы, фашизм, грядущие президентские выборы, продолжающуюся войну, необходимость изменения федерального устройства и еще пару десятков проблем, решив которые, можно построить что-то нормально функционирующее. А что еще обсуждать с мужчиной, который приехал из чисто альтруистических соображений поздравить одинокую даму с Новым годом?

Чтобы заполнить паузы в разговорах, было немало съедено и выпито. Мы дегустировали вина, останавливались в каждом понравившемся кафе на пирожные. Иногда покупали смешные подарки, но не рассказывали друг другу, для кого. Впрочем, мне нечего скрывать: смешные керамические чашки со зверями и птицами для Таньки, бутылку Уникума для Борьки, Кольке — пивную кружку, Марусе — расшитую скатерть, токайское на работу, Степке — копилку в виде старого обрюзгшего херувима и себе марципановых скульптурок. Интересно, кому Гончаров купил кружева? Спрашивать не буду, засмеет.

Ходили только пешком, хотя я безумно уставала с непривычки — город оказался огромным, вобравшим в себя длинные улицы, раздольные парки, широкую реку и крутые холмы. Если изучать его ногами, нужно запастись удобной обувью, рассчитывать силы и не корчить из себя спортсмена, иначе быстро упадешь посреди марафона. Впрочем, я и так берегла себя, капризничала, если уставала, и напоминала, что нехорошо злоупотреблять любезным разрешением прогуляться вместе, загоняя меня до смерти. И, несмотря на то что специально уделила некоторое время наблюдению за людьми вокруг, так и не смогла заметить никакой охраны. Если у него и были телохранители, то для меня они сливались со стенами.

Почему я ему отказала? Поздно уже соглашаться, раньше надо было. Он, конечно, идеально вписывается в мою теорию жизни одной, в окружении легких и приятных романов. Но почему-то у меня есть сомнения, что с ним возможен роман такого рода, развлечение "время от времени". Или нет, с ним-то как раз возможен, но не у меня. Все равно, что легкий роман кролика с удавом, если кролик каждую секунду осознает, что в результате станет обедом. Лучше держаться от него подальше. Разговаривать на разные темы — раз нет возможности прочитать его интервью, буду просто так спрашивать. В конце концов, он очень умен и у него достаточно интересных идей в тех областях, которые меня занимают в силу профессиональной деятельности. Так что поговорить с ним очень полезно. Чем мы и занимались. Он уехал второго вечером, я третьего утром.

Помимо того, что нашими разговорами можно было бы заполнить пять-шесть толстых журналов, сохранились еще и отчетливые картинки диалогов. Вдруг он позволил себе сказать, что моя работа вообще не может рассматриваться как работа.

— Это еще почему?

— Возможно, кому-то и нужны подобные услуги, но я как-то настороженно отношусь к людям, которые могут изменить мнения многих людей о человеке или проблеме.

— К сожалению, мы живем среди людей, которые с открытым ртом ждут, когда им подsunут их мнение о проблеме или человеке. И не всегда достойная идея или человек обладают способностью показать себя. Скорее наоборот, чем лучше дело, тем меньше хочется тратить силы, чтоб кому-то что-то доказывать, потому что "это же очевидно". Очень много людей и дел на этом погорело.

— Не знаю-не знаю, мне в этом видится искусственный спрос. Со мной вы бы остались без работы.

— Я в курсе и не зазываю вас в клиенты. Хотя, конечно, по сути вы правы. Это не нормальная серьезная работа.

— Тогда почему вы этим занимаетесь, причем тратя на нее все доступное время?

— Я больше ничего и не умею. И, скорее всего, никогда не научусь чему-нибудь стоящему.

— Откуда такое самоуничижение и такие комплексы?

— При чем здесь это? Просто констатация факта, с которым приходится считаться. И потом мне всегда было трудно начинать что-то заново, с чистого листа. Такие, как я, работают по много лет на одном месте, потому что боятся потерять реально существующее и завоеванное, начав стремиться к чему-то другому.

— Мне кажется, вы меня морочите. Неужели вы бы не решились начать все заново, если работа по каким-то причинам перестала удовлетворять?

— Не знаю, в чем-то другом я, конечно, рискую. Но раз я об этом не думала, значит, пока меня все устраивает.

Еще он спросил меня, не можем ли мы перейти на "ты".

— Конечно, хоть прямо сейчас.

— Что ж, тогда надо заказать шампанского, — сказал он и стал искать официанта.

— Зачем?

— Чтоб выпить на брудершафт.
— Я не пью на брудершафт, с детства. Если хотите, перейдем на "ты" просто так. Если вам близки условности, будем говорить "вы".

— Мне близки не условности, а милые традиции.
— А мне — нет, я традиции не жалую, — и мы продолжали на "вы", хотя мне пришлось осознать, что, скорее всего, он выиграл эту стычку. И благородно не стал добивать меня издевками, что я испугалась его поцеловать. Хотя ироничный взгляд себе позволил.

Единственный вопрос, который меня волновал, я задала ему первого вечером:

— Больше всего меня интересует, чего вы добиваетесь? Самый простой ответ, который, скорее всего, и верный, совершенно не укладывается в то, какие меры вы предпринимаете, чтоб добиться своего. Слишком сложно.

— А если ваш простой ответ неверный?
— Тогда мне интересно знать верный ответ.
— Мне приятно с вами общаться.

Неудовлетворительный ответ для человека, который утром первого января меняет все планы, срывается и летит в Будапешт, чтобы поздравить с Новым Годом и просто пообщаться. У него нет родственников или друзей, с которыми стоит встречать Новый год? Лучше чувствует себя за разговорами с чужим человеком? Чего он добивается? Такой дружбы, как у нас с Колькой, когда нет никаких собственнических интересов и можно спокойно общаться, не опасаясь быть непонятым или отвергнутым? Хотя, надо признать, мне ни разу не удалось заметить никаких признаков того, что он за мной ухаживает. Был во всем корректен, соблюдал дистанцию, не позволяя мне вторгаться в свое личное пространство ни словами, ни хулиганскими выходками. Даже заводя разговор о возможном изменении наших отношений, он открыто издевался надо мной, подтрунивая и высмеивая шаблонные ситуации, которые я неумело пытаюсь выстраивать, замечая любой мой промах или неверную интонацию. Поэтому я тоже старалась изо всех сил соблюдать дистанцию и не поддаваться на провокации, которые мерещились мне на каждом шагу.

Поводов было достаточно, потому что по возвращении жизнь завела себе новое правило. Раз в неделю-две мы ужинали где-нибудь и разговаривали о сотне разных проблем, попадавших под руку, или он выводил меня "в свет", благодаря чему я, наконец, посмотрела все модные спектакли, и побывала на всех обязательных классических концертах. Жизнь опять стала размерена, спокойна и приятна. Меня устраивало все, даже то, что я была одна. В конце концов, прошло только полгода, как я выгнала Женю, а этот срок можно считать минимальным в рецепте "время лечит". Кризисы обходят стороной, мне ничего не нужно. Раздражает только моя неумная способность болтать, спорить о том, что кажется неправильно устроенным, отстаивать свою точку зрения. Иногда, сказав что-нибудь типа "ради осуществления всего этого можно многим пожертвовать", я кожей чувствовала, что мое досье пополнилось еще несколькими вопросами типа "на какие жертвы пойдет ради?" и парой исписанных твердым, ясным почерком страниц. Правда, мне никогда не удавалось понять, что именно на них написано. А, и не важно. Достаточно того, что я ощущала себя человеком, способным радоваться жизни, и могла принять в случае необходимости какое-нибудь стратегическое решение, если вдруг понадобится столкнуться с неожиданными переменами. Правда, перемены — это последнее, что хотелось бы переживать. Приятнее, когда кажется, что даже внешняя жизнь подтверждает тезис "все предсказуемо и все спокойно".

У меня впервые за долгое время появилось время и для чтения. Хотя создала я его себе очередным хулиганством — стала опять ездить на работу на метро. Для отказа от машины было несколько причин — невыносимые пробки, постоянный снег и лед на дорогах, возможность прочесть или перечесть давно забытые книги. И, конечно, вставить булавку любителям наблюдать и присматривать за моей персоной. Интересно, как они доложили о новом порядке? Сергей ничем не обнаружил, что знает. Хотя нет, отчитал меня как-то по телефону, когда я отказалась от предложения подвезти меня до дома и тут же у него на глазах просто поймала машину. Сказал, что не ожидал подобных подростковых выходок от внешне взрослого человека. Детские выходки ни при чем — не хочу предпринимать никаких действий и принимать какие-либо предложения, которые могут уменьшить дистанцию. Если я иду с ним в театр, то главным должно быть действие, происходящее на сцене, а не совместное времяпрепровождение. Даже если для этого мне приходится прочитывать пьесу и составлять собственное мнение о том, как ее надо ставить.

Жаль, что время, когда можно было читать столько, сколько захочешь, давно прошло. В детстве на это уходил весь день: уроки сделать в школе, вернуться домой, залечь на диван и читать. Летом уехать на дачу и читать все каникулы, спускаясь с чердака, чтобы собрать себе ягод или яблок. Столько классических книг удалось прочесть благодаря терпению родителей, не заставлявших меня жить общественной жизнью, сажать цветы или заниматься спортом больше, чем я сама этого хотела. Хотя это мне сейчас так кажется, на самом деле, если вспомнить, то музыкальная школа и фигурное катание съедали столько же времени, сколько скандалы по поводу того, как я хочу бросить эти никому не нужные занятия и читать. Почему родители так упорно заставляют детей совершенствоваться в том, что никогда не станет ни профессией, ни хобби? Зачем меня отрывали от книг и отправляли играть, петь, развивать ноги и руки? Боялись, что я вырасту горбатой, очкастой и немusыкальной? Наверное, просто выращивали разносторонне развитую личность. Или есть какие-то особые родительские мотивы, которых мне до появления собственных детей просто не дано постигнуть. Танька, например, всегда вставала на мою сторону и требовала прекратить издевательства над ребенком, начинающим мало-помалу ненавидеть классическую музыку и любое действие, попадающее под определение "спорт". Однако доросли ее дети до школы и немедленно были отправлены заниматься музыкой, теннисом и горными лыжами. И никакие слезы и скандалы не сдвинули ее ни на шаг. В ответ на мои недоуменные вопросы она разворачивала стройные теории о полноценном развитии всех способностей человеческого мозга, здорового духа в здоровом теле, необходимости методично прививать детям знание о разнообразии возможностей получать удовольствие от жизни и, самое главное, о том, что любой ребенок должен быть загружен, чтобы на глупости не оставалось ни сил, ни времени. Допустим, это вполне здравый аргумент, но зачем мучили меня? Я и так глупостями не занималась — читала себе книжки на диване, никому не мешала и в школу исправно ходила.

В университете прочитывался вал уже новых или старых, но впервые опубликованных текстов. Теперь же библиотека стала живым укором — на хорошую литературу нужно иметь время и душевные силы, а плохую читать нет привычки. Книги и слова врываются в мое хрупкое спокойствие и крушат все на своем пути, не оставляя камня на камне. Наверное, все объясняется тем, что внутри я совсем не стойкий человек, каким хотелось бы быть или хотя бы казаться. Книги всего лишь делают это очевидным для меня самой. Поэтому, чтобы читать, нужно иметь хоть чуть-чуть сил, перевернув последнюю страницу, опять вернуться к обыденному. От хорошо написанного текста внутри все сжимается в маленький комочек и начинает болеть. Наверное, так слова наказывают меня за мусор, который я из них ежедневно делаю, заглушая в себе беспокойство и трепет.

Но даже думать так несправедливо и неблагодарно. Мое рабочее спокойствие прежде всего связано с тем, какие люди меня окружают. Можно сказать, что подобралась они случайно, но что-то я не верю в такие случайности. Случаем можно назвать встречу с Гончаровым, но не подбор проверенных годами общения верных и надежных соратников. Самые важные и надежные работают со мной не меньше четырех лет. И я держусь за них обеими руками. Они мне ужасно нравятся и хорошо это знают. Иногда я настолько явно выражаю свой восторг и расхваливаю, что внешние люди начинают подозревать во мне великого организатора и психолога, если не манипулятора. Но это просто смешно. Мои слишком долго работают с фальшивками, чтобы сразу распознавать все, что дурно пахнет.

Конечно, не со всеми я дружна, кто-то ближе, кто-то дальше. Есть несколько имен, из которых сложен фундамент. На них кто угодно смог бы построить здание необходимого размера. Две Лены. Лена большая — бухгалтер, знает все и помогает во всем. Больше и не скажешь. Лена маленькая, наверное, завхоз, занимается тем, чтобы нам было хорошо, удобно и комфортно проводить вместе большую часть жизни. Даша — человек феноменальной работоспособности, с которым мы начали агентство и который теперь за него отвечает. Сашка, который не может жить без выборов. Если ему долго не давать заниматься агитацией и пропагандой, начинает чахнуть и хандрить, ввязывается в авантюры, о которых потом вспоминает с ужасом. Для многих клиентов стал талисманом удачи. Однажды один из них решил сэкономить и не возобновил контракт, а потом звонил мне в истерике, соглашаясь заранее на любые условия, только чтобы Сашка смог поработать. Гошка — мой тихий гений, который из вороха разрозненных новостей, статей, каких-то обрывков разговоров, намеков и слухов строит железно выверенные схемы: кто с кем, как, куда, за сколько и почему.

Все вместе они и составляют каменную стену забора, за которым я живу и ращу ухоженный цветущий садик. И все у меня по плану — смена сезонов, посадки, удобрения, сорняки. Мне

бы очень хотелось убедить себя в том, что я триста лет выращиваю идеальный английский газон, стригу, поливаю, опять стригу и знаю, что все объяснимо и предсказуемо.

С другой стороны, ощущение ясности будущего носится в воздухе: как еще может быть в такое странное время, когда все оказывается predetermined? Чем еще заниматься, если не разговорами, чтением и стрижкой уже высаженного газона, когда внезапно понимаешь, что твой выбор ни на что не влияет? Медленно и незаметно складывался новый порядок. Постепенно становилось ясно, что все давно определились с выбором президента и занимались получением гарантий под свою лояльность и свое влияние. Новостей не было, были только отдельные всплески: кто, что уже успел "застолбить", кто что продал и за сколько. И непрерывный уверенный шепот — все уже решено, подстраивайся. Казалось, всего лишь порыв ветра — и вдруг показался почти сформировавшийся скелет некой еще неработающей конструкции, которой недоставало нескольких существенных элементов и топлива, но главное уже проступило.

Контуры ближайшего будущего становились все четче, пугая неизбежностью осложнений в личной жизни из-за перемен в общественной. Даже моя послевыборная эйфория омрачалась тем, какое количество шелухи и гнили немедленно вылезло наружу. Люди без собственного мнения, или готовые продать его за определенную сумму или готовые продать то, что мнения у них нет, серые и безликие, не умеющие даже двух слов связать, вдруг возомнили себя чем-то и начали "вещать", всерьез вообразив, что за них голосовали, потому что они представляют собой какую-то реальную ценность. Нашелся, кажется, среди них только один трезвый человек, который смог с удивлением и восхищением заметить: "...и они за меня, дурака, проголосовали...". Да и то, я так говорю оттого, что больше и сказать о них хорошего нечего. А если здраво подумать, как вообще человек, способный публично высказывать подобные мысли, смог быть избранным куда-то? Конечно, чтобы облагородить таких, платят много. Но их же на вес надо облагораживать, завод строить по штамповке. А так не хочется конвейера. Хорошо, что пока еще есть, чем заняться вокруг, можно подбирать других, а не это безликое, вязкое месиво. Смотреть на его первые колыхания было противно до омерзения.

Приходится перечитывать сказки, любимые с детства, возвращаться к выдуманным персонажам и вдруг открывать для себя, что хороший писатель пишет сказку не как книжку для детей, а просто ему нравится жанр. Почему-то мне впервые пришло в голову, что совершенно неважно в каком возрасте читать про гномов и эльфов, говорящих зверей и чудесные превращения. Неведомые страны, простые и не очень морали, объяснявшиеся на примерах невероятных происшествий основные чувства, близкие любому. Или я просто выросла и перестала стесняться своего пристрастия к историям, где все заканчивается поражением зла? Может быть, сказки — мое последнее прибежище и единственная оставшаяся надежда, что когда-нибудь так будет в жизни. Других свидетельств возможности подобного исхода нет, только истории о несуществующих мирах и диковинных персонажах. Или, прочитав сотни талантливых, а иногда и гениальных, умных, точно написанных книг, я так и не смогла найти для себя истории лучше, чем та, в которой есть вазочки за пять эре, гордая юная девица, племя маленьких огнеедов и лисий яд, который только и делают, что подмешивают в еду?

Глава 7. Февраль 00

Из всех времен года больше всего не люблю зиму, из зимних месяцев — февраль. Промозглый и мрачный он меньше всего напоминает идеальные картинки с белым снегом, ярким солнцем и румянцем от мороза. Все больше не хватает солнца и тепла, все сильнее пробирающий до костей ветер пригибает к земле, все меньше хочется выходить на улицу. Теперь подобное отвращение к зиме называют сезонной депрессией, но это поверхностное определение. По-моему, февраль создан, чтобы убивать. Хуже него может быть только душная склизкая грязь и оттаявший зимний мусор, покрывающий в марте все видимые глазу пространства. Но до этого еще надо дожить среди колючего снега, тьмы и вязкой солевой жижи под ногами. Лучше всего считать наступившее временем глинтвейна и обжигающего бульона, пухового одеяла, горячей ванны и мягких шерстяных носков. И все это дома, рядом с теплой батареей, сидя спиной к окну, чтобы не видеть буйства природы до наступления настоящей весны. Ни разу в жизни мне не удавалось просидеть все неуютные дни дома. Даже в школе мне ни разу не удалось по-настоящему заболеть и получить индульгенцию хотя бы на неделю.

Отец пытался бороться с моим побегом от зимы домой, заставляя при малейших признаках хандры идти кататься с ним на лыжах. Они были бесплатным довеском к фигурному катанию, прогулять которое было равносильно вооруженному бунту. Оружие против родителей я так и не успела заточить, приходилось три раза в неделю изводить себя на льду и тщательно продумывать, как увернуться в выходные от очередной пробежки на десять километров по морозу. Уважительной причиной считалась температура сорок, которой в это время года у меня никогда не бывало, музыка, уроки и довольная улыбка. Если не было последнего, можно было и не рассчитывать на снисхождение — кара лыжами была неотвратимой. Отец был уверен, что это привьет мне привычку к активному образу жизни и поможет всегда держать себя в форме. Попытки спортом прекратились только когда он умер, и мне было несколько неловко осознать, что я не только горевала из-за его ухода, но и радовалась наконец наступившей свободе. В общем, он добился своего, но несколько не так, как рассчитывал. Я настолько ненавижу теперь любые физические нагрузки, что внимательно слежу за здоровьем, весом и внешним видом. Для хорошего самочувствия достаточно осознать, что нет никакой необходимости истязать себя бегом, катанием, морозом, бассейном или еще чем-нибудь. Бильярд, боулинг, приятные прогулки — и никаких рекордов. Если плавать, то в море.

Но универсального лекарства от зимы я так пока и не нашла. Сидеть дома не получается, приходится заворачивать себя в ветронепробиваемое, собирать волю в кулак, выходя на мороз, как на расстрел. Наверное, февраль — месяц для жизни в жаркой стране, полной цветущих садов и сладких летних запахов. Солнце должно быть невыносимым, заставляя прятаться под зонт и защищаться от ослепительного света непроницаемыми линзами очков. Сколько времени нужно потратить на добровольное изгнание? Недели четыре. Но с тех пор, как я начала работать, у меня не было отпуска дольше трех недель подряд, и отдых никогда не зависел от сезона, а от штиля в делах. Предположим, я найду нужные недели посреди кутерьмы, февраль будет вынесен за пределы календаря. Но куда я дену март с его непрерывными обещаниями весны, резкими холодами, заскорузлыми остатками почти черного снега, сплавившегося в непреодолимую гнойную болячку с окурками, пакетами, песком, солью, собачим дерьмом и другим мусором, копившимся всю зиму? Время межсезонья, приходящее за февралем, можно заставить себя перенести, просидев и то и другое на одном месте. Но, вернувшись из лета в дыру, образовавшуюся на месте пригодной для жизни погоды, можно серьезно заболеть. А это и так со мной происходит каждый год в виде весеннего и осеннего обострения неведомого науке хронического гриппа. Единственное, чем удается смягчить климатический удар по нервам и другим частям организма, это подготовкой себя заранее к констатации тотальной зависимости от наклона земной оси.

Труднее всего не вываливать свои проблемы на окружающих. Каждый лишний выход на улицу, любое напряжение сверх запланированного поднимает внутри волну болезненного раздражения к источнику проблем. Не держа себя под контролем и в руках, случается невзначай забыть, что возмущен погодой и обвинить во всем не в чем не повинного попавшегося на пути. Хотя рядом почти нет свежих людей, которые могут попасть под каток по незнанию. Остальные так давно и хорошо осведомлены во всех подробностях о возможных и перманентных проблемах, что заранее прячутся в нужный момент или подсовывают лимон. Это единственная еда, которая поднимает

настроение в любое время. Если никто не видит, можно есть прямо с кожурой, отрывая зубами большие и сочные куски. Если не шокировать незнакомых, то можно почистить и съесть дольку за долькой, чувствуя немедленный прилив сил. Оставшиеся корки нужно сложить красивой горкой и нюхать время от времени.

Лена—маленькая даже завела ритуал встречи первого февраля, когда каждому на стол ставится миска с оранжевыми фруктами разных размеров и сортов, а мне в кабинет — ящик тонкокожих и ароматных лимонов и лаймов. Можно пережить любое время, если каждый входящий поговорить берет оттуда что-нибудь и кладет мне на стол. Сашка обычно добавляет: "Я пришел с миром". Он же завел новую единицу измерения серьезности возникших проблем. "Это потянет на три лимона, но можно попытаться сократить до двух". Как-то он кинул в меня лимон, чтобы остановить телефонный разговор, во время которого я долго и методично разделявала клиента на котлеты за серьезное непослушание. Пришлось срочно научиться краситься — синяк на лбу выглядел несолидно.

Нанимая на работу в агентство, прежде чем показывать мне кандидата, Дашка первым делом спрашивает: "Вы сможете разговаривать с человеком, который на ваших глазах ест лимон?" Некоторые теряются от неожиданности, ну действительно, какая связь? Однажды я слышала, как она подробно объясняла свой отказ: "Поймите, мы хотим взять человека на постоянную работу, чтобы у него не было необходимости уходить через несколько месяцев. Это и вам будет трудно, и нам. Дело тут не в ваших профессиональных качествах, просто с аллергией на цитрусовые вы должны будете уйти от нас тридцать первого января". Так, смеясь и поедая, кто лимоны, а кто апельсины, мы и выживаем до весны.

Но иногда лимонов под рукой нет, людей с чувством юмора тоже, и приходится справляться собственными силами, что не всегда проходит гладко. Особенно, если зима все-таки затягивается и весной совсем не пахнет. Кажется, любая новость, не важно из какой области, только подтверждает, что февраль не закончится никогда. Первой реакцией в любом разговоре становится вариация на тему "все плохо и будет только хуже". Почему-то вспоминая трагедии, я всегда помечаю их февралем, а победы — июнем, даже если все наоборот. Правда, пока отвращение к февралю заставляло его соответствовать, и год расходовал запас полагающего мне негатива за месяц—полтора, а остальное время, даже с учетом возможных поражений на любом фронте, воспринималось при свете солнца легче и проще.

Ощущая себя депрессивной неврастеничкой, можно и со Степой поругаться. Он, видимо, получил поддержку или что-то похожее на гарантии для каких-то своих проектов и теперь убеждал меня, что ситуация полностью перевернулась, надо отдать себе отчет в том, что президентские выборы фактически сделаны, и нечего тут думать, надо идти и пахать новые поля, которые ему первому удалось застолбить. Я бы еще поняла, если бы он предъявил мне свершившийся факт, который надо принять и работать в новой среде обитания. Но своими руками вписывать в уравнение факты, которых еще нет и говорить, что так и надо, этого за Степой я никогда не замечала. Показательный штрих к скелету новой конструкции пугал и раздражал одновременно. Я заметила его в Степе, но, присмотревшись повнимательнее, начала замечать что-то похожее во многих из тех, кто обладал реальными деньгами или властью. Можно было сколько угодно спорить, говоря, что все неправильно, противно, не нужно, но единственное, что я могла сделать реально, это сказать себе лично, что ни один из тех людей, которые будут мне предоставлены на выбор, не заслуживает моего доверия. Не пойти на выборы невозможно, но отказать им в праве управлять я пока еще могу. Степа обругал меня идеалисткой. Приводил примеры из нашей собственной практики, когда, благодаря профессиональной работе, выбор фактически исчезал. И все равно, мы никогда не были застрахованы от поражения, не давали гарантий и часто проигрывали. Свобода выбора тем и хороша, что нужно быть готовым проиграть.

Колька за очередным пивом согласился со мной, хотя не удержался и сообщил, что происходящее всего лишь торжество моих ценностей. Долго обсуждали подробности методов работы, суть проблемы, но мне так и не удалось убедить его в необходимости моего подхода, который не имеет ничего общего с тайным сговором действующих лиц для достижения нужного результата. Извела целый вечер с другом на политические дискуссии — вот это действительно проблема, которую надо срочно решать.

— Колька, объясни, почему ты ходишь без охраны? Гончаров ведь параноик, как он допускает подобную беспечность?

— Почему без охраны? Я всегда при ней.

— Не может такого быть. Они что, прозрачные?

— Нет, вполне реальные, из мяса и костей. Просто у нас есть корпоративный стандарт незаметности телохранителей.

— И в чем он заключается?

— О, это тебе надо поговорить с нашим главным специалистом по безопасности, зовут его Владимир Васильевич. Но сразу предупреждаю, своих секретов он никому не раскрывает. Я тебе могу сказать только, что их здесь должно быть не меньше трех человек внутри ресторана и столько же снаружи, они не должны ничем выделяться на фоне остальных посетителей и готовы защитить в любой ситуации.

— То есть реши я сейчас тебя убить, они смогли бы помешать?

— Абсолютно в этом уверен. Тебя бы здесь просто не оказалось, если бы ты хотела меня убить. Есть и другие, обычные — большие, в костюмах, в темных очках, которые загораживают собой. Как бы две стороны одной медали. Наверное, это самый надежный метод — подстраховывать со всех сторон и не допускать неожиданных ударов.

— Да, об этой теории предупреждения я знаю, Гончаров рассказывал. Незаметные же и меня пасут.

— Вот как? Я не знал. Это он тебе сказал или ты их сама заметила?

— Он сказал. Я пыталась потом понять, кто они и сколько и есть ли они вообще или он меня просто дулит. Но так ничего и не обнаружила.

— Значит о тебе точно известно, что ты ни меня, ни его не убьешь.

— Прекрати ржать надо мной. Знал бы ты, как меня раздражает это "приглядывание".

— Ничего не сделаешь, такие у тебя друзья — следят, проверяют и охраняют.

— Ты прекрасно знаешь, что он мне не друг.

— А кто же? Знакомый, который выводит в театры, заваливает подарками ценой в приличную квартиру и срывается сломя голову проводить с тобой Новый год?

— Ну, видимо так, знакомый, причем совершенно случайный.

— Хочешь сказать, что между вами ничего нет?

— С моей стороны точно. Мне кажется, я соблюдаю все возможные меры предосторожности, чтобы держать дистанцию. А что он думает по поводу наших встреч — понятия не имею. В любви не объяснялся, не волнуйся. Водит на концерты, общается, делает подарки. Вот и все.

— Верите ли вы в дружбу между мальчиком и девочкой?

— Мы же с тобой дружим и ничего.

— Да, но поверить в то, что такое возможно между тобой и Сергеем, я решительно отказываюсь. В уравнении что-то не сходится. Или таких анекдотов мне еще не рассказывали.

— Мне тоже. Но ведь действительно нет никакой дружбы, просто времяпрепровождение. Мне в жизни не придет в голову сказать, что он — мой друг, как я о тебе это говорю.

— С ним ты видишься чаще.

— Завидуешь?

— Еще бы, сколько упущенных возможностей попить пива.

— На сегодняшний день я тебе точно могу сказать — если у меня будет выбор с кем проводить время, я, конечно, выберу тебя. Хочешь, проверим — позвони мне в тот момент, когда я уже договорилась с ним идти куда-то, я все отменю без всяких сожалений и пойду пить пиво. Хотя ты и говоришь мне всякие гадости о моей работе. И вообще только и знаешь, что шпынять.

— Перестань, ты сама себе эти гадости уже говоришь, я их только озвучиваю.

И Колька прав. Посмотрим, как дела пойдут, но мне так не нравятся эти люди с сомнительным прошлым, которые вдруг вылезли, построились и пошли управлять. И по большому счету они никому из действительно мыслящих людей не нравятся. Достаточно послушать, какими словами новеньких расхваливают умные и уже лояльные. Больше всего они напоминают мне в этом момент Шурку, которая, говоря о своем первом муже, утешает сама себя: "Конечно, подлец, но зато посмотри какой у меня сын". Глупость несусветная, но ее еще можно понять. А здесь детей и в проекте нет, а внутреннее содержание будущего мужа уже всем ясно.

Гончаров сказал, что надо работать с тем, кто есть, и с его точки зрения другого вменяемого кандидата у нас нет. Он, видимо, тоже спешил все устроить, пока нужным людям еще

раздавали обещания. Конечно, ничего конкретного не рассказывал, но стал появляться в городе гораздо чаще, и ближе к марту мы иногда встречались два раза в неделю.

Что на это скажет Колька — понятно. Но, глядя на ситуацию отстраненно, можно ли сказать, что мы дружим? Вряд ли. Мне вообще сложно назвать одним словом странную смесь разговоров, походов в театры и на концерты, споров и разногласий, которую представляли собой наши встречи. Друзей зовут праздновать день рождения, но Гончаров меня не позвал. Вежливо принял поздравления по телефону, судя по шуму, оторвавшись от праздничного стола и гостей. Отстраненность была совершенно естественной, не вызвала ни обиды, ни досады, потому что, будь это мой день рождения, я бы его тоже не позвала. Даже не стала ничего дарить — у меня нет досье, заполненного списком беспроектных подарков, а смешные сувениры дарят, когда хотят чтобы все время вспоминали. Его внимание мне и так кажется слишком пристальным, чтобы лишний раз о себе напоминать. И как только он посмел со смешком спросить, почему остался без подарка, я немедленно высказала свое мнение, добавив, что, судя по его поведению, он привык к подаркам, стоимость которых превышает мой годовой доход. Он, как всегда, спокойно заметил, что у меня не может быть подобной информации, поэтому не стоит делать выводы, опираясь на эмоции и фантастические теории. Мне оставалось только поблагодарить за ценный совет и заткнуться.

Но теперь я была уже лучше вооружена, собирая любую появляющуюся информацию о его деловой активности и просто жизни. Хотя он был прав, о втором не было даже намеков. Но первое иногда все-таки пополняло тонкую папку, которую я на него завела. Появились слухи, что его приманивают какой-то большой должностью, но почему и какую помощь он обещал за это во время выборов, никто не говорил. Он стал все чаще уговаривать меня занять более конструктивную позицию и, в конце концов, спровоцировал скандал.

— Я не понимаю, как вы можете всерьез обсуждать такую кандидатуру на такой пост?

— А в чем проблема? Чем он вам не нравится?

— Чем он мне не нравится, это мы потом обсудим. А вам он должен не нравиться тем, что он — победа таких, как я.

— Почему же?

— Потому что видимая часть сделана великолепно. Грамотные, знающие люди работают, картинка получается практически идеальная. Приходится признать, что результат беспроигрышный, не знаю, что должно случиться, чтобы он провалился. Хотя меня они убедить не смогли.

— Я не понимаю, что вас не устраивает?

— Сам человек, слабость аргументов в его пользу и всеобщий психоз. Откуда такой энтузиазм? Как не уважай предыдущего президента, но, по меньшей мере, смешно бежать голосовать только потому, что он назвал своего преемника открыто и прямо. Это было его право посоветовать, кого надо избирать. Но как можно посчитать избрание свершившимся фактом?

— Никто не считает избрание свершившимся фактом, до выборов еще есть время.

— Не надо рассказывать мне сказки. Все уже поделили, обо всем уже договорились. Или, может быть, вы думаете, я поверю, что вы стали так часто бывать в столице ради моих прекрасных глаз?

— Почему нет? Не надо представлять меня монстром, есть и во мне что-то человеческое.

— Безусловно, но только после того, как сделаны дела.

— Все так, и вы тоже. И все равно я не понимаю вашего негативного отношения. Чем он вам не нравится? Чем он плох?

— Тем, что черного кобеля не ототрешь до бела.

— Поясните.

— Человек с таким прошлым не может измениться. Мастерство не пропьешь. И он плох и друзья у него все такие. Посмотрите, кого он за собой тащит. Вы что же рассчитываете, что эти бульдоги станут зайчиками?

— Почему нет? Предыдущий в прошлом — партийный работник. И ничего. Смог.

— Предыдущий — харизматик, и, как ни смешно, демократ до глубины души.

— А этот нет?

— О чем вы, какая харизма? Шпионить? С такими людьми нельзя договариваться. Кинут и сдадут, когда надо будет.

— Это детский сад, есть люди и обстоятельства, в которых нельзя кидать.

— То есть вы на это надеетесь? На то, что вас спасут деньги, обстоятельства, общественная значимость? Кто из нас наивен? Да они пообещают вам все, чего вы хотите, лучше вас

осведомлены о ваших желаниях. И потом так же легко сдадут, потому что вы им уже сейчас, наверняка, неприятны тем, что смогли добиться власти и денег сами, а они были вынуждены ждать, пока их приятель встанет у руля и все будет позволено.

— Вы не знаете, как делают дела на таком уровне.

— Возможно. Зато вы считаете, что вас-то не съедят. Запомните тех, с кем сейчас они дружат, и увидите, сколько выживут, если начнут потом сопротивляться. Бульдогов надо держать на цепи или гнать, потом поздно будет.

— Думаете, прямо убивать будут?

— Смеетесь? Кого-то будут. Кого-то будут так пугать. С ними нельзя подружиться. С ними нельзя договариваться. И не надо призывать меня быть конструктивной. Я достаточно беспринципна. Но инстинкт самосохранения у меня тоже есть. Единственное, что я считаю возможным для нормализации жизни с ними, это принятие закона о полном поражении в правах и запрете заниматься государственной службой.

— Я могу передать.

— Лучше помолчите и посмотрим через год, что вы скажете. С ними может работать только такой, как они сами. Если вы такой, у вас получится. Если нет, вас сожрут.

— Я так люблю, когда вы сердитесь, что готов еще поговорить на эту тему.

И как с таким человеком общаться? Самоуверенный, спокойный и знает, что силен. И злуюсь я не потому, что не могу его переубедить, отстояв свое мнение. Мое поражение в том, что я не готова спорить доводами, которые приводила сама, объясняя не раз и не два другим свою позицию. Я отступаю, как отступали они, не готовые найти брешь в броне полуправдивого позитива, который я вываливала на них непрерывным потоком.

Если бы эти выборы были моим заказом, не было бы никаких глупостей в голове и никаких сомнений? Клиент — заказ — результат — гонорар, вот и весь разговор. Может быть, все объясняется завистью и ревностью к большой игре, в которой не участвуешь? Но почему именно в этот раз? Бывало, что заказы уходили к другим, но по этому поводу не было никаких отрицательных эмоций. И вдруг, откуда ни возьмись, только глухое раздражение к персонажам привычной пьесы.

Но дело всего лишь в том, что мне впервые за много лет неприятно наблюдать за происходящим. Противны и гадки действующие лица, исполнители, режиссеры, статисты и публика. Наверное, тоже самое испытывает критик, которого убеждают написать положительную рецензию на провалившуюся с его точки зрения пьесу для повышения сборов в театре, в труппу которого он и сам вложил немало денег. Похвалишь — заработаешь, прокатишь — не потеряешь уважения к себе. Оказалось, что есть еще вещи, на которые невозможно пойти, потому что они отвратительны или опасны.

И работы, к сожалению, было не так много, чтобы забыть о внешнем и мечтать только о лишнем часе сна. В свободной голове появляются совершенно не нужные мысли, выгнать которые нечем. И поболеть для разнообразия не удавалось, пусть не до потери сознания, а для смены обстановки. Как будто все вирусы сидят и покорно ждут какого-то неведомого сигнала, когда можно будет разгуляться во всю, устроить светопреставление с неотложкой и уколами, но подарить мне неделю обычной простуды или банального насморка без осложнений не соглашаются ни за что. Во всем виноваты лимоны. Может быть, попросить Ленку продолжать таскать их до тех пор, пока на деревьях не прорастут листья? Тогда я перестану болеть весной и буду избавлена от тревожного ожидания начала чего-то нового, неизвестного и совершенно не обязательно приятного.

Глава 8. Март 00

Межсезонье началось неожиданно. Как только повеяло теплом и талой водой, то на следующий же день я поняла на работе, что меня накрыло сразу все: горло, насморк, страшная головная боль, кашель и температура не меньше тридцати девяти. Сил хватило только на то, чтобы купить замороженной еды, недельный запас лимонов и упасть в кровать. Мне было так плохо, что я уехала с работы, не дождавшись Шурку, которая была уже в дороге и собиралась возвращать деньги. Она, к счастью, знала, как я болею, и позвонила узнать, смогла ли я доехать до дома или свалилась где-то под кустом. Следующие трое суток помню смутно. Кто-то звонил, я разговаривала пару раз с Танькой, с Леной—маленькой, но они хорошо знали, что бесполезно заставлять меня думать только спрашивали о самочувствии. Остальное время я спала, иногда собиралась с силами, пила чай и съедала порцию каких-то совершенно бесполезных таблеток. Лучше не становилось. На четвертые сутки позвонил Гончаров и после двух фраз понял, что я не в себе. Совершенно не помню, о чем говорили. Вроде бы, я ему сообщила, что при температуре сорок я никуда не пойду, и сказала, что еда в доме есть. Еще через день я начала выздоравливать.

Не люблю болеть, ненавижу, когда мне плохо. Но выздоравливать я с некоторых пор тоже ужасно боюсь. Кажется, начиная лет с восемнадцати, после каждого затяжного гриппа мне всегда снятся странные и очень яркие сны, от которых я не могу избавиться. Они настолько сильно меняют мое настроение и впечатление от жизни, что я их жду и одновременно боюсь, как неизвестности.

Когда температура спала, стало легко, и я смогла спокойно заснуть. И сразу оказалось, что иду вечером в метель куда-то с Гончаровым и Колькой. Цель у нас точно была, но понятна была только Кольке. Он вдруг сказал: "Подождите здесь, я должен выяснить, как там все будет". И ушел по направлению к маленькому дому. Мы видели, как постучал, дверь открылась, и он вошел в ярко освещенный проем. Как только дверь за ним закрылась, опять стало темно, только снег блестел на фоне грязно-чернильного неба. Мы стояли и не знали, что делать. То есть я не знала. Гончаров некоторое время смотрел на меня внимательно. Рассматривал, как врач, изучающий пациента, чтобы разобраться в симптомах. И вдруг без предупреждения сказал: "Да. Конечно. Это же страсть". Как будто поставил диагноз. И то, как он сказал это, как был уверен в своих словах, ужаснуло меня, как если бы он сказал мне "это смерть". И я твердо и уверенно сказала "нет". И тут взгляд его изменился, в нем появилось отвращение перед человеком, который отказывает принять столь очевидный факт. Потом он повернулся и пошел туда, откуда мы пришли. И я проснулась.

Надо скорее выздоравливать и идти на работу. Иначе мне все время придется вспоминать эти слова и этот взгляд. И я замучаю себя насмерть, разгадывая, что все это значит. Никакой страсти! Меня с ним ничего не связывает, кроме совместных походов в театр. Он ничего про меня не знает и ничего не может мне сказать. Работать и про все забыть. Надо бы рассказать кому-нибудь, но кому? Может быть, отказаться от детской неприязни к психологам? В школе у нас как-то появился такой чудаковатый человек, немедленно получивший кличку "шарлатан" за бредовые теории установления мира на земле. Но не все же они такие? Неужели кто-нибудь сможет заставить меня отказаться от привычки погружаться в переживания по надуманным и эмоциональным поводам, типа снов на волне выздоровления.

Но таких людей надо искать, а мне лень и не хочется разрушать сложившуюся в голове картинку мирной жизни. Мало ли что я могу обнаружить в себе? Лучше не рисковать и просто дожидаться, пока все забудется — и болезни, и сны и слова и взгляды. Пройдет еще пара дней, и я совсем успокоюсь.

И в этом вновь обретенном ощущении стабильности я пребывала до двадцать девятого марта. Выборы прошли. Работы было много, надо было поддерживать своих губернаторов. Не было ничего особенного и в том, что Сергей позвонил мне на работу. Станным было то, что он сказал.

- У меня к вам есть срочное дело. Не могли бы мы встретиться прямо сейчас?
- Это так срочно?
- Да, чем раньше, тем лучше.
- У меня есть окно, но я должна освободиться так, чтоб в четыре быть у Степы.

- Вы можете выйти? Моя машина внизу. Вас привезут и отвезут потом, куда скажете.
- Хорошо.

Правило не задавать ему вопросов сверх меры сыграло со мной злую шутку. Я извелась, пока мы ехали до маленького парка на набережной. Было промозгло и серо, замешанная на зимнем мусоре весенняя грязь совершенно не добавляла хорошего настроения. Я была взбудоражена и даже не сообразила, что знаю теперь, как выглядит машина и один из тех, кто меня пасет. Сергей был, в общем, не так чтобы расстроен, но явно обеспокоен, хотя возможно потому, что мы задержались в пробке.

- Только говорите сразу, а то я умру или от беспокойства, или от любопытства.
- Мне предлагают стать советником президента, что-то типа серого кардинала.
- Сильно. И что курировать?
- Почти все.
- Вы довольны?
- Доволен. Я принес туда то, о чем мы говорили, начиная с Будапешта.
- Что именно?
- Все — налоги, реформы, федерацию, деньги, бюрократов, армию, собственность, все.

И получил карт-бланш подо все это.

- Поразительно, этого просто не может быть, так не бывает.
- Однако, это так. Мне осталось решить только одну проблему.
- Какую?
- Мне нужно передать собственность.
- Какая же это проблема — у вас же там есть люди, которым можно раздать. И, наверняка, все надежно спрятано.
- Я хочу, чтобы все принял один человек.
- Так в чем проблема?
- Я хочу передать все вам.
- Что? С какой стати? Это бред?
- Нет, это действительно единственный возможный для меня вариант.
- Но я... да нет, ну, в самом деле! Единственный возможный вариант передать все некомпетентному человеку? Я не очень много знаю о том, что у вас есть, но то, что знаю — для меня совершенно незнакомые вещи.
- Иначе я не смогу принять это предложение.

Я ведь могла его выгнать, никогда не увидеть больше, могла его сто раз отравить, зарезать и пристрелить, переспать с ним и больше никогда не встречаться. И теперь я сижу на мокрой, промозглой лавке обложенная страницами из своего досье. Готова многое отдать, чтоб все это было? Так вот тебе, отдавай. Отвечать за чужую собственность тяжело. Но отвечать за его? Да мне придется ночей не спать, что быть уверенной, что я не нанесу ему ущерба, что не к чему придраться. И к тому же, это я говорила, что с будьдогами нельзя сотрудничать. И вот он идет работать туда, откуда, по моему мнению, надо бежать. И просит сделать так, чтобы ему было легче работать. Или дело не в этом? Он хочет списать на меня что-то? Хочет подставить? Не нравится мне все это. Не говоря уж о том, что это шантаж чистой воды.

- Это шантаж!
- Нет, просто я пытаюсь объяснить, что другого выхода у меня нет.
- И сколько у меня есть времени на раздумья?
- Минут 20 от силы.
- Почему так мало?
- А зачем больше?
- Мне надо понять, что за этим стоит хотя бы.

И родителей нет, чтобы посоветоваться, и людей таких нет, чтобы можно было все объяснить и попросить совета. Надо с кем-нибудь поговорить. Но с кем? Кто знает о нем хоть что-нибудь? Степка? Колька? Они заинтересованные лица. С ними нельзя. Кто же? Ладно, оставим пока это. Я не хочу ввязываться во все это.

- С ними нельзя сотрудничать. И смешно призывать меня на помощь.

— Но ведь сейчас именно тот момент, когда все реально. Можно сделать все, что нужно, и препятствий не будет никаких.

— Возможно, но я не хочу им помогать, я не верю в их благие намерения.

— Не надо верить в их намерения. О них мы все равно пока ничего не знаем. Я прошу помочь мне лично. У меня есть возможность сделать многое из того, что нужно и правильно. И мне нужно кому-то отдать все и спокойно работать. Нельзя отказываться от такого шанса. Он во всех смыслах уникален.

Вот так всегда, и что мне теперь делать? За двадцать минут я должна на что-то решиться. И ни один из вариантов мне не нравится. Ненавижу ситуации, когда хочется сделать одно, а правильным вариантом считаю другое. И делать выбор приходится, отдавая отчет: либо ты выбираешь то, что не хочешь, либо то, за что себя потом будешь поедом есть. Еще хуже, поедом себя есть будешь в любом случае. Что бы ты ни выбрал.

— Ты уверен, что другого выхода нет?

— Да.

— Ты для этого все делал?

— Нет, не для этого. Но я предлагаю это тебе, потому что тебе все это по силам. Я знаю, что и как ты делаешь, я знаю, как отзывается о тебе Степа.

— Степа знает?

— Нет. Он, по-моему, даже не в курсе, что мы знакомы.

— Ты все-таки заставил меня пожалеть об отказе. Будь я твоей любовницей, ты бы мне такого не предложил.

— Почему? Тебе — предложил бы.

— Зато у меня был бы прекрасный предлог отказаться. Мне надо позвонить.

— Кому?

— Человеку одному. Твои слушают мой телефон?

— Могут.

— Тогда обещай, что у моего собеседника не будет неприятностей, что бы он мне не сказал.

— Как у тебя все сложно. Хорошо, обещаю.

И что мне остается делать? В такой ситуации единственный человек, которому я могу позвонить — это Боря.

— Привет, это я.

— Привет, рад тебя слышать.

— Послушай, мне очень нужна твоя помощь, но прямо сейчас. И, к сожалению, по телефону.

— Попробую. Что еще случилось?

— Я тебе назову сейчас одну кампанию, а ты мне расскажешь все, что знаешь о владельце.

— Ну, давай.

— Пивной завод в К.

— В клиенты идет?

— Нет, все сложнее. Ну, так что расскажешь?

— Сама знаешь, человек очень закрытый. Сейчас в большой силе. Видимо пользуется огромным влиянием, чуть ли не деньгами всех поддерживает. И старых, и новых. Много связей и там, и там. Про последнее назначение слышала в марте? Говорят его рук дело. До последнего другое имя называли, а он взял и все переиграл. Коротко говоря, огромная власть, огромные деньги, очень скрытен и никогда неизвестно, где он дергает за ниточки. И не всегда понятно зачем. Карты держит при себе, использует всех.

— А ты сам лично не знаешь его?

— Почему же, встречался несколько раз.

— Какое впечатление он на тебя произвел? Что за человек?

— Ты знаешь, очень здравый мужик. Но очень хитер, и очень умен. Он очень непрост. Если ты можешь просчитать пять вариантов развития событий, то будь уверена, что он будет действовать не шестым, а восьмым способом. Если собираешься играть "против" — я бы тебе не советовал. Если бы мог — запретил.

— Нет, можешь не волноваться, речь не об этом. А дела у тебя были с ним общие?

— Не с ним лично, но с его структурами были. Правда, они все под ним работают, хотя внешне этого заметить нельзя.

— Ну и как? Можно работать?

— Если договоришься, то да. Ценит договоренности и не кидает партнеров. Если ты партнер.

— Понятно. Спасибо тебе.

— Смотри аккуратнее, шею не сломай, не играй "против". И везде "стели соломки". Он очень хитер. Очень. Если вслух называет одну причину, значит главное в другом. Лучше тебя лепит маски.

— Хорошо, тогда сдай мне на пару дней своего корпоративного юриста. Только предупреди его, чтоб молчал, а то это будет его последняя консультация.

— Ладно, будет тебе юрист. Одного хватит?

— Остальных я в других местах найду. Пусть звонит мне как можно быстрее. Еще раз спасибо. Сам понимаешь, молчание — золото.

— Я уже понял. Сама осторожней.

Странно, что мы с Борькой составили себе одно мнение о человеке. Или человек этого сам добивался, или так оно и есть. И, к сожалению, пора было принимать решение.

— Ладно, я соглашусь, но у меня есть несколько обязательных условий.

— Каких?

— Во-первых, я ни за что не брошу свою работу, если только Степа не посчитает нужным меня уволить.

— Почему?

— Потому что я надеюсь, что все это долго не продлится. Или как? Как долго мне придется все это холить?

— Я не знаю. Думаю, по крайней мере, месяца три, а там — в зависимости от результатов. Но рассчитывать надо на то, что все это будет долго.

— Это первое. Второе. Ты должен написать завещание, точнее оставить распоряжение, что и кому я передаю, если вдруг с тобой что-нибудь случится. Я все твое завещаю тебе. Если вдруг мы умираем одновременно, то тоже должно быть соответствующее распоряжение.

— Хорошо, это вполне разумное требование.

— И третье. Я ничего, ни одной бумажки не подпишу без твоего письменного согласия.

— Почему?

— Потому, что всё это твоё, я могу этим управлять, но ты свое дело знаешь лучше. Если ты отдаешь мне дела, в которых я ничего не смыслю, ответственность за них пойдет в пополам.

— Понял. Хорошо. Что-то еще?

— Мелочи. Ты будешь меня консультировать так часто, как мне это будет нужно, или предоставишь мне людей, способных на это. Мне нужны все материалы по тому, как и что работает. Официальные, не официальные, твоя голова, все, что может мне помочь разобраться и не наделать глупостей. Кстати, как ты мне собираешь все передавать?

— Не волнуйся, юристы уже все подготовили, это самое последнее, что должно тебя беспокоить.

— А что меня должно беспокоить? У меня и так голова кругом идет.

— Ты слишком серьезно ко всему относишься. Мне нужно тебе все передать для подстраховки, я же не собираюсь бросать то, что с таким трудом построил. Просто последи за всем. Все равно, я буду рядом, но лишний внимательный взгляд не повредит.

— Я знаю, что такое пасти чужой бизнес. И я не знаю, зачем тебе такие сложности. У тебя, наверняка, открытой собственности нет, все по оффшорам. Для чего ты все это затеваешь? Хорошо, если ты идешь делать то, о чем говоришь. Но боюсь, что у тебя гораздо более серьезные планы. А я, подписываясь помогать тебе в одном, "замазываюсь" и во всем остальном. И мне это очень не нравится. И куда ты идешь, и зачем, и с кем будешь работать. И что из всего этого получится. Я даже близко не хочу со всем этим находиться, а ты меня заставляешь довериться тебе с закрытыми глазами и караулить твое добро. Кстати, хотелось бы ознакомиться с полным списком собственности.

— Это просто, вот читай.

На третьей странице я была полумертвой от ужаса. Там не было пожалуй что, только борделей, наркотиков и оружия. Зато там была нефть и масса других очень полезных ископаемых, еще мелким шрифтом несколько заводов, банк и всякие мелочи. У меня даже не хватило сил сложить

цифры годового объема производства. На отдельном листе было то, что нигде не светится и не должно нигде пройти. Там же весь западный бизнес. Сплошные оффшоры. За такую бумажку огромное количество газет бы удавилось. Копай я по работе сто лет, все равно никогда не нашла всего этого.

— Это можно и не передавать. Все равно нигде имена владельцев не светятся.

— Мне нужно подстраховаться, таковы условия игры. Давай лучше обсудим, чего ты хочешь взамен.

— В каком смысле?

— Чего ты хочешь за такую работу?

— Не знаю. Я хочу гарантий, что ты меня не "кинешь".

— Как я могу тебя "кинуть"? Я же тебе все отдам. Скорей уж мне надо требовать гарантий.

Что еще?

— Не знаю. Ты предлагаешь оценить работу в деньгах? Сколько стоит "пасти" такое?

— Не знаю, в деньгах, в бизнесе? Что тебе нужно?

— Я не готова сейчас это обсуждать. Я же не могу посмотреть по рынку, сколько стоят такие услуги, с гарантиями, что управляющий не "кинет". Подумаю. Посмотрим, как дела пойдут. Хорошо?

— Договорились. Главное, не стесняйся. Я торговаться не собираюсь и соглашусь на все.

Мне хотелось забиться в угол, где меня никто не найдет. Со стороны всегда кажется, что можно отказаться, сказав "извини, не могу". Но тут все было очень запущено, отказаться было нельзя, потому что это не входило в зафиксированные нами правила игры. Он все рассчитал, загнав меня в капкан моими собственными руками. Если бы умела, надо было орать. Но я сидела, съезжившись, обзоревая последствия пронесшегося торнадо. Моя спокойная жизнь превратилась в кучку пыли. Очень хотелось заплакать, но ужас был все еще сильнее любых других эмоций.

— Что ты со мной делаешь, Сережа...

Он молчал минуту, наверное, а потом, как всегда, тихо ответил:

— Я и так тебе очень много должен. Теперь просто увеличиваю размер долга до небес.

— Должен? Первый раз об этом слышу. Я не знаю за тобой никаких долгов. Но даже если так, я прощу тебе все, если ты это заберешь.

— Сейчас лучше я буду должен.

И вот теперь мне надо было ехать на встречу к Степе, а я не могла оторваться от созерцания руин.

— И что теперь?

— Теперь тебе придется передвигаться только на машине и с охраной. Завтра в восемь вечера мы полетим на заводы. Возьми с собой вещи, которые можно там оставить — все равно придется туда часто ездить. В пятницу я соберу там всех, кто должен быть в курсе, все подпишем, и до понедельника будем разговаривать о делах. Все возможные документы тебе привезут сегодня к вечеру, успеешь что-то прочитать. Завтра вечером можешь выбрать себе дом по вкусу, там есть из чего выбирать. Мне надо будет только в субботу утром уехать, показаться на подписании приказа. Так что я смогу участвовать почти во всем.

— Только учти, я буду с тобой советоваться во всем, но у меня свои представления о том, как бизнес должен строить свои отношения с прессой и обществом.

— Посмотрим. Ты еще пока не поняла, что находишься уже по другую сторону баррикад. Здесь лучше, чтобы все происходило тихо и без лишнего шума. Тебе же лучше, чтобы никто не знал. Вообще никто. Я бы на твоём месте и Степе не говорил. Чем меньше людей знают о том, что происходит, тем больше уверенности, что все получится. Сообщить всегда успеешь.

— Степе сказать все равно придется. Он может решить, что для дела ему лучше меня уволить. И потом, все равно всегда все вылезает наружу. Поэтому лучше этот процесс контролировать.

— Лучше его контролировать молчанием.

— Я поняла тебя. Потом обсудим. Можно сейчас сказать Степе?

— Не называя имен и размеров бедствия.

— Что я могу ему назвать из списка?

— Вот эти три пункта. Он о них знает и поймет, о чем речь.

— Хотелось бы мне знать, зачем ты вообще идешь туда.

— Хочешь полного списка задач?
— Да нет, хочу понимать, в чем ты меня "замажешь". Что ты там собираешься проворачивать помимо того, что предъявляешь мне. Расскажешь?
— А ты как думаешь?
— Я-то думаю, что нет. И это меня очень напрягает.
— Тебе придется принимать решение исходя из той информации, что есть.
— Так и сделаем. Мне нужны все уставные документы, все возможные цифры и сегодня. И еще образцы документов, которые я должна буду подписать.
— Боишься, что "подставлю" тебя?
— Я должна знать, что у меня в руках. Учти, буду сегодня сидеть с юристами и разбираться во всем этом.
— Ты мне не веришь?
— Я хочу знать, что ты мне отдаешь. И почему.
— Я тебе уже сказал почему.
— Ты назвал одну из причин. Скорее всего, это только видимая часть айсберга. А еще я хочу знать, почему ты отдаешь все именно мне.

Как бы долго не длился кризис, я всегда могу с точностью до минуты вспомнить все подробности. Достаточно уцепиться за первый кадр, и любое количество дней можно расписать по минутам. Мы вышли из грязного садика и подошли к машинам. Он познакомил меня со старшим из мужчин, стоявших рядом. Строгий, волосы "перец с солью", усатый, невысокий, лет пятьдесят. Оказалось, это один из тех, кто будет присутствовать в пятницу. Он составлял досье. Он же собирался везти меня сейчас к Степе. Возможно, мне было бы проще приять все это и относится к этим новым людям с большим оптимизмом, если бы выглянуло солнце. Дюймовочка перед свадьбой с кротом и кладбище промозглой осенью — так выглядело все вокруг меня.

Составителя досье звали Владимир Васильевич, он руководил службой информации, что в переводе на нормальный язык означало "безопасность, внутренняя и внешняя разведка". Пока мы через пробки пробирались к Степе, я пыталась разобраться, во что же влипла.

— Вы составляли досье, вы можете лучше всех оценить ситуацию. Что вы думаете обо всем этом?
— Сергей принимает решения всегда сам, ему советы по его делам не нужны.
— Я не Сергей, меня интересует ваше мнение.
— Это рискованно, но если получится, то выиграть можно гораздо больше, чем потерять при проигрыше.
— Если мне что-то нужно, кому надо звонить?
— Пока лучше говорить мне или Сергею.
— Мне нужно, чтобы к пятнице подготовили столько копий досье, сколько будет присутствовать человек.
— Стоит ли?
— Тогда сегодня привезите мне досье на всех, кто там будет. Включая мое. И завтра я скажу нужно ли.
— Хорошо. Сколько вы пробудете у Степана Андреевича?
— Понятия не имею, час — полтора. А что?
— Мне надо понимать, ждать ли вас самому или прислать другую машину.
— На ваше усмотрение, только я могу забыть, что меня кто-то должен ждать, и могу уйти так.
— Понятно. Еще вопросы?
— Меня зовут Маша, я бы предпочла, чтобы вы говорили мне ты.
— Это просьба или приказ?
— Пока просьба.
— Хорошо.

И вот я уже вылезая из машины и иду в Степино логово. Еще ни разу его потешный вид не был мне так мил, как сейчас. Он сидел за своим столом, довольный и бодрый, хихикая и потряхивая херувимскими кудрями, обсуждал по телефону какую-то очередную свою идею. Увидев меня, быстро попрощался и начал сразу рассказывать, зачем я ему понадобилась. Хорошо, что есть дела, в которых

все понятно. Через полчаса наших обсуждений, я успокоилась настолько, что смогла сразу ответить на Степин вопрос.

— А что с тобой такое? Ты в порядке?

— У меня к тебе неприятное дело.

— Давай, не тяни тогда.

— Я получаю в собственность очень большой кусок. Очень заметный и яркий. Его размеры, цена и многое другое сейчас не важно, поверь мне на слово. Но я бы не хотела бросать работать на тебя. Правда, это возможно только, если ты не будешь возражать. Вот я и спрашиваю: ты будешь против?

— Ты слишком мало сказала. Сама понимаешь, мне вообще многое любопытно, у меня куча вопросов. Кто? Откуда? Почему тебе? Что и сколько? Почему у тебя такой похоронный вид? Почему ты хочешь работать? Хоть на какие-нибудь вопросы ответь.

— Кто — сейчас сам догадаешься. Откуда и почему мне? Хотела бы сказать, потому что смогу потянуть, но боюсь, что просто не знаю мотивов до конца. Что и сколько? Могу показать тебе только три пункта из трехстраничного списка. Похоронный вид, потому что я этого не хочу, но ситуация такова, что это единственное доступное пристойное решение. Работать хочу, потому что мне нужны хоть какие-то положительные эмоции и потому, что я надеюсь, это не продлится долго.

— Покажи три пункта.

Я вытащила лист бумаги, согнула его так, чтоб было видно только то, что Сергей разрешил показать, и сунула Степе. Не вынимая лист у меня из рук, он прочел, задумался и неожиданно сказал:

— Не понимаю, как он до тебя добрался. Я всегда своих людей скрываю, я знаю хорошо, как он переманивает и перекупает лучших, как сливки собирает. Своих я всегда прятал, ничего и никогда ему не говорил. Сукин сын! Как он до тебя добрался? Он же ненавидит пиарщиков и всех, кого к ним причисляет. Ты его любовница?

— Нет. Да и любовницам такого не отдают.

— Ты его жена?

— Нет.

— Именно в собственность? Не в управление, а все отдает?

— Да.

— Сволочь, узнать бы зачем и слить, чтоб жизнь медом не казалась.

— Перестань, это глупая месть и, поверь мне, тебе это не выгодно.

— Значит что-то серьезное. Он на тебя вешает долги?

— Возможно, но мне назвал другую причину.

— Хорошо, я не буду возражать, до тех пор, пока не станет яснее, каковы будут последствия. Пока я не возражаю, даже более того. Будет мне должен.

— Не дожدهшься. Сейчас он должен мне.

Глава 9. Апрель 00

Сделаешь иногда что-нибудь, скажешь простое на вид слово, вызванная этим лавина неизбежных последствий затопит внутренности мучительным ощущением болезненной неловкости. Хочется, вспоминая произошедшее, стереть ластиком, вырезать ножницами, заполировать так, чтобы следа не осталось не то, что в жизни, в памяти. Мне неловко видеть переломные ситуации даже в кино: смеясь над собой, я просто заставляю себя не отворачиваться от экрана и не проматывать пленку, чтобы не видеть, как человек вынужден проживать мучительное, но необходимое. Хорошо, когда это всего лишь пара секунд, а если четыре дня? Такое не вырежешь, особенно, если запомнить каждую минуту. Среда вечер — разбор трех коробок документов, привезенных Василичем. При мне три юриста, каждый из которых повязан обязательствами с разными людьми о неразглашении подробностей столь поздней консультации. Еще я вызвала Лену—большую, которая привыкла охранять мои личные финансовые интересы и ни слова никому не скажет о том, какие бумаги прочла, какие цифры сложила и в чью пользу. Четверг: ночью документы и два часа на сон, с девяти до шести работа и перекидывание запланированных дел и встреч на понедельник, в семь самолет. Бумаги и вещи уже погружены. Для жизни я везу туда сумку с обычной одеждой, для официального представления — любимый серый брючный костюм. Выходя утром из дома, я сообразила захватить игрушку, на которую можно смотреть и не слушать, как двадцать человек пытаются смешать меня со всем, что под руку попадется. Самым простым было бы слушать музыку в наушниках, но вряд ли можно позволять себе такие выходки среди незнакомых и, скорее всего, недружелюбно настроенных людей. Поэтому я надела большое сапфировое кольцо от самого первого подарка. Оно похоже на кусок золота, который никогда не знал ювелира, а просто валялся в море, и волны выточили в нем несколько проходов, шершавых и несимметричных, и в некоторые из них затесались огромные и темные камни, которые иногда начинали подавать признаки жизни. Вращая кольцо на пальце, я настолько увлекалась синими искрами, вспыхивающими неожиданно в глубине камней, что переставала замечать внешние раздражители и могла собраться для ответной атаки.

А пока от тревожных мыслей отвлекал небольшой уютный самолет, в котором не ощущались перепады давления, и мягкий полет, и Сергей, который начал сразу "натаскивать" меня перед завтрашней встречей, настраивая на собранность и купирова любую истерику. За сорок минут много не расскажешь, а, приземлившись, мы сразу поехали осматривать дома, из которых мне надо было выбрать себе временное пристанище. Они все стояли рядом, хотя у каждого был свой сад и кусочек леса. В темноте и при нестывшем снеге, трудно понять, как все это смотрится весной и летом. Но видно было, что земля, дома и лес очень удачно совмещены друг с другом, не мешая друг другу, а подчеркивая достоинства. Дома были разные и, в общем, приятные, но мне не хотелось оставаться ни в одном из них. То слишком большой, то слишком холодный, то слишком "а-ля рюс", то слишком много металла. И вдруг появился дом, пригодный для жилья. Какой я никогда не могла бы себе позволить, но которого мне всегда хотелось.

- Вот этот.
- Что вот этот?
- Хочу этот дом.
- Пожалуйста, но есть одна проблема.
- Какая?
- Это мой дом. Хотя он достаточно велик, можно жить здесь вместе.
- Нет, невозможно.
- Почему же?
- Потому что, если мы будем жить в одном доме, уже никто не поверит, что я не сплю с тобой.

— Не могу понять, почему тебе сейчас так важно, кто что подумает?

— Они и так будут во всем видеть подвох, а тут еще и подозрения, что ты все отдаешь любовнице. Да они меня уничтожат.

— Глупости. Моя личная жизнь никогда никого из них не волновала. Почему вдруг сейчас они будут обращать внимание на такие вещи? Если ты уж так волнуешься из-за того, как тебя примут, тогда тем более оставайся и, наконец, переспи со мной. Они просто не смогут уничтожить тебя, потому что будут знать, что после этого придется иметь дело со мной.

— Мы с тобой уже обсуждали эту тему. Я не хочу опять попадать в ситуацию, из которой нет выхода. И не хочу романа, в котором не я определяю, когда он закончится. Скажи честно, ведь ты же хочешь сам решать такие вещи? Может быть, кому-то это и приятно, но я не хочу, чтоб меня бросали.

— Почему ты думаешь, что я обязательно тебя брошу?

— И это мы когда-то с тобой обсуждали и выяснили все по поводу легких, ни к чему не обязывающих отношений. Это твоя теория. Ты сам все это мне сказал, и я тебе верю. Можешь не верить, но я бы с удовольствием претворила в жизнь твой подход. Но только, если буду уверена в том, что конец романа полностью зависит от меня — сколько захочу, столько и будет длиться. Ты ведь такого не потерпишь?

— Все может измениться.

— Предлагаешь сыграть, вдруг повезет? Мне в такие игры не везет, и ты это прекрасно знаешь. Поэтому научи меня сначала, как я буду жить, когда ты меня бросишь, а потом приходи.

Каждый раз в наших спорах можно выделить три части моего состояния. Первая, когда мы оба говорим спокойно и тихо, прислушиваясь к аргументам собеседника. Вторая, когда я стараюсь держать себя в руках и с трудом удерживаюсь, чтобы не кричать. Третья, когда я уже кричу, но еще пытаюсь не плакать. Последние реплики относились уже к третьей фазе. Еще пара фраз и пришлось бы уходить, но вдруг в комнату вошла маленькая седая женщина, веселая, но крепкая "баба-яга" сильно за семьдесят, и сказала:

— Сереженька, ужин готов.

— Да, Елена Ивановна, идем. Вот, познакомьтесь, привез хозяйку.

Старушка быстро осмотрела меня с удивлением и весело проговорила:

— Вот молодец! Уважил, наконец, старуху. Теперь можно и помереть спокойно. И как же твою хозяйку зовут?

Надо было стукнуть его чем-нибудь, очень хотелось, но пришлось опять говорить.

— Меня зовут Маша, но умирать вам рано еще. Хозяйка я здесь потому, что он с завтрашнего дня тут не хозяин.

— Это как же?

— Не бойся, Елена Иванна, просто надо кому-то все передать на время, есть другие дела.

— Ох, вот затеял-то, как всегда! Мужики-то знают уже?

— Нет, завтра скажу.

— Ладно, до завтра помолчу. Ну, Маша, пойдем, накормлю, а то от него дождешься заботы. Все норовит, небось, работы навалить, а тебе надо сил набираться, чтоб всех в узде держать.

Ужин, разговоры, бумаги, и потом я пошла спать в самый дальний дом, с видом на реку, с куском леса и садом, самый деревянный и приятный из всех, не считая того, из которого я ушла. Заснула под треск поленьев в разожженном кем-то камине и забыла поставить будильник — обстановка слишком напоминала школьные каникулы на даче, а тогда мне не надо было просыпаться по часам.

Я бы все проспала, но телефон зазвонил ровно в половину седьмого. Завтрак, к которому меня разбудили, порадовал блинами, тоненькими и нежными, от одного их ванильного запаха можно было проснуться. Хотя бы в еде повезло — Елена Ивановна отлично готовила. За ужином мне этого не удалось заметить, слишком много было разговоров, полностью поглощавших внимание. Но утром я была не готова говорить о делах, смакуя не только блины, но и мысли о предстоящих кулинарных радостях.

До полудня мы успели обсудить всех, с кем мне нужно было встретиться, и даже начали копать в собственности. Я знала, что мифические и ужасные "они" уже начали приезжать, но еще не показывались: у каждого было здесь, где жить.

Странно, что у меня не дрожали руки и коленки, пока я шла к месту общего сбора. Успела быстро войти и сесть за большим круглым столом до того, как начали собираться все остальные, и коротала время, сконцентрировавшись на изучении просторного, но ладно скроенного зала. Отделанный светлым деревом, он был обставлен кожаными креслами, которые, с моей точки зрения, совершенно к нему не подходили по цвету и виду, зато были очень удобны. Постепенно в зале появлялись незнакомые люди и занимали, видимо, свои любимые места за столом. Пришел Колька и в

первый момент, кажется, даже не узнал меня, а потом через стол спросил: "В чем дело?". Попросила подождать и продолжала изучать незнакомцев. Сергей здоровался с каждым, общее настроение было, как на большом семейном сборе, чего, конечно, надо было ожидать от закрытой касты. Наконец, появился Васильич, Сергей сел рядом со мной и после двух фраз приветствия устроил бурю, сообщив, зачем мы здесь собрались, и что здесь делаю я. Даже Колька уставился на меня так, как будто видел впервые. Смотреть кому-то одному в глаза было глупо, поэтому я смотрела на кольцо и ждала, пока кто-нибудь заговорит. К репликам типа, кто это, почему она, зачем ты ей все отдаешь, она, что твоя любовница, я была готова. Лучше было нападать и поэтому мне пришлось предложить им ознакомиться с моим досье, пока будут подписываться бумаги, а потом задать мне все интересующие их вопросы. Правда, по поводу любовницы я обрадовала их сразу.

Следующие четыре часа так и прошли. Куча документов, протоколы, все было подготовлено, чтобы подписать и обнародовать все изменения как можно быстрее. Через два часа ко мне перешло все, за исключением одного дома здесь и одной квартиры в Москве. У меня же было все остальное, дома в Тоскане и в Лондоне и еще некоторых местах, названия которых я даже и не слышала, чтоб опознать в каких странах они находятся. Еще два часа мне задавали кучу разных вопросов, и досталось даже Кольке. Его подозревали в сговоре с непонятными целями. Обстановку разрядил его рассказ анекдота из прошлой жизни, о котором узнал и Васильич, но в досье почему-то не включил. Старая история о том, как Колькины родители хотели оставить за ним квартиру бабушки, но боялись, что он жениться и квартира отойдет "этой стерве". А чтобы этого не произошло, они решили прописать в квартире меня, а я бы потом передала ее Кольке, когда они будут уверены, что опасность миновала. Знак большого доверия, спасло меня то, что Колька сам одумался, от "стервы" сбежал и необходимость в спасательной операции отпала. А то бы пришлось начать с охраны его имущества. Мужики впечатлились — немногие согласятся передать единственный лишний кусок жилья в чужие руки и не бояться за его сохранность.

За следующие три дня я исписала четыре толстых блокнота и к воскресенью уже могла лопнуть от полученных знаний о том, что нужно знать новому владельцу. Каждый бизнес обсуждался в составе: Сергей, я, другие собственники и при необходимости главный управляющий. Из того, что я знала, меня ничего не радовало за исключением отсутствия видимых долгов или крупных проблем. В субботу Сергей действительно слетал в Москву и вернулся уже с подписанным приказом. И впервые в своей профессиональной жизни я сделала все, чтобы скрыть информацию. Только одна крохотная официальная новость появилась на лентах ближе к субботнему вечеру, чтобы никто не нашел. В ней перечислялись все назначения дня и Сергей попал во фразу "и другие приказы".

Раньше я называла перемены "изменением ландшафта", наблюдая за разнообразием ситуаций, в которых могу оказаться волею случая. Теперь же ландшафта нет, лес выкорчеван, горы выровнены и перепажены. Остается запастись терпением, чтобы увидеть всходы неведомых растений, занесенных ветром. Может быть, это будут нежные и мягкие полевые травы, а может быть и выросшие за один день непроходимые джунгли, из которых придется выбираться, раздирая локти и колени в кровь, выламывая себе узкую тропинку. Впервые передо мной был не определенный пейзаж после бури, а отсутствие какой-либо определенности в виде ландшафта на ближайшее будущее.

С понедельника моя жизнь опять приобрела упорядоченный вид, если можно назвать порядком режим дня в сумасшедшем доме. Подъем в шесть утра, быстро позавтракать и читать, изучать то, что можно, разгребать то, что срочно по его делам. С девяти до шести обычная работа, но в нее все время вторгается другая новая жизнь, и каждый день мне приходится находить часы, чтобы ездить на встречи и по делам, все время изучая то, что Сережа называл "обязательно к просмотру". Я ем на ходу, от голодной смерти и усталости меня спасает машина и мой водитель Олег, временами напоминающий няньку. Безропотно сносит от меня все, даже музыку, которую ему теперь приходится слушать.

Со мной постоянно ребята Васильича, сменяющие друг друга, незаметные, прикрывающие от неизвестности, без всяких обязательных атрибутов в виде черных костюмов, бритых затылков или лиц кирпичом, и другие, как раз совершенно точно соответствующие представлению человека без охраны о телохранителях. Имея возможность сравнивать, теперь мне кажется, что полная прозрачность невидимых — одно из самых больших достоинств: их как бы и нет, но в тоже время ощущаешь себя в абсолютной безопасности. Но Василич категорически отказался ограничиться только ими. Он считал, что для меня охрана должна быть еще и особой, явной и горилоподобной.

Сколько времени ушло на споры о том, где и как меня надо охранять. Пришлось сделать пропуска в здание для всех надзирающих за мной и моими передвижениями. Таких бессмысленных действий я давно не совершала — все время приходят какие-то люди, при желании меня можно вынести из здания в чемодане, и никто бы ничего не заметил. Но Васильич считал, что ему так спокойнее. Кстати, Васильич он был только за глаза, а так, конечно, Владимир Васильевич. К счастью, мне удалось убедить его, да и всех тех, с кем приходилось теперь общаться, называть меня Маша. Иначе было бы уж очень неудобно. К тому же Мария Юрьевна звучит настолько коряво, что отбивает всякую охоту разговаривать.

После шести вечера, вложив в официальное рабочее время обязательные визиты к Степе, и почти падая от усталости, я опять начинала учиться управлять новым хозяйством. Сложность была в том, что вокруг лежало много незнакомых предметов, и нужно было разобраться, как они работают, не сломав. Гостиницы, магазины, стройки, дороги поддались первыми, потом пришлось заниматься сырьем, потом заводами, банк я боялась даже трогать, хотя в него упирались все пути, которые мне удалось протоптать и проверить. Правда, там был Колька, и с ним мне было спокойно. Около восьми—девятого вечера я ехала к Сереже. Если надо было что-то подписывать, показывала ему образцы, получала письменное согласие, подписывала при нем. Скоро под эти разрешения пришлось выделять шкаф.

Неожиданностью для меня было то, насколько он был терпелив. В работе не было места для гонки, самомнения или грубости. Проблема обсуждалась до тех пор, пока мы не достигали согласия. За апрель я научилась столькому, что при моем обычном черепашьем темпе и способности не воспринимать новое, если оно мне неинтересно, выглядело нереально. Каждый четверг уезжала в теперь уже мой личный город, два дня занималась всем, что требовали дела там. В субботу вечером из Москвы прилетал Сергей и остаток дня, и часть воскресенья посвящалась разговорам о том, что успел он и тому, что не понимала я. Раньше часа мне редко удавалось лечь. Позже шести редко удавалось встать. За месяц я похудела на размер, и пришлось покупать новые джинсы. Больше всего мне хотелось спать. В остальном и такая жизнь стала напоминать рутину.

Кроме любви к охране во мне проснулась любовь к скрытности и молчанию. Главное, чтобы никто ничего не узнал. Пока это зависит от меня, новостей не будет. Степа, выполняя обещание, молчал как рыба. На работе все думали, что у меня просто какие-то новые дела. Боря позвонил любопытствовать, как развивается жизнь. Но, судя по вопросительным интонациям в голосе, тоже ничего не знал. Мне пришлось ограничиться банальным "хорошо, но подробности при встрече".

Если остановиться на минуту и задуматься, то можно сразу сказать, я допустила серьезную ошибку. Конечно, нельзя было идти на поводу у Сергея, прислушиваться ко всяким глупостям про шанс, про то, что надо действовать, чтобы потом не упрекать себя всю жизнь. Мне надо было сказать ему "нет" и заниматься своими делами. Почему я так уверена, что ошиблась? Во-первых, потому, что я не верю в его благие намерения. Все это вранье. Или, скажем, пять процентов правды. Во-вторых, эти пять процентов не искупят всей той грязи, ради которой он затеял игру. Я ошиблась потому, что теперь жду не изменений или краха, а просто смерти всего того, к чему так привыкла. Рано или поздно мне придется признать, что он не благородный герой и даже не благородный разбойник. Я бы уже сейчас могла что-нибудь на эту тему сказать, да все откладываю, потому что очень не хочется фиксировать поражение и подсчитывать моральный ущерб от того, как он меня обвел вокруг пальца.

Или это просто работа, за которую можно получить гонорар, позволяющий застраховаться от немощи в нищете. Я видела кварталы старых обшарпанных домов, где живут нищие, конченные люди, и, проходя мимо, все время заставляла себя идти спокойно, а не бежать без оглядки туда, где есть надежда. Когда я думаю о том, достаточно ли качественно работаю, мерилom того, как я не хочу жить, для меня становятся безликие серые многоэтажные коробки, сливающиеся со свинцовым небом и дождем, который никогда не смоет въевшуюся многолетнюю грязь, летящую от таких же мрачных заводов. Я знаю, как выглядят квартиры, в которых годами никто не убирал, не отмывал покрывающий стены и потолки кухонный жир и не морил худых, бойцовых тараканов, заполняющих щели. Слепленные вместе издевательские подобию жилья нарастают на вены лестниц и узлы подъездов, воняющих трупами крыс, лежащих годами в затопленных подвалах. Агрессивнее от безнадежности и безделья подростки сбиваются в кучи, чтобы противостоять тупому упорству взрослых, неспособных прибрать мусор вокруг себя, разве что это будут пустые бутылки, сдав которые

можно будет купить выпивку. Анклавы отсутствия воли к жизни преследуют меня везде, где я бывала последние пять лет. Их невозможно обойти или пропустить, они маячат где-то рядом, не давая забыть о том, что бывает, когда останавливаешься и немедленно начинаешь катиться вниз. Мне страшно до боли в горле, от которой спасают только любимые друзья, вышедшие из таких мест, продолжающие там жить, общаться с соседями, и первый Сашка. Там гораздо больше тепла, чем во мне, но это не избавляет от отвращения к возможности закончить жить в яме. Лучше утоплюсь в работе и позволю себе встретиться с Марусей.

В ней нет никаких сомнений или неуверенности. Наверное, она настолько часто стоит между жизнью и смертью, что видит только самое главное, отсекая ерунду, которая мучает всех остальных. Рассказывая ей о себе, я начинаю лучше понимать, что происходит.

— Ты мне как психоаналитик.

— Не говори ерунды, просто тебе не с кем поговорить об этом.

— Да, хочется трезвого и свежего взгляда на базар.

— Такого базара у тебя еще точно не было.

— Чувствую себя ужасно.

— Выглядишь хорошо.

— Так я половину недели провожу за городом, на свежем воздухе.

— А сколько спишь?

— Часов пять в день.

— Послушай доктора — увеличь хотя бы до шести.

— Тогда мне нужен двадцать пятый час.

— Нет, нужно на час меньше работать.

— Как у тебя все просто, Марусь.

— Все и есть просто, это ты все усложняешь. Посмотри внимательно — порядок в этом базаре не стоит здоровья и нервов, которые ты на него тратишь. По крайней мере, твой рассказ не убедил меня в том, что это необходимо.

— Что тебя смущает?

— Что-то не складывается, Маш. Мне кажется, есть что-то еще внутри, что и заставляет тебя бежать быстрее необходимого. Ты, конечно, всегда боишься возможного черного дня. Но мне даже этого психоза недостаточно для объяснений. Может быть, конечно, ты и сама еще не поняла истинных причин?

— Ты думаешь, того, что я тебе рассказала, мало для сумасшедшей жизни?

— Я тебе больше скажу, для такой Машки, какую я знаю много лет, этого тоже было бы мало. Это совершенно не твой стиль ввязываться в подобные авантюры. Покопайся в себе, должно быть что-то еще. Никакие разговоры, слова про долг и шанс не заставили бы тебя согласиться угробить здоровье на рудниках.

— Я даже не понимаю тогда, что это может быть. Нет ничего, точно тебе говорю.

— Только не уговаривай себя. Так и обмануться недолго. Надо найти, Машк, пока ты дров не наломала.

— Разве я еще не наломала?

— Откуда мне знать? Надеюсь, что нет. Просто посмотри внимательно на себя. Хочешь, можно еще раз все проговорить вслух? Вдруг так будет проще?

— Времени действительно нет, Марусь, я бы рада, ты же знаешь.

— Тогда сама постарайся. И будь осторожна, береги себя. Здоровье, настроение, душу.

— Думаешь, она у меня есть?

— Конечно, только ты ее замечай вовремя, а то прозеваешь.

Глава 10. Май 00

При такой жизни можно было не рассчитывать на крошечные каникулы, выбираться куда-то хотя бы на неделю. Раз во мне нет уверенности, которая необходима, чтобы оставить без надзора сложный, загадочный и пока еще чужой механизм, то нечего и думать увеличить расстояние, все равно буду так переживать, что не замечу ничего вокруг. Сейчас вопрос "куда поехать на майские праздники" имеет для меня только один ответ — в мой город, где у меня хотя бы было ощущение связанности ниток, упорно вырывающихся из рук. Уеду в город, который пока меня не принял, где все относится ко мне настороженно и подозрительно, за редким исключением.

Теперь мне даже нравился мой дом — вокруг все расцвело, река была быстрая и чистая, дерево грело и успокаивало. Запах поленьев, горящих в камине вызвал воспоминания о яблонях, сгибающихся под тяжестью яблок, сосновых лесах и дубовых бочках, удерживающих годами аромат мягкого коньяка. Усталость заполняла полностью, и не нужно было прикладывать усилий, чтобы остановить поток мыслей и заснуть. Теперь дом стал настолько моим, что я начала размышлять, как его изменить, чтоб он стал мне любимой одеждой, защищающей от людей и перемен жесткого климата.

Здесь было все для налаженной уютной жизни. Не надо было думать о забытых в стиральной машине и потом непоглаженных рубашках, о еде, готовить которую нет времени, о пыли скопившейся на книгах, то есть обо всем том, что вываливалось на меня при входе в собственную квартиру каждый будний день. Приезжая в дом, я попадала под надзор Елены Ивановны, которая следила за всем и не упускала ничего. Если по ее мнению наступало время обеда или чая или уже "спеклись" пирожки, она без стука входила в любые помещения и начинала ворчать: "Довела себя вон до чего, а ну иди ешь, все стынет. Думаешь, похвалит кто за такую каторгу, иди, ну его. Он кого хошь в гроб загонит, вон я одна держусь, потому что ем и сплю, сколько надо, а тебе надо еще больше. Иди, стол накрыла уже".

Она и Василий были единственными, кто не скрывал своего покровительственного отношения ко мне и защищал, если приходилось драться. Почему они взялись охранять меня, пока не понять. Василий, наверное, потому что лучше всех успел изучить, скорее всего, точно определив, к какому виду животных я отношусь. Или просто знал, что я не опасна. Елена Иванна, видимо, из жалости и сострадания — ее внуки были мне ровесники, она просто не могла относиться ко мне всерьез. Остальные мне не доверяли, да и я бы не доверяла человеку, вот так свалившемуся на голову, влезающему во все углы и ведущему себя по незнанию, как слон в посудной лавке. Играть против меня они не могли, опасаясь или будучи давно на стороне Сергея, а безоговорочно принять меня в компанию было совершенно не в их правилах.

Но меня это совсем не тревожило. Раздражало чуть-чуть, но отметалось в самые дальние углы, потому что все ресурсы были заняты тем, как не пропустить удар, который неизвестно будет ли нанесен. И кем, и когда? Ощущение беды лежало камнем под ребрами, то ударяя в сердце, то сворачивая в ком кишки, то пронзая печень резкой многочасовой болью. Стягивая меня корсетом, страх стал нормой и, когда вдруг отпускал, я не могла даже насладиться его временным отсутствием, а замирала в ожидании его возвращения. И все равно мне удалось заставить себя отдохнуть, считая каждую минуту — последней возможностью покоя, пусть и замешанного в густую пасту с моими кошмарами.

Стоя перед открытым окном, я слушаю одновременно шум леса и любимую музыку, ударяющую мне в спину. Огромные свежие листья яркого зеленого цвета подставляли ладони под солнечные лучи, прорезающие насквозь деревья от макушки до пят. Запах весеннего ветра, обволакивающего лицо, смешивается с ароматом свежесваренного зеленого чая, вкус которого еще не ощущаешь, но уже чувствуешь на губах мягкость ослепительно белой фарфоровой чашки. И вдруг на одну секунду сливаешься с миром, поражающим своим совершенством. Как будто неведомый поток, проносимый мимо, легко, как песчинку, закружил тебя, являя необъяснимую словами красоту. Жесткое планирование, страхи, готовность к удару и желание стабильности немедленно разбиваются в клочья об этот миг взаимопонимания с миром. Мне хочется слиться с потоком и, забыв себя, нестись неважно куда, растворившись полностью и навсегда в его течении. Но он уже отпускает меня, уходя и

оставляя непроходящую тоску и боль по теперь известной и доказанной возможности абсолютного счастья. Все так же, как было секунду назад: ветер, музыка, пронизанный солнцем весенний лес, аромат чая в фарфоровой чашке. Нет только главного, названия которому я не знаю.

Как мало нужно, чтобы принять новое. И сколько времени уходит на понимание элементарного. Приходится проживать длинный и, на первый взгляд, бессмысленный кусок жизни, чтобы потом вдруг увидеть то, что все ежедневно лежит перед глазами. Вдох и на выдохе уже все иначе. Наверное, это и было обещанное Марусей явление души. Станный опыт иной, но существующей реальности поглощал мысли настолько, что даже испортившаяся погода не мешала гулять и выключаться из работы. Восьмого мая вдруг опять выпал снег и к вечеру поднялся ураганный ветер, заставлявший гнуться и трещать деревья рядом с домом. Сергей позвонил и сказал, что вылетит как обычно. Я пошла проветриться, дойдя пешком до его дома, где мы и собирались ужинать. Елена Иванна выгнала с кухни, колдуя над чем-то, что требовало одиночества, и я села на диван, впервые за полтора месяца взяв в руки первую попавшуюся книжку, какой-то из детективов, которые она читала тоннами.

Вечером трудно понять, который час, сколько времени прошло, и, если кого-то ждешь, смотришь на часы чаще, чем днем. Жизнь опять изменилась в тот момент, когда я поняла, что сижу, уставившись на циферблат больших каминных часов. На белом фоне проступали ослепительные римские цифры, щелкали и двигались стрелки, и вдруг оказалось, что одна из них накрывает меня плотной волной новых чувств. В одну секунду оказавшись без защиты и начиная тонуть, я перестала вдруг видеть и дышать, осознавая, как все вопросы вдруг разрешились, и все окончательно встало на свои места. Сначала на меня обрушилось "он должен был быть здесь уже полчаса назад".

Бороться с волной бессмысленно, она заталкивает все глубже и глубже. Тут же сверху накатывает другая: я же не могу без него, когда я успела полюбить его!? И, не давая даже вздохнуть, сразу третья: он не должен сейчас войти, все что угодно, но он не должен войти и увидеть то, что написано у меня на лице, он не должен узнать. Они топили меня, закручивая водоворот беспорядочных мыслей, лишая воздуха и оставляя только: что с ним, я люблю его, он не должен узнать ни за что. Первое стало фоном и билось где-то наверху. Там же, куда я проваливалась, в глубину, тьму и холод, шла смертельная битва между "я люблю его" и "пусть он умрет, но не узнает". Я тонула до тех пор, пока на последнем дыхании, почти теряя сознание, не вынырнула на словах: все что угодно, пусть узнает хоть сейчас, пусть я буду всю жизнь жалеть об этом, но пусть только войдет сейчас живой, пусть с ним ничего не случится.

В уши ворвался шум крови и вытягивающий за собой наружу звонок телефона. Не успев отдышаться, я услышала, как Елена Иванна говорит: "да, Сереж, передам". И войдя уже мне:

- Маш, ветер сильный, они сели на полпути и доедут часа через полтора.
- Я тогда не буду ждать, а то уже почти двенадцать. Разбудите меня к завтраку.
- Ну-ка иди ешь. Без ужина не отпущу. И так уже доходишь.
- Я не хочу есть, совсем.
- Вот и плохо это. Пойдем, хоть бульона выпей. И пойдешь спать. А то, прям, лица нет.

И я думала, что у меня беспокойная жизнь и хотела определенности? Вот теперь все стало на свои места, застыло монолитной конструкцией, об которую от отчаяния можно разбить голову. Зачем он влез в мою жизнь? Он не должен был настаивать на своем. Все оказалось так, как и говорила. Разве я не предупреждала? Почему он не оставил меня в покое? Поступил по-своему, и вот результат. И что мне теперь делать? Казалось бы, чего проще, веди себя, как ни в чем не бывало, как ты вела себя до того, как поняла, куда забрела. Но пока живешь до, не задумываешься над тем, как себя вести: нет никаких вопросов, все понятно и дистанция выдерживается сама. Ты даже не знаешь, какова она — нормальная дистанция. И тут приходится вспоминать неизвестные подробности. Например, когда стоим рядом и разговариваем, какое должно быть расстояние между нами? Наверное, метра два. А вдруг больше? А вдруг меньше? Всего на сантиметр, но вдруг он будет заметен? А как надо здороваться, чтоб ничего не было заметно? Каким тоном разговаривать, какие слова употреблять? Как это было вчера? Как? И все время этот внутренний саботаж: зачем скрывать? Вдруг все получится, вдруг все так и должно быть, ты сможешь, ну почему нет? Но я знаю, что не смогу. Я не могу ничего дать понять, не знаю, как это делается, и привыкла слишком прямо смотреть ему в глаза, чтоб можно было предположить что-то другое, кроме просто взгляда. Не могу невзначай дотронуться до руки или незаметно сделать так, что меня можно будет обнять. Я ничего этого не умею

и не могу. И не понимаю, откуда берутся люди, которые все это могут. Как надо себя вести в такой ситуации? Откуда берутся люди, которые знакомятся на улице, в незнакомой компании, откуда берутся люди, которые могут..., ну просто могут все, чего не могу я. Которые не испугаются, обнаружив, что любят совершенно неподходящего для любви человека. Как не испугаться, я впервые в жизни осознаю, что люблю не того и в ужасе от возможных последствий.

Неужели весенний сон был в руку? Такого у меня тоже еще никогда не было. И теперь, если наяву со мной произойдет что-то подобное, я ведь не смогу соврать, как будто ничего не произошло. Слишком явно было отвращение в его глазах, когда я отказалась признать, что диагноз звучит безжалостно и точно. Как это было во сне? "Это страсть". Сомневаюсь, что это страсть, слишком уж мне тошно. Чем я занята теперь — пытаюсь уничтожить в себе обнаруженное, идет борьба с болезнью, которая успела незаметно проесть меня до мозга костей. Страстью можно переболеть, как ветрянкой, она быстротечна и не может себе позволить борьбы. Наоборот — пришел, увидел, взял, все прошло. Если бы я могла избавиться от заразы болезненным, но быстрым и простым кровопусканием страсти, которая сдается на милость победителя, отряхивается и идет дальше. Если бы это была страсть. Но, к сожалению, это уже совершенно иное состояние. Живущее во мне отдельной жизнью не увлекает течением за собой, чтобы отпустить, наигравшись в волю, а полностью видоизменяет организм, которым овладело. Отчаяние, впервые сопровождающее меня в привязанности к другому человеку, исключает легкие пути. Мне не обмануть себя, диагноз будет страшен.

Приходится лечиться работой, отбирать у себя минуты, когда голова ничем не занята и погружается в разгром и беспорядок, среди которого постоянно натыкаешь на одну мысль: что мне теперь делать? Увеличивая от ужаса круговорот дел, правда, можно совершенно случайно найти, где у него воруют строители. Отыскать несколько миллионов всегда приятно, особенно когда неожиданно и незаслуженно. Просто кто-то на работе искал себе дом за городом и рассказал обычную историю разных цен строителей и посредников. Но строили-то мои, перепродавали себе и сбывали уже в два раза дороже. Покопавшись, обнаружила и другие удивительные вещи. Увольняя бунтовщиков с разрешения Сергея, поругалась с главным строителем. Назвал меня змеей. Он прав, конечно, это еще мягко. Я уже не помню, что это был за день. Почему-то после всех этих скандалов я решила вернуться на работу, где меня уже никто не ждал. Вошла и вдруг увидела Шурку. И самое удивительное, что она вдруг покраснела и смутилась.

— Привет, ты чего здесь? Меня ждешь?

Она покраснела еще больше, и тут из своей комнаты появился Сашка, бросая на ходу: "Я готов, пошли". И остановился, как вкопанный, увидев меня. Они стояли и краснели, а я мне вдруг стало ужасно хорошо. Потому, что я сто лет знаю Сашку и у него все должно быть хорошо в жизни. Потому что Шурку я знаю двести лет и ей-то уж точно, наконец, должно повезти. И я улыбалась, как дурочка, глядя на их смущенные лица. "Идите уже, хоть одна хорошая новость за день", — вот и все что я могла сказать, и они ушли сияющие и счастливые.

Единственным светлым пятном сделать обнаружение чужой и удачной любви, а все остальное признать выносимой тяжестью. Работа не радует. Новости тоже. Жизнь, на первый взгляд, бурная и многообещающая, внутри превращается в тихое и склизкое болото. Вроде бы Сергей постоянно предъявлял мне только положительные результаты своих подвигов. Но они были совсем не такими, как мне бы хотелось. Наверное, все дело в том, что для поднятия боевого духа мне нужно было все и сразу. Но такое невозможно, особенно на уровне создания законов для полного изменения системы жизнедеятельности. Хочется неожиданных и глобальных перемен, а идут обыски. Причем, знаешь, что обыскиваемый тебе лично неприятен, но ведь их перебьют — за нас возьмутся. И нечем было прикрыть собственный страх. Ждешь чего-нибудь существенного и очень оптимистичного, а он мне приносит федеративную реформу.

— Ну и зачем тебе это?

— Без этого невозможно контролировать все остальное.

— По-моему, это будет обычный фуфел.

— Ты не тех слушаешь и не те газеты читаешь.

— У меня нет времени читать газеты, я читаю исходные документы и черновики. Из этого ничего путного не выйдет.

— Посмотрим. Это лишит губернаторов возможности влиять на ситуацию. Они слишком сильны, слишком мешают работать и слишком много воруют. И страна очень большая, здесь нужны жесткие и прочные связи. Короткий поводок, если хочешь.

— Ты знаешь мой подход к проблеме большой территории. Надо все продавать. Японцам — Курилы и Сахалин, Штатам — Чукотку. Финнам — Карелию, немцам — Калининград. Ну и так далее.

— Прекрасная идея — все продать и жить на ренту.

— Радикально, но лучше чем, жить на нефть, которая кончится, правда? И потом, ты прекрасно знаешь, это моя заветная мечта — жить на вечную ренту.

— Ну, давай я обеспечу тебе ренту. В качестве премиальных за работу.

— Думаешь, потянешь?

— Почему нет? Сколько это в деньгах?

— Мне же денег будет мало. Мне еще нужна земля, вода и дома в тихих, теплых местах, чтобы можно было в случае чего переехать. Паспорт тоже нужен теплый и тихий. И деньги такие же.

— Из того, что ты перечислила, все возможно и просто. И цена не высока. Давай так и сделаем. Определи только список теплых и тихих стран, и отправим человека искать тебе пристанища.

— Договорились.

И такие разговоры мне приходится вести без подготовки, остановок и пауз. Я все время должна контролировать себя, работать и общаться с ним, осознавая, что вляпалась по самое не могу. За следующие две недели я измоталась в пять раз больше, чем за предыдущее полтора месяца. Сил уже не было ни на что. И вот опять суббота. И опять я вечером жду, когда он прилетит. В голове пустота, сил нет даже взять чашку чая, которая стоит передо мной на столе. Я закрываю глаза и жду, считая минуты. Осталось чуть-чуть, на всякий случай надо выждать еще несколько минут, медленно открыть глаза и почувствовать, как он входит в дом. Я еще не слышу звуков, не вижу его, но уже знаю, что он приехал. Я не встаю на встречу, у меня нет сил, и к тому же я не понимаю, как это будет выглядеть. Он входит, садится напротив и мы абсолютно одинаково устало молчим. Потом он вспоминает о чем-то срочном, начинает рассказывать, и уже через пару минут мы опять обсуждаем новые проблемы, новые планы и проекты.

Так может продолжаться часами, но тут появляется Елена Иванна, привлеченная голосами.

— Что ж ужинать не идете, ты посмотри, до чего довел ее. Привез мрачную, но живую. А теперь что? Прозрачная, того и гляди ветром унесет. Не ест ведь без тебя ничего. Пошли, успеешь еще нагрузить работой.

Он смеется, отмахивается, но встает, и мы идем ужинать.

Сколько всего съедено под разговоры. Весенние супчики, пирожки с чем попадет, мясо всех сортов, немыслимые салаты, удивительные сыры, названия которых я не помню, холодцы, суфле, весенние грибы, появившаяся поздно клубника и черешня. Наша баба-яга требовала есть то, что пришло с весной. Разве что сыр допускала чужой, а так бойкотировала все, что не контролировала сама. Сбитни и отвары, затирухи и взвары, кулебяки и курники, сайки и тюри — она пичкала меня словами, которые я когда-то видела в книгах, но какие они на вкус представить не могла. Так мне была обеспечена народность, самодержавие давило во всю снаружи и вдруг, откуда не возьмись, вылезло православие. Не то что бы я что-то имела против, но хотелось, чтобы подальше от меня. Как-то не доводилось мне встречать верующих. С управляющими и менеджерами среднего звена опиума для народа общаться приходилось по работе. Но наблюдать повседневную жизнь человека, считающего себя верующим, такого со мной не случалось. А сейчас, мне кажется, я наблюдала за типичным православным. Соблюдать посты, ходить на службу, благословлять еду, когда ешь дома, но зато быть при этом абсолютно беспринципным, без всяких предрассудков в личной и общественной жизни. Что мешало, выкинуто без сожалений. Оставлено только то, что не связывает и не мешает жить, как хочется. И кто же оказался таким благочестивым? Конечно, Сергей Гончаров. Его краткое досье времен декабря сначала материализовалось в передаче собственности, а теперь я еще и наблюдала реальность строчки "вероисповедание — православный".

Я не очень хорошо разбираюсь в хитросплетениях вероучения, да и не собираюсь. Что они там придумали, мне не важно, но когда-то удосужилась прочесть Новый Завет. Где и что там можно найти запомнила и теперь с интересом наблюдала, как же все это может отражаться на жизни. Так, ничего особенного. Может быть, если бы он в Бога не верил, было бы значительно хуже для всего человечества. Но вообще странное складывается впечатление, когда смотришь на человека, не

стесняющегося в средствах для достижения неблагочестивых целей, и при этом пекущегося о душе. Впрочем, это его проблемы. Он их решил с помощью личного духовника, к которому регулярно наведывался. Может это и нормально, но мне и без подобных ухищрений хотелось бы спать спокойно, отвечая за все перед собой.

А как тут поспишь, когда земля трясется под ногами? Слухи и сплетни, обрывки разговоров. Короткие сводки с полей: договорились про налоги, про землю, про монополию на спирт. А с другой стороны по позвоночнику: одно дело завели, второе, третье, начинают давить, кто хочет рулить, все соглашаются, что так и надо. Кто-то уже ищет другую работу, поближе к государству, кто-то выступает против, "но мы же с вами понимаем, что это за человек" и откуда-то вдруг вылезают идеи про восстановление гимна. Как будто, чувствуя направления ветра и разглядев контуры конструкции, люди косточками пытаются выстроиться в скелет, который потом будет обрастать мясом.

Конечно, я пока еще могу утешать себя, что работаю не для них и не на них, а для чего-то другого. Но могу ли я прервать собственную партию, получая извне доказательства самых мрачных прогнозов? Нет, ведь все идет так хорошо и складно, столько дел вокруг, столько всего можно успеть. Разве вся эта шелуха важна? Так ли важны слова и проходные поступки, мы же ставим перед собой только благие цели и руководствуемся только благими намерениями? Наверняка, закрыв глаза и уши, я смогу еще некоторое время обманывать себя, что проблем не существует, мне мерещится, все ерунда. Сколько времени можно объяснять себе, что у меня нет доказательств плохого, а есть только обещания хорошего? Ну, хотя бы несколько месяцев у меня есть? Правда? Не сейчас же все ломать, скандалить, выходить из игры, опрокидывая доску? Сейчас надо работать, создавать и строить. У меня уже все налажено, я не хочу никаких катаклизмов, хотя бы в делах. Так и будем продолжать. Если остановиться, то вдруг можно осознать, что висишь в безвоздушном пространстве, где нет ни дел, ни забот, ни проблем, но нет и человека, который вынуждает меня продолжать двигать не ради возможностей создать будущее, а только ради него самого. Хотя он сам об этом, скорее всего, и не подозревает.

Глава 11. Июнь 00

Хватит распускаться и хныкать, бесконечно пережевывая ежедневные подробности. Влюбилась, с кем не бывает? Сколько раз я влюблялась весной: дань природе — отдам ее, как обычно, и забуду до следующей весны. Пройдет, наверняка, надо только постараться вспомнить, как с этим бороться. Если быстро жить, то можно забыть, как насморк лечить, не то, что влюбленность. Сколько на это уходило времени лет десять назад? Предположим, мне понадобится месяц, чтобы привыкнуть и еще два, чтобы безответная любовь стала рутиной, значит, к осени я буду свободна и перестану вздрагивать от каждого телефонного звонка или неожиданного разговора. Со временем все пройдет, сейчас в моей бешеной жизни нет пока времени на поиск других людей, новые встречи, все поглощено одним Гончаровым. Но этому рано или поздно придет конец, и тогда я найду, кем его заменить. Главное, выпрямиться, взять себя в руки жить, как ни в чем не бывало.

Любимый сезон и любимый месяц в году хорошо бы встретить достойно, как это случалось каждый год без исключений. В пятницу, второго июня, надо нарушить режим — в субботу у меня день рождения, мечтаю подарить себе несколько часов нормальной жизни. Не люблю и не умею, к сожалению, праздновать, как нормальные люди, личные торжества мне никогда не удаются, особенно когда приходится находиться среди людей, достаточно близких, чтобы обидеться, когда ничего не празднуют или не зовут, но достаточно далеких, чтобы можно было ожидать от них искренней радости по поводу моего дня рождения. Поэтому я провела пятницу на работе, но ушла днем выпить кофе с Марусей и рассказать ей про свою жизнь, новости и открытия. Кому еще я могу без опаски рассказать, что нашла причину своих сумасшедших решений? Только ей. Можно было и не рассказывать, она и так все поняла, сказала "я так и думала, иначе и быть не могло" и потом только обреченно качала головой, выслушивая подробности. Мне приятно ее шокировать, выворачивая себя наизнанку. Каждый раз она ужасается, начинает меня ругать, выпрашивать, составлять мнение и, в конце концов, радуется, что я так сдержанна, не ввязываюсь в авантюру только потому, что влюбилась. Это, кстати, верно. В авантюру я ввязалась до того, как поняла, что влюбилась. И не потому, что не хотела его терять.

Не обманываю ли я себя? Отказ его разочаровал бы, и тогда я это тоже знала. Интересно, он бы исчез после этого, перестал появляться совсем и заставил меня кусать локти от упущенного шанса проводить с ним время? А если он приручал меня, дожидаясь необходимости использовать? А если ему просто приятно ходить со мной на концерты? Я согласилась, чтобы не потерять? Не знаю. Он ушел бы, услышав "нет"? Можно спросить. Нет, не надо, мало ли как это будет выглядеть со стороны. Лучше поговорить с Марусей, увидеть ужас в ее глазах и успокоиться. Даже почти повеселеть, как и полагается нормальным людям в день рождения. Вечером схожу в ресторан с сестрой, займусь собой, не прочтя ни одного листа по делу. Выплюсь как следует, позавтракаю, отдохну и полечу к себе. В мелочах все пока еще может быть так, как я хочу.

Возвращаясь к себе обычной и уверенной, я занималась давно забытыми вещами — разбирала диски, которые два месяца сваливала просто в кучу, раскладывала последние фотографии по альбомам. Праздничные домашние дела затянули, и до своего города добралась только в субботу к вечеру. У дома наткнулась на праздничный стол, деревья, украшенные фонарями и человек пятьдесят гостей с подарками. Все приехали с женами, знакомили, целовали, желали много приятного, если б все сбылось, было бы очень кстати. Они растрогали меня почти до слез. Не умея отличать искренность от вежливости, я решила принять все за чистую монету. Чужие люди по собственной воле устроили неожиданный праздник, которого у меня давно не было. Меня развезло от участливого внимания, и устав танцевать и болтать, я сидела и смотрела, как они общаются, веселятся, как все хорошо.

Колька подарил нож, который я давно приглядела, но забыла купить. Василич проявил потрясающую осведомленность, выложив недостающий диск в моей коллекции раритетов. Сергей приехал как всегда вечером позже всех и принес золотую розу. Взяв ее в руки, я вспомнила, что у меня в семье три поколения сердечников — как будто сильная рука сжала сердце, и я впервые осознала его постоянно сокращающейся мышцей, которая вдруг потеряла способность ритмично двигаться, поддерживая жизнь. Читал ли он книгу о том, когда дарят золотую розу? Это знак или просто подарок?

— Что это?

— Цветок в подарок. Тебе не нравится?
— Мне очень нравится, я и не думала, что мне когда-нибудь кто-нибудь решится подарить золотую розу.
— Почему?
— Слишком много обязательств.
— Не очень понимаю, о чем ты говоришь.
— А, так это просто цветок и ты не читал книжку?
— Какую?
— Не важно. Все равно, спасибо — мне очень приятно получить такой подарок именно от тебя.

И никаких иллюзий, все усилия насмарку, малейший намек на перемены и сразу боевой настрой забыть его за три месяца уступает место дрожащим от разочарования рукам и мрачному предчувствию грустных дней. Колька подсел и сказал, что для человека, который может порадоваться такому роскошному дню рождения, у меня слишком печальный вид. И вообще, это, наверное, прекрасно осознавать, что все всегда происходит так, как я говорю. Вот что значит старый друг, видит меня насквозь, и сразу понял. Или на мне все написано, а Колька просто наблюдательный. И еще напоминает мне наш разговор полгода назад. Впрочем, мы с ним всегда все друг про друга запоминаем. Теперь его очередь отыгрываться. Обидно, ну да пусть тогда поможет, как друг.

— Сиж, думаю, как я влипла, и что мне с этим делать.
— А что случилось? По-моему, все отлично сложилось.
— Разве? Все хуже некуда.
— Разуй глаза. Чем ты недовольна в такой ситуации?
— Ты еще спрашиваешь. Тем, что все из рук вон, я совершенно не управляю ситуацией и собой. Я не знаю, что мне делать.
— Слушай, что ты несешь?! Спроси, у кого хочешь. Посмотри, они все пришли, причем, по секрету могу сказать, вспомнили сами, и когда поняли, что ты никого не зовешь, потому что боишься, что не придут, все устроили. Можешь успокоиться, они тебе уже доверяют и довольны, что это именно ты.

— О чем ты говоришь, чем довольны? Ты вообще о чем?
— О том, что ты получила все от Сергея и управляешь этим.
— Ох, Колька. Я то думала ты все просек, а ты, оказывается, о работе.
— А ты о чем?
— Какая разница.
— Уж колишь теперь.
— Тогда скажи, что мне делать, дай мне дельный совет.
— Попробую.
— Все ужасно, потому что я люблю его.
— Кого?
— Долго объяснять.
— Михалыча?
— Да.
— Вот это действительно номер. А ты не ошибаешься?
— Хотелось бы так думать, но факты упрямая вещь.
— А он знает?
— Надеюсь, что нет. Я просто не понимаю, что делать.
— Может пока ничего не делать? Подожди, рассосется.
— Ты пойми, если он меня прямо спросит, я не смогу соврать. И это самое ужасное.
— Не истери. Ты хоть знаешь, чего хочешь?
— Чего все хотят, того и я. Спокойной жизни. Большого личного счастья, любви без драм. В конце концов, нормальной семьи, детей. Ну и не глупо ли полюбить человека, с которым такое представить странно?

— Ну почему странно? Не удивлюсь, если выяснится, что он давно и тайно женат и у него пять человек детей. Хотя, конечно, скорее всего, он такую карту никогда не будет разыгрывать, исходя из сердечных склонностей. Вот по расчету он может жениться. А у него, что вообще сейчас происходит в этом плане?

— Понятия не имею. У него своя жизнь, я про нее ничего не знаю.
— Может мне ему сказать, что я собираюсь на тебе жениться, если он не возражает.

— С ума сошел, а если придется жениться?
— Старуха, ты прекрасно готовишь, я не буду разочарован.
— Болван, я же серьезно.
— Ладно, я пошутил, но как метод проверки, имей в виду. Я готов пойти на риск, чтоб только узнать, на что он способен, отбирая свое.
— Отбирая свое? Что ты, он просто управляет ситуацией и манипулирует мной, где надо.
— Манипулирует? Вряд ли это так называется. Никто же не заставлял тебя любить? Да и работать не заставлял.
— Просто приучил.
— Не горюй, в конце концов, любовь — это еще не самое страшное.
— Не пугай меня, я и так вздрагиваю от каждого шороха. Что еще может случиться, кроме этого?
— Откуда мне знать. Просто успокойся, что страшного-то? Можно подумать в первый раз?
— Ладно, иди, знаток моей биографии, а то он меня прямо сейчас спросит, что со мной и почему ты меня так утешаешь.

Больше и вспомнить нечего в свободную минуту. Поговорила с Колькой, праздник закончился, и опять в шесть подъем, в два часа ночи — спать. Конечно, на первый взгляд все идет правильно, тихой сапой происходят вещи, о которых еще год назад нельзя было и мечтать. Но общее впечатление от окружающего мрачное и поганое. Мне все время кажется, что ради какой-то ерунды типа налогов, мы добровольно оказались от чего-то более существенного. Выразить это ощущение словами становится все труднее, потому что постепенно начинают исчезать не только новости, но и слухи. Все тихо и спокойно, изредка вдалеке пробегает волна, заставляющая думать, что под ковром идет смертельная схватка крыс. Иногда кажется, что у меня начинается классическое раздвоение личности. С одной стороны, я работаю на существующий режим, странным образом, но работаю. А с другой стороны, все время, замерев, жду некоего факта, который подтвердит, что я не зря не хочу его поддерживать. Проще говоря, уже сделала все, чтобы выпустить лихо и теперь просто трясусь от страха, потому что не знаю, где оно меня настигнет. Станет совсем плохо, попрошу Марусю найти мне психиатра.

А факта все нет и нет. Наоборот, появляются какие-то приятные мелочи. Мы встречаемся вечером в среду. Обычно наши ежедневные посиделки проходят или в его новом кабинете, который я терпеть не могу, с этими ужасными кровавыми ковровыми дорожками, паркетом елочкой, бездонными столами. Или в нашем особняке, где приходится бывать каждый день. У каждого из нас есть кабинет, но мы разговариваем обычно в маленькой переговорной. С большими креслами и уютным диваном, за чаем. Сегодня он устал, но, кажется, доволен, садится рядом, кладет руку мне на плечо и начинает рассказывать, как все прошло. Оказалось, добиться подавляющего большинства при голосовании легко, надо только расставить нужных людей. Теперь, если все пойдет по плану, то закон начнет работать с первого января, и главное убедить всех, что навсегда. Я откидываю голову назад и чувствую его руку, смотрю на него и понимаю, что произошло чудо: то, что мы обсуждали как утопию, вдруг стало реальностью, и он смог добиться этого всего за какие-то два месяца.

— Сережка, какой ты молодец.
— Ты довольна?
— Я потрясена, я не верила, что это все будет.

Если бы все проблемы было так просто решить. Есть ли у меня возможность понять, что происходит в голове у этого человека. Я уже успела привыкнуть к тому, что надо держать себя в руках, надо спокойно обсуждать дела и не пытаться думать, что, возможно, он тоже человек. Он не человек, он — тихий голос и полное спокойствие, расчет и скрытность. Он добивается своих целей всегда и использует нужных людей для необходимых функций, не раскрывая целей и средств для их достижения. Сейчас я просто нужна ему, чтобы выполнять работу, и он пойдет на все, чтоб заставить меня жить в заданном темпе нужное ему время. Строить иллюзии, что между нами возможно что-то кроме споров, разговоров и скандалов, слишком утомительно. В крайнем случае, мне светит несколько недель утешительного приза "за прекрасно сделанную работу".

Мне удалось заставить себя вести прежнюю жизнь, сохранить дистанцию и все скрыть. Единственная внешняя перемена, которую я заметила в себе спустя некоторое время — отказ от работы под музыку. Привычка, которая была со мной долгие годы, помогая не замечать ничего, когда

надо сосредоточиться на конкретной задаче, ушла, как и не было. Сначала я перестала включать музыку на полную громкость — Сергей любил работать в тишине. Потом перестала слушать в наушниках, чтобы не прослушать ни одного слова из тех, что он мог произнести, и которых мне так хотелось, не пропустить что-нибудь значимое или просто необходимое для насыщения себя новыми впечатлениями и якобы происходящими изменениями в развитии наших отношений.

С другой стороны, мне ведь многого не надо. Если жизнь пойдет так, как сейчас, хотелось бы сохранить собственно жизнь и провести ее там, где я выберу, а не там, где решат за меня. Но как же страшно. Сколько не работай, самые великие достижения — полумеры. И то, что в среду кажется чудом, в четверг дополняется новой схемой соглашений и компромиссов. А в следующий вторник к этому добавляется и первый арест. И все. И никаких иллюзий. Что ждала, то и получила. И всего-то, действительно, два месяца прошло, а какие результаты. Пифия недорезанная.

Даже бессмысленно устраивать скандал. У нас теперь все просто, рупоры реализма советуют: "нужно смириться, покориться и работать..." Спросишь только: "Сережа, что это такое?" и получишь в лоб: "А что? Есть основания, надо расследовать и судить. У нас закон один на всех". После такого, пожалуй, можно только выйти, хлопнув дверью. И я выхожу, но, к сожалению, как и в классической литературе, в другую комнату. А потом опять все по-старому: работа—работа—работа—страх—спать. Страх хуже всего. Страх смерти, страх не успеть уйти от происходящего, страх летать на вертолетах, который падают, страх болезней и немощи, страх того, что я больше его не увижу. Я могу больше его не видеть, но лучше умереть, чем согласиться на это.

И я вижу его каждый день. Но что нам обсуждать? То, что теперь у нас самый низкий подоходный налог? Что рано или поздно все компромиссы будут отринуты и все разумные идеи реализованы? Что все, кто не платит за электричество, будут отключены и заплатят? Что торгующие сырьем заплатят налоги? Что все реформы будут проведены? Или что? Что они выдавливают тех, кто может громко хлопнуть дверью и заставить считаться с собой? Что они злопамятны и рано или поздно отомстят тем, кого ненавидят? Что ненавидят не за дело, а по личным причинам? Что используют самые недостойные методы, включая шантаж, заложников, угрозу жизни?

Бессмысленные споры чаще всего возникают в воскресенье, когда есть возможность просто поговорить. Эти дни можно было бы использовать как главы повести и называть их, например, "Восемнадцатое июня — о недопустимости использования прокуратуры в личных, неличных и благородных целях" или "о допустимости", в зависимости от того, кто является главным героем.

— Маш, ну что ты как ребенок, право. Пойми, если человек обладает определенной властью, чтобы власть шантажировать, то никакие благие намерения и дела его не остановят. Надо как-то усмирить, пока есть возможность, вот и усмиряют. А то завтра ему придет в голову, что с ним опять не поделились или еще что. И опять начнутся скандалы, наезды.

— Отлично, то есть именно поэтому твои дружки решили наехать сами. Между прочим, он использовал вполне гуманные методы. И силой не угрожал. Кажется, никто из тех, кому он мстил, в тюрьме не оказался. Сами виноваты были — как ты, считали, что все ерунда, публичная жизнь — сказки для обывателей. А оказалось, что нет: если уж вылез на свет, так будь любезен, думай, когда во что-то вляпываешься.

— И что ты предлагаешь? Терпеть эти выходы? Как ты собираешься тогда работать?

— А ты думаешь, уничтожив его, ты сможешь работать? Не притворяйся дурачком — надо было наоборот — привлекать его на свою сторону. Если уж ты с бульдогами работаешь, то надо иметь кого-то на своей стороне. А так они его уничтожат и, в случае чего, тебе не на кого будет опереться.

— С ним я все равно никогда бы работать не стал. Он — шантажист.

— А вы нет? Посмотри, что вы сделали — захватили заложников. Шантажируете угрозой жизни. Впрочем, много таких любителей использовать тюрьму в качестве аргумента.

— Действует только это, надо признать.

— Ты сам не понимаешь, в чем участвуешь? У вас прокуратура ведет себя как генетическая предрасположенность к онкологии. Переутомление, стресс и вот уже активизировалась, пошла производить раковые клетки уголовных дел. Терроризирует, шантажирует, мешает жить. Тут же все начинают суетиться, вызволять, делать химию и облучение в виде взятки и других припарок, оперировать, ампутировать и прочий базар. Но гарантии-то уже ничто не дает. Вырезай—не вырезай, но рак есть рак, не фунт изюма, чтобы оправится от последствий лечения, не говоря уже о болезни, столько сил надо положить. А вдруг метастазы пойдут где-то еще? Понравилось, они и взялись за

дело, в порядке личной инициативы. Только потому, что кому-то пришло в голову, что этот механизм можно использовать для поправки своих локальных дел. Может быть очень важных. Но не настолько, чтобы рисковать жизнью тела в целом. Метастазы вещь такая — не проконтролируешь. Раз — и все уже, рецидив, обострение, кома, крематорий. Так что ваши эти игрушки не к добру. Есть вещи, с которыми не шутят, потому что себе дороже.

— Посмотрим — по-моему, все под контролем.

— Мне так не кажется. Может быть, все и под контролем, но не под твоим, Сережа.

Через неделю будем обсуждать новые уголовные дела, скандалы, согласие бывших независимых вернуть деньги в центр. Еще через неделю новый лозунг про то, что для закона все равны. Ничего кроме смеха это уже не вызывает. Я, конечно, очень рада, что некоторые, вроде Сережи и многих других близких знакомых, все равно для закона равнее. Но слушать публичное лицемерное вранье сил нет. И спорить сил тоже нет. Хотелось бы мне найти надежный способ защитить его лично. Придумать, как навсегда обрести для него неприкосновенность. Пусть бы он и не знал, найти самой и быть уверенной в том, что меня не буду шантажировать его жизнью или свободой. Мне все равно, я готова все отдать, тем более мне ничего и не принадлежит из того, что может представлять ценность как выкуп. Отдам все ради того, чтобы его не трогали. Я бы и сейчас могла сделать что-то подобное, в полной тайне заключив сделку, ценой которой была бы его безопасность.

Он никогда ничего бы и не узнал, ведь мы с ним чужие люди. Это неприятно, но факт. Я совсем его не знаю, хотя и многое вижу. У нас так мало общего, что непонятно, как и зачем мы встретились. Почему он появился в моей жизни, где ему не было места? Как он остался со мной, для чего? Человек из параллельного мира, который вдруг рассек мою жизнь поперек от края и до края.

Где и когда мы могли бы встретиться? По работе — не допустил бы Степа. На концертах? Он слушает только классику, а я — рок. В театры я начала ходить только с ним, предпочитая кино. У нас есть только одна смешная общая черта — мы оба обожаем футбол. Выяснилось это случайно — надо было поговорить о делах, но одно и то же время было неприемлемо для нас обоих. Договорились перенести разговор и тут же встретились в переговорной перед телевизором. Как было странно смотреть с ним весь июнь игры чемпионата, крича друг на друга, ругая судей, делая ставки и проигрывая друг другу. Никакие происшествия, даже наши споры о политике не омрачили блестящего финала.

Странно было вновь делить с другим человеком переживания от игры. Последний раз футбол не в одиночку я смотрела с отцом, незадолго до его смерти, а кроме него, кажется, никто не разделял моих пристрастий. Жаль, что он не увидел, как выиграла его любимая Франция, на играх которой он и обучал меня любить футбол, заставляя разбирать схемы, тактику, знать наизусть составы команд и тонкости правил. Вместо меня ему, наверное, нужен был сын, но железное правило "не больше двух детей" заставило привить мне то, что делают отцы с сыновьями.

Сережа, кстати, и не знал о моей слабости к футболу. В досье не было ни слова, потому что я никому никогда об этом и не говорила. А, может быть, говорила, но никто не воспринимал всерьез, считая удачной шуткой любые разговоры о последних матчах, и не упоминал потом в разговорах для сбора досье. Или я боялась показаться совсем не принадлежащей к миру женщин, проводящих время в косметических салонах, у портных и обсуждающих темы, бесконечно далекие от удачно забитого гола и положения вне игры. Поддержание последней иллюзии, скорее всего только для самой себя, и рудимент комплекса, построенного на отсутствии юбок, украшений, косметики и удачной личной жизни.

Как бы то ни было, футбол, как и работа, концерты или что-либо еще, не смогло бы нас познакомить и свести вместе: стадионы не место встречи для меня, предпочитающей спорт по телевизору на диване, и не для него, помешанного на безопасности.

Глава 12. Июль 00

За бурными личными переживаниями я не сразу осознала, что туда, где я работаю со Степой, стали приходить волной неожиданные клиенты. Люди, которых не ждала, не знала, без явных рекомендаций, звонили, просили назначить встречу, и после разговора подписывали длинные контракты. Очень разные, и сходство я между ними я находила только одно: не вписываясь чем-то в складывающуюся систему и не желая подстраиваться, они не хотели уходить со сцены. И просили одного — чтобы их не замазывали, дали спокойно работать. Впервые ко мне приходили те, кто не нуждался в моих услугах, но осознавшие, что без моей помощи может быть гораздо сложнее удержаться на плаву. Степка был рад, я тоже, в конце концов, стоит рассчитывать только на то, что заработала сама, а не, может быть, когда-нибудь получу в качестве компенсации за гончаровскую каторгу. Мне только хотелось знать, почему приходят увеличивать именно мою прибыль? Все выяснилось, когда позвонил толстяк Федорьев, которого я осенью разделала под орех на концерте.

— Мария Юрьевна, мне надо с вами встретиться.

— Конечно, всегда рада. А тема встречи?

— Хочу нанять вас заниматься моей репутацией.

— Никогда бы не подумала, что вы на это пойдете.

— Сам бы не пошел. Но время, видимо, пришло. И Гончаров как-то обмолвился о ваших взглядах на существующее положение. Вот мне и показалось, что мы с вами найдем общий язык.

Оказывается, он мне аккуратно подкидывает клиентов. Причем, клиенты этого не видят и уверены, что сами все решили. Станный ход. Если бы пришел только Федорьев, можно было бы счесть это ироничной ухмылкой и признанием того, что иногда я бываю права. Но все остальные, свежие люди, вскользь упоминаящие о связях с лавками, ставшими моими, зачем он дает мне заработать на них? Надо бы с Колькой обсудить или с Василичем, что это может значить.

Как хорошо, что есть Колька. Особнячок используется как банк, но третий этаж — это место для меня, Сергея, Василича. Колька старается больше времени проводить на втором этаже, как глава банка, но дела мы все равно обсуждаем у меня. С ним по-прежнему легко. Он хорошо знает все мои слабые места и не напрягает заумными подробностями. Объясняет просто, если надо — требует, чтобы я прочла что-нибудь ликвидирующее мою тотальную неграмотность и привычку работать с полулегальными схемами. С Колькой мы не только дела обсуждаем, но и травим анекдоты, обсуждаем его подружек, строим планы на какие-то неосуществимые хулиганства. Иногда, когда мой вид совсем уже не похож на официальный и общепринятый, он начинает меня дразнить, вспоминая, как в первый раз меня охрана не пропускала на третий этаж. Но я действительно ничего не успевала в те дни, моталась из края в край города. Поэтому самым разумным было надеть джинсы—рубашку, и любимые тяжелые ботинки, и удобную куртку. Не на каблуках же мне ходить? Так я примчалась первый раз в особняк, чуть раньше времени, которое назначил Сергей. Он сказал: "Приедешь, поднимайся на третий этаж и иди в мой кабинет". Я так и сделала. А третий этаж у нас охраняется серьезно, мышь точно не проскочит. И первый вопрос, который мне задали: "Девушка, что вам здесь нужно?". Какой меня разобрал смех. Примчалась растрепанная в джинсах—рубашке и рвется в святая святых. Пытаюсь им объяснить, что я здесь работаю, а они говорят, что такие здесь не работают, это исключено. Пришлось звонить Сергею. Он хохочет и говорит: "Я тебя предупреждал, одевайся нормально, теперь жди, пока приеду". Тогда я звоню Кольке. И мой верный друг, извергая огонь, поднимается ко мне, открывает дверь и сообщает охране, что в следующий раз их за такие штучки могут и уволить. Как мы с ним хохотали. Как веселился Сергей, когда увидел мрачных охранников. Иногда мне кажется, что он привел меня в особняк и затеял кутерьму с моим ненужным присутствием в его делах, чтобы иметь возможность посмеяться время от времени. Просто поболтать, не думая о том, прилично его поведение или нет, как он будет смотреться и не слишком ли много даст о себе понять. И наши с Колькой привычки все время травить байки и анекдоты, подкалывать друг друга, устраивать мелкие и крупные шалости, были ему на руку. Мы никак не могли отказать себе в удовольствии хотя бы между собой общаться так, как привыкли. Сергей же просто перенес наши с Колькой посиделки за пивом в комфортную для себя среду, если уж мы сами не сделали ничего, чтобы включить его в свой круг.

Когда я спросила, с чего это Гончаров приводит мне клиентов, Колька некоторое время молчал, а потом сказал:

— Не знаю, могу спросить. Может быть, проверяет, как и что ты там делаешь? Или, может быть, уже проверил и оценил. Своего рода извинения за плохое отношение к таким людям. Точно сказать не могу, Маш, спроси у него, может и расскажет.

Василич был более конкретен. Как всегда строго расспросил, почему я думаю, что клиентов отправляет Гончаров, долго меня пытал, выпрашивая все подробности — кто, как, когда, с какими словами приходил. Сказал, что подумает, и через некоторое время сказал, что это самое обычное дело. Если структура нашего бизнеса не предусматривает оказание подобных услуг, то можно легко оказать любезность тем, кто такими вещами занимается. Василич иногда очень напоминал мне отца, был со мной строг, не баловал, объяснял прописные, с его точки зрения, истины и требовал их немедленного усвоения. Так же, как отец, выдавал новое по частям, определяя меру моего понимания по неведомым мне критериям. Мне кажется, он узнавал обо мне все раньше, чем я сама, и ему было неприятно наблюдать мои метания. И относился ко мне, как к неразумной девчонке, которая ввязалась в непосильную игру, влюбилась в непосильного человека и теперь пытается со всем этим жить. Иногда он так просверливал меня взглядом, что я точно знала: если бы он мог, запретил бы с Гончаровым общаться. О чем он беспокоился, обо мне или о работе, понять не возможно. И почему молчал, чтобы не повредить бизнесу или мне, тоже не знаю. Наверное, он просто как всегда оценил вероятность возникновения проблем с моей стороны и решил, что Сергею наше общение повредить не может. Хотя, с другой стороны, ничего опасного для дела в нашем общении и нет — одни разговоры. И постоянное соблюдение дистанции.

Когда заканчивается футбол, споры о политике и надоедают обсуждения экономики, я с удовольствием просто наблюдаю за тем, как он живет. Мы уже привыкли работать молча за соседними столами, время от времени перекидываясь короткими фразами. Я научилась постоянно сдерживать себя, контролировать слова и жесты, впитывать каждое слово, но не подавать виду, что собираю все до последней мелочи. И все равно, устав, ловлю себя на том, что смотрю на него пристальнее, чем нужно. Дольше, чем принято. Я изучаю его лицо, наблюдаю. За тем, как он говорит, как он работает. Больше всего меня поражает его привычка писать все от руки. Проекты любых документов, наброски, идеи, планы. Ужасно неудобно, потому что, собирая предназначенные для меня бумаги, таскаю с собой кучу черновиков, которые он мне накидывает. Защищаю сумку от любого дождя, чтобы не растеклись чернила его роскошной перьевой ручки по мягкой нелинованной бумаге. Мне приходится перестраиваться под него в мелочах, которые неожиданно оказываются важнее расстояния между нами в главном. Поэтому я спокойно сижу и смотрю, как он пишет что-то, и наблюдаю, как все ярче проявляется у него на лбу поперечная морщина, как на лице проступает возраст и старость, стоящая пока вдалеке и не предъявляющая свои права. Если бы могла, наверное, часами изучала его руки, длинные пальцы, сильные запястья с проступающими венами, ухоженные ногти и длинный тонкий шрам вдоль указательного пальца левой руки. Но пока я заставляю себя оторваться от движения пера по бумаге и возвращаюсь к своим делам. Наша безмолвная работа может продолжаться часами. Так же часами может продолжаться и разговор на какую-нибудь постороннюю тему.

— Ты мне вот что объясни. С чего вы так боитесь Папы? Приехал бы, поговорили. В чем проблема?

— Ты хочешь в двух словах или подробно?

— Как хочешь, можно в двух словах, наверняка они меня не устроят.

— Хорошо, есть слова «каноническая территория».

— Будешь на таком уровне объяснять?

— Чем не аргумент?

— Это аргумент с моей стороны. Потому что, если речь идет о борьбе за деньги, влияние, власть и прочие очень конкретные вещи, тогда, конечно, пускать нельзя. Но вы-то апеллируете к каким-то духовным проблемам. И тут я не понимаю, что именно вас не устраивает. Такое поведение противоречит тому, что вы декларируете, как основу вашей веры.

— Почему же противоречит?

— Да потому, что если задача, как у вас в Евангелии написано, научить все народы, тогда все равно как учить, главный результат. Я понимаю, Далай-ламу бы не пускали. Хотя для людей, уверенных в себе и действительно верующих, это тоже смешно. Тот, кто верит, из-за такой ерунды не

перестанет верить, а если перестанет, значит, с верой были проблемы. Но с Папой же все не так. Католики тому же, что и вы, учат.

— Расхождения есть, и они довольны серьезные.

— И в чем же ваши вероучительные расхождения?

— Есть у нас три пункта, по которым мы не согласны.

— А знаю, рассказывали — эти ваши три пункта не выдерживают никакой критики.

— Это с твоей точки зрения.

— Да нет, не с моей, а с вашей. С моей точки зрения, конечно, пускать не надо, потому что слишком сильный противник. Причем сильный именно на территории веры, проповеди, как это там у вас называется. А вы слабаки. У вас деньги, власть, доступ к нефтяной трубе, налоговые льготы и прочие нужды.

— Льгот уже нет.

— Какое потрясающее смирение.

— Вот не знал, что у тебя такие претензии к православным.

— У меня нет претензий к православным, поскольку большинство из них самые настоящие язычники, а руководят этим всем нечистые на руку люди, использующие страх смерти в личных целях. Претензии у меня именно к ним, потому что это структура, построенная на вранье. Если бы для них Евангелие что-то значило, они бы так себя не вели.

— Неужели среди управляющих, как ты говоришь, ни одного верующего, который действительно верит?

— Одного знаю, но, боюсь, и он променяет человеческий облик на «благо», как будет его понимать.

— А хорошо ты подкована по теории.

— Пришлось подковаться, работала с церковниками, чтоб не грузили, надо было отбиваться по вашему цитатнику Мао.

— Ну и как?

— Отличная книжка, помогает. Они понимают только язык грубой силы, или когда носом тыкаешь в нестыковки.

— Из тебя бы вышел прекрасный проповедник.

— Для этого надо в Бога верить хотя бы.

— Поживем — увидим, кто во что верит.

— Так что? Других причин нет? Из-за денег и власти не пускаете Папу?

— Ты же не хочешь видеть других причин, это, в конце концов, достаточно серьезный аргумент не пускать.

— И после этого ты удивляешься, что я в Бога не верю.

— То, что ты говоришь, как раз должно убедить в Его существовании.

— Почему?

— Потому что если Церковь все равно жива, значит, она держится не на людях.

— На людях, конечно, и на их потребности к связи времен, традиции, а еще и на желании иметь возможность принести жертву и надеяться, что все будет хорошо.

— Тогда зачем жертвовать собой ради таких иллюзорных вещей?

— Незачем, но люди разные бывают. Для кого-то идеи коммунизма были основанием жертвовать собой.

И мы опять расходимся в разные углы, как боксеры на ринге, отметив еще один момент несогласия. Должно быть, я специально ищу, где бы еще с ним поспорить, как еще попытаться сделать его снова чужим и неприятным, как избавиться от него. Но все мои выходки оборачиваются против меня. Я еще сильнее привязываюсь к нему, а он, кажется, все сильнее отдаляется. Или нет, он не отдаляется, он все время проверяет меня на прочность, по-прежнему пытаюсь понять, что я за человек, где слабости, где сильные стороны, как выжать из меня максимум возможного, загоняя на нужную дорогу. И для этого заводит странные разговоры. Или иногда бросает мячик, который я отбиваю, как могу, а он что-то добавляет к своей классификации.

— Намечается большая встреча президента и бизнеса.

— Занятно. И кто там будет?

— Все, кроме депутатов и подследственных.

— Тогда не интересно.

— Тебе надо бы сходить.

— Мне? Зачем? Я к ним отношение имею косвенное.

— Владеешь большим куском.
— Глупости. Сам этот кусок строил, сам и иди. Что я там забыла? Слушать всякую чушь про равноудаление и равенство перед законом? Деньги давать?
— Познакомишься с людьми. Не интересно?
— Я не на том уровне существую, чтобы с этими людьми знакомиться.
— И не хочешь использовать такой шанс?
— Нет, не хочу. Я к этому не имею отношения. Или, если тебя такой аргумент больше устроит, не хочу светиться.
— Как приятно, что ты хоть в чем-то со мной согласна.
— Сам-то пойдешь?
— Может и пойдю — потрепать нервы кое-кому. Приглашение есть, но многим меня там видеть будет неприятно.
— Кстати, я все хочу тебя спросить, ты специально ко мне клиентов отправляешь?
— О, идут?
— Да.
— Много?
— Достаточно.
— Значит, я не ошибся, что им это нужно и интересно.
— Так зачем ты это делаешь?
— Почему не помочь страждущим? У меня такого бизнеса нет, а они явно жаждут найти таких людей, как ты. Им хочется подстраховки в виде общественного мнения, и они готовы за это платить. Что ты ухмыляешься? Не веришь?
— Я не верю, что в этом дело. Как четверная причина — подходит. Но меня больше интересуют первые три.
— Ты же знаешь, говорить лишнее не в моих правилах. Ты спросила, я назвал тебе причину, и я не соврал. Остальное тебя волновать не должно.

Остальное меня и не волнует, меня волнует только моя жизнь и его, моя безопасность и его, и больше ничего. Я настолько занята перевариванием поступающих новостей и слухов, что не в состоянии отвлечься. Конечно, прямо его не упоминают или делают это крайне редко. Но если знать, с кем он связан, как заработал и кого поддерживает, то сразу понятно, по кому пытаются ударить. Я бы тоже так действовала, если бы он хотел задавить меня. Те, кого он топит, имеют право защищаться любыми средствами.

Я беспокоюсь и нервничаю. Если бы можно было отключить способность думать и, бодрствуя, только работать, а, ложась спать, сразу отрубаться от действительности, я была бы довольна. Если бы можно было работать до полного изнеможения и однажды просто не проснуться — это был бы идеальный вариант. Тогда бы не было этого изматывающего напряжения и страха все потерять. Я боюсь остановиться и задуматься, где я нахожусь и зачем, на каком я свете. В таком настроении не хочется даже думать об отдыхе.

Никогда у меня не было такого сумбурного лета. С одной стороны, очень много времени проводила на природе. С другой стороны, работала как вол. Но почему-то на фоне страшного недовольства внешней жизнью, я вдруг стала гораздо больше внимания уделять другой жизни. Конечно, я всегда старалась быть в курсе событий моих сотрудников. Но вряд ли меня бы раньше обрадовало до глубины души, что у Сашки и Шурки все отлично, они оба явно нашли друг друга. Это так неожиданно, ведь они встречались несколько десятков раз и ничего между ними не возникало. И тут вдруг все сложилось, как будто специально для этого я тогда заболела. А как приятно, что Дашка завела дочке кролика. И они обе уже отошли от мучительного развода с мужем и папой, который решил, что больше не может быть мужем успешной жены. И как просто мне вдруг стало делать людям небольшие по моим новым меркам подарки. Мне не нужен был дом в течение недели, я отправила пожить в свой город сначала Марусю с Петей, потом Сашку и Шурку. Они все развлекали меня своей внутренней устроенностью. Их не волновал весь этот внешний дребезг. Они были счастливы, жили друг для друга, не беспокоились о завтрашнем дне, может быть еще и потому, что для них невозможно было уехать от этой жизни. Они не испытывали страха не успеть на последний самолет.

Хотя солнце все равно заставляет радоваться жизни и делает свое летнее дело. Как бы я не пугалась, больше всего меня занимает ощущение ожидания. Как будто еще секунда и все опять изменится. Каждый человек воспринимается, как гонец: может быть, сейчас он заговорит и ничего не

значащими для себя словами объяснит мне все. Открываешь дверь на улицу и чувствуешь, что понимание где-то совсем близко, выход из темной прихожей на свет или из прохлады на раскаленную мостовую, и, наконец, все будет ясно. Чувство ожидания так мучительно приятно, что заставляет забыть о том, что понимание может оказаться источником страдания. Я надеюсь узнать только то, что хочу и томлюсь оттого, что, когда все прояснится окончательно, не будет уже пути назад или возможности задержаться на пороге, чуть-чуть замедляя время оставшееся до момента прозрения. Но пока еще каждый шаг вперед отдается где-то в горле, заставляя улыбаться невпопад, поддаваясь желанию услышать и понять.

Вестником могла бы стать Маруська, но она прожила у меня целую неделю, а мы даже не увиделись. Субботу и воскресенье я провела на даче у Таньки. Смешно вышло, что у них с Борей дни рождения друг за другом. Поэтому и празднуют они всегда два дня. Танькины приезжают в первый день, Борины — во второй. Те, кто должен присутствовать оба дня, так и зависают на даче, доставшейся Борьке еще от отца, большого партийного босса. Гончаров приучил меня не мелочиться на подарках, и в этом году я впервые отправила к Таньке в салон шпиона, чтобы купить побрякушку, про которую она сказала, что оставила бы себе, если бы не необходимость продавать. С Борей все было еще проще. Ему нужны только художественные альбомы. Мама отдала ему папину многотысячную коллекцию со словами: "Ты был ему как сын, он ценил тебя больше, чем своих детей", и я тогда восприняла это как оскорбление. Но сегодня я привезла ему в подарок африканский фотоальбом Рифеншталь. Да, он стоил сумасшедших денег, но и Боря сделал для меня то, что не смогли бы даже родители.

Может быть, я зря выбрала такие демонстративные вещи? Танька-то всего лишь была ошеломлена и в соответствии с бурным характером даже всплакнула над своим ожерельем, причитая: "Я думала, что больше никогда не увидит эту лапочку". Боря же сразу понял, что это больше чем подарок. Хотя он и так бы почувствовал, что в воздухе что-то не то, я же никогда не приезжала на черной машине, с охранниками, чтобы первые полчаса провести в разговорах, утрясала с ангелами-хранителями и водителем Олегом свое желание отослать всех до вечера воскресенья. Хорошо, что параноик Гончаров был в отъезде, Василич был более восприимчив к здравому смыслу и подтвердил мой приказ.

Боря терпел до вечера, а потом, когда народ уgomонился и частично разъехался, подсел ко мне, и начал пытаться.

— Что-то ты на себя не похожа.

— Почему?

— О работе не говоришь, анекдоты не травишь, не язвишь, со всеми вежлива, слова лишнего из тебя не вытянешь.

— Да, действительно. Как-то не хочется мне про работу говорить. Слишком много всего, в двух словах не расскажешь, а в трех — не стоит, наверное.

— Судя по тому, что ты еще жива и особых скандалов, связанных с тобой, не слышно, ты последовала моему совету и не нажила себе врагов.

— Врагов не нажила, это правда, и очень тебе благодарна.

— Я так и понял.

— Хорошо, что ты такой. Я, правда, не могу, да и не хочу особо рассказывать, чем занимаюсь. Если даже ты ничего не знаешь, значит, я хорошо шифруюсь. Работы много, шею не сломала пока, а там видно будет.

— С деньгами проблем тоже нет?

— И с деньгами все хорошо.

— Это от Степы?

— В основном нет. Хотя на Степу я по-прежнему работаю и там все еще лучше, чем было.

— Шею точно не свернешь?

— Не знаю, стараюсь стелить соломку.

— Ох, Маш, не хочу уподобляться Таньке, но замуж бы тебе.

— Да, надо бы, но пока никак. Да и не зовет никто.

— Жаль прошли те времена, когда замуж выдавали по сговору. Нашли бы тебе мужика и все бы сделали, так что бы и пискнуть не успела.

— А мужика было бы не жаль?

— Мы бы крепкого нашли, чтобы в узде тебя держал.

Мы посмеялись, выпили еще вина, поговорили о происходящем, обсудили, что дети растут слишком быстро, а умнеют слишком медленно. И потом я вспоминала эти два дня, как отдых в кругу семьи. Они были абсолютно самодостаточны, совершенно сбалансированы. Все они. И Танька с Борей. И Маруся с Петей. И Саша с Шуркой. Все те, кого я вижу не только по работе, но и в жизни. Колька, который, кажется, нашел себе хорошую пару. Степа и Елка. Никого из них не трясет, как меня. Они наслаждаются жизнью, как она есть. Что попадаете на пути, то и хорошо.

Глава 13. Август 00

Вспоминая о спокойных и уверенных в себе людях, я была готова и сама жить нормальной жизнью. Конечно, есть вещи недоступные и непредставимые. Концерты теперь мне положены только классические, в приличных залах, с проверенной публикой и покоем для охраны. Сколько я уже пропустила возможностей послушать что-нибудь боевое, поплясать под нормальную англоязычную музыку, поорать любимые песни. Сейчас еще можно придумать причины для таких изменений вкусов, но почему зимой я прозевала столько концертов? Наверное, он специально уводил меня в консерваторию, чтобы у меня не было ни одного шанса вырваться из капкана, в который он меня загонял. Или мне мерещатся заговоры там, где их и быть не может, просто потому, что теперь существует запрет на посещение стадионов, залов и клубов, в которых невозможно следить за моими передвижениями и людьми вокруг? Еще немного и я пойму, откуда появляются идеи закрытых концертов, видимо вокруг уже много людей, страдающих под игом собственных телохранителей, озабоченных защитой. Может быть, следящие за мной слишком хорошо работают, и я не замечаю, как они по пять раз на дню защищают меня от пуль, но, по-моему, лично моей жизни никто не угрожает. Я вообще мало кому интересна и прикладываю все силы, чтобы так и оставалось дальше.

Но это не возвращает мне права идти туда, куда хочу. Один раз я только заикнулась о том, что хотела бы нарушить инструкции по безопасности, и Василич пообещал посадить меня под домашний арест на три дня. Как ни ищи положительные стороны в сложившемся положении вещей, но, кажется, я только потеряла и пока ничего не приобрела от мартовского решения переместиться на другой уровень.

Как свободно я жила при Степе, уже не говоря об университете. Нет билетов — пролезем и так, найдем лазейку, затеряемся в толпе, обойдем милицию и злобных билтерш на входе, но пройдем, услышим и увидим то, что хотим. Я не пропустила ни одного большого концерта за десять лет, даже полное безденежье не могло остановить меня, когда надо было, наконец, увидеть как играют музыку, которую я слушаю. И теперь единственные звуки, которые мне позволено созерцать, исполняются во фраках, в залах, где только сидят, никто не орет, не поднимает вверх зажженных огней, не курит. Когда я последний раз курила? Года полтора назад, я ведь курила только на концертах. В консерватории не будешь стрелять сигарету в зале и прикуривать от зажженной. Великие дела кажутся ненужными, когда обнаруживаешь скольких приятных мелочей, составляющих незаметный фон нормальной жизни, они лишили.

Почему, в конце концов, если у меня есть время, я не могу пойти вечером погулять по бульварам, как делала каждое лето. Посидеть где-нибудь спокойно, выпить чаю, зайти в книжный или найти что-нибудь приятное для глаз? Я и теперь могу позволить себе хотя бы одну прогулку, и меня даже не смущает, что за мной будут тащиться несчастные ангелы—хранители, ворча и обещая доложить в подробностях о том, какие безумства я вытворяю. А впрочем, зачем их мучить? Просто спокойно выйду через другой выход и погуляю одна. Мне хочется увидеть пыльный летний город, начинающий остывать от жары, но еще полный закатного солнечного света. Вот, например, сегодня, восьмого августа, для этого самая подходящая погода. Еще только шесть вечера, а я уже все сделала, и срочных дел больше нет. За четыре месяца у меня не было ни одного дня, когда рабочий день мог закончиться и оставить место для чего-то другого. Может быть, все вошло в колею, и теперь я смогу вернуться к обычной жизни? Как было бы хорошо. Ну, а если нет? Тогда тем более нельзя упускать шанс. Я сижу в нашем особнячке, и мы уже все обсудили с Сережей на ближайшие дни, и все подписали. У меня целый вечер впереди, и его надо провести как можно лучше.

— Отлично.

— Что тебя так радует?

— Что еще не поздно, дела сделаны. Хочу пойти погулять. Погода отличная.

— Что значит "пойти погулять"?

— Ты уж не помнишь, что это значит? Выхожу на улицу и иду гулять.

— Очень интересно, и куда же ты пойдешь?

— Вся прелесть в том, что я не знаю. Выйду отсюда, наверное, дойду до площади, потом по переходу на бульвар, а дальше вниз. Или по переходу не на бульвар, а на улицу. Посмотрим, как настроение будет. Пойду, куда глаза глядят.

— Это невозможно.
— Почему?
— Слишком большой риск. Ты не можешь идти без охраны, они не могут гарантировать твою безопасность в городе в такое время и в таких местах.
— Перестань. Какой риск?! Ко мне даже приставать никто не будет — к девочкам в джинсах и футболках на улице не пристають.
— Чушь. Пристают даже к фонарным столбам. Но дело не в этом. Даже простые прогулки слишком опасны. В город так просто идти нельзя.
— Ты мне запрещаешь?
— Да.
— Сереж, ну это несерьезно. Я же не могу всю жизнь просидеть взаперти и не делать ни шагу без охраны. Столько всего проходит мимо из—за того, что нет ни малейшей возможности провести два часа на улице, идти куда хочешь и просто смотреть на то, что вокруг тебя. Предположим, ты сделал выбор и замуровал себя в четырех стенах. Но почему я должна следовать этим безумным правилам?
— Потому что в твоей жизни такой риск уже недопустим.
— В чем он этот риск? За всю мою жизнь со мной не случилось ничего более опасного, чем кража кошелька. Почему вдруг сейчас риск нарваться на неприятности в собственном городе стал больше?
— Может быть, риск сам по себе и не больше, но последствия от возможных происшествий теперь будут настолько серьезнее, что приходится усиливать оборону.
— Ты думаешь, я не найду способа сбежать?
— Ты просто не должна этого делать. Есть вещи, которым больше нет места даже среди желаний.
— Перестань, это же просто ерунда. За те пятнадцать минут, что ты меня уговариваешь, я уже могла быть сейчас на бульваре. Мне очень хочется пройтись, и пока у тебя нет ни одного разумного довода, чтобы я отказалась от своего плана.
— Дело не в том, что нет разумных доводов, ты просто как всегда не считаешь важным то, что тебя не устраивает. Когда будут разумные доводы, будет уже поздно. Просто послушай меня, ты не можешь так рисковать.

И как бы в подтверждение его слов с улицы последние три минуты доносится вой сирен. Их становится все больше и больше, видимо действительно что-то случилось. Он включает телевизор, пока еще ничего не понятно. И вдруг прерывается программа и оказывается, что в переходе, через который я собиралась идти, в то время, когда я собиралась там идти, взорвалась бомба. За окном воют сирены, по телевизору показывают пожарные машины и скорые. Из—под земли валит дым, выносят трупы, части тел и залитых кровью, но еще дышащих людей. Мы смотрим друг на друга. Наверное, я выгляжу так же ужасно, как он. Наверное, я так же бледна. Только так тихо и яростно я говорить не умею:

— Даже думать не смей больше спорить со мной. Ты не имеешь права так рисковать. Я запрещаю любые вылазки без разрешения и охраны. Навсегда. — И быстро выходит, видимо, чтобы не разорвать меня на части. Но дверь не хлопает, как всегда.

Я боюсь его редкого и тихого гнева. Он во много раз сильнее моего истеричного и громкого, так что может задавить одной фразой любое сопротивление. И в тоже время мне сейчас приятна его ярость. Не так часто в нем можно заметить обычные человеческие эмоции, особенно адресованные мне лично. Да, он сердит просто потому, что я не слушаюсь и пытаюсь сделать по—своему. Но он сердит, а не равнодушен. Кажется, меня уже радует, что он хоть как—то ко мне относится. Еще немного и, расслабившись, я начну провоцировать его на гнев, чтобы видеть в нем человека, на чувствах которого можно играть. Даже если чувства совершенно не те, которых мне хочется.

Прекратить бы мучить себя желанием совершенно несбыточных вещей. Надо попробовать не видеть его хотя бы три недели. Чтобы рядом вообще ничего не было с ним связано. Не уезжать в его город, не осматривать дома, которые он мне передал. Поехать туда, где его нет. И посмотреть, как буду себя чувствовать. Я же не расстаюсь с ним ни на день. А если и бывают перерывы в личном общении, то все вокруг напоминает о его существовании и намертво привязывает к нему. Сначала он, а потом я и сама окружила себя забором и живу за ним, не пытаюсь оторваться. Надо попробовать

уйти от него хотя бы географически. Иначе мой план «забыть за три месяца» будет похоронен, прошло уже два, а я не сдвинулась ни на шаг или увязла еще больше.

Рассуждая так, я решила устроить себе отпуск на Крите. Заколдованное место, надо уже туда доехать, пусть и одной. Нет, не одной, со мной будет охрана или те, кого Василич приставит присматривать. Я уеду одинокой. И не нужно что-то устраивать, искать и беспокоиться о быте, достаточно представить себе необходимый уровень комфорта, выбрать даты отъезда и возвращения, а потом просто рассказать об этом Василичу. И ни за чем не следить, он сам определит, можно ли отпустить, куда отправить, сколько человек послать охранять. От меня теперь требуются только ясные формулировки желаний, сбор вещей и готовность улететь в назначенный день двадцать пятого августа.

Сергею я сказала о своем намерении уехать чуть меньше, чем за две недели. Хотелось сделать мимоходом, не вызывая лишних вопросов и не нарываясь на требования отдыхать в собственных домах для пущей безопасности. Но в воскресенье вечером ему было явно не до чего, он быстро соглашался со всем, включаясь в ситуацию на несколько секунд и тут же возвращаясь к каким-то своим мыслям. Как будто все время ждал новостей или решал для себя, говорить или нет. На пятый раз уходя от разговоров о срочных делах, мне захотелось понять, что происходит.

— Что-то случилось?
— С чего ты взяла?
— Ты сам не свой. Какие-то неприятности?
— Видимо, да.
— Можешь рассказать?
— Нас ждет страшный армейский скандал. Похоже, утонула наша лучшая подводная лодка. На ней было сто тридцать человек.
— Когда это случилось?
— Кажется, сегодня утром.
— Кто-нибудь выжил?
— Судя по всему нет.
— Но это выясняют? Там есть спасатели?
— Не знаю, пока ничего не знаю.
— Что там случилось уже известно?
— Нет пока. Скорее всего, взрыв. Они должны были испытывать новое оружие.
— Шансы есть, что все не так?
— Практически нет. И ситуация такая, что все боятся сказать первыми. Никому неизвестно, когда военные решаться выступить и что скажут.
— Будут врать?
— Непрерывно.

С таким настроением прошли и следующие две недели. Омерзение от вранья и трусости военных было столь сильным, что как должное воспринимались предложения к любому высшему воинскому званию прибавлять "людоедов". Генерал—людоедов первой степени. Меня-то уже известили, что никто не выжил, но рассказать об этом тем, кто еще надеялся, не было сил и мужества. Я заставляла себя выключаться из любых обсуждений на тему "спасут или нет", не препятствовала публикации новостей, полных вранья чиновников и военных. В конце концов, публичная ложь выглядела банальным проявлением страха ответить за происшедшее своим местом под солнцем, а вот объяснить молчаливое отсутствие реакции отдыхающего президента человеческими и приличными словами не было никакого желания. Трусость ли, глупость, равнодушие или что-нибудь еще, молчание в такой ситуации было вызовом любому человеку, содрогающемуся при виде смерти от огня и удушья. Как хорошо, что я решила уехать, не могу больше смотреть на всю эту возню.

Кажется, я успела все необходимое, даже спокойно собрала чемодан вещей и книг на три недели. Осталось только по пути в аэропорт заехать в особняк, чтобы подписать у Сергея на глазах последние бумажки и проговорить наскоро еще раз, что из дел откладывается до моего возвращения. Мы натренировались обсуждать дела быстро и кратко, уже сложился язык непонятный посторонним, сокращающий слова и берегущий время. Я еще не уехала, а мне уже было страшно возвращаться опять к этой бездонной пропасти работы, которая съедала все мое время. Может быть, расслабиться,

выдохнуть и выяснить заново волнующий меня вопрос, чтобы можно было переварить ответ за три недели.

- Скажи честно, сколько все это еще будет продолжаться?
- Что именно?
- Сколько еще мне надо будет пасти твоё хозяйство? Сколько тебе еще нужно времени?
- Тебе нужен точный ответ?
- Мне нужен определенный ответ. Например, столько-то времени и потом я смогу все это

вернуть.

- Такого ответа я бы не хотел давать, потому что не знаю.
- Но еще совсем недавно ты был более конкретен.
- Теперь я лучше информирован. Но, если ты настаиваешь, то раньше чем через год я не смогу забрать у тебя все это. Но мне не хотелось бы давать конкретных обещаний даже на такой срок. Скажем, тогда я буду готов вернуться к обсуждению возможности твоего выхода.

- Нет, так не годится. Год я, наверное, могу тебе пообещать, но потом я сама буду решать, стоит ли обсуждать возможность продлить договор или я решу выйти.

- Все слишком на тебе завязано, чтобы можно было ставить такие условия. Ты же знаешь. Давай договоримся на год и на разговор о продолжении до принятия тобой каких-то решений.

- Хорошо, год я продержусь. Постараюсь. И выслушаю тебя, прежде чем принимать решение. Если не будет форс-мажорных обстоятельств.

- В течение года?

- В течение года форс-мажором может быть смерть, но тут уже не до переговоров. Нет, я говорю о следующем годе.

- Ну что же, такой вариант меня устраивает. Могу я задать тебе один вопрос?

- Давай, только быстро, через пять минут я точно должна уйти.

- Ты любишь меня?

Как я промахнулась, когда, чтобы выслушать вопрос, посмотрела ему в глаза. Теперь я не могла отвести взгляд, не могла соврать, но могла только собрать себя в кулак, чтобы ответить.

— Да.

И теперь уже я смотрела на него, чтобы понять хоть что-нибудь. Зачем он спрашивает об этом? Чего он ждал в ответ? Такой ли ответ ему нужен? Странно сейчас сидеть и смотреть ему в глаза, и не знать ответа ни на один из этих вопросов. Он рассматривает меня и думает о чем-то. Сколько времени я выдержу? Неважно, сейчас нет времени ждать, самолет не должен улететь без меня. Надо считать про себя, просто считать, пока не выйдут отведенные на завершение разговора пять минут. Дойдя до семидесяти, стало понятно, что он ничего не скажет и не сделает. Может, мне стоило задать ему тот же вопрос? Но я не смогла, только собрала бумаги, сказала "счастливо" и ушла. Если бы было нужно, он еще мог остановить меня или догнать. Но ничего из этого не происходило, даже замедление движений, не смотря на опасность опоздать в аэропорт, не позволило мне услышать оклик или звук торопливых шагов за спиной. Желание перемен, которыми раньше сопровождалось любое его появление рядом, мне пришлось заткнуть в самый дальний угол.

Выйдя из кабинета, пройдя коридор и начав спускаться по лестнице, я наткнулась на Василича, который заговорил об отдыхе, желая хорошей погоды и разнообразия впечатлений, давая советы отдохнуть и выспаться, но тут же переключился:

- Что случилось?
- Очень заметно?
- Более чем.
- Не смогла соврать, а, кажется, очень надо было постараться.
- Точно?
- Время покажет, но говорить правды не стоило.
- Не расстраивайся заранее, никогда не известно, как повернется дело.
- Постараюсь.

И я воспользовалась его разрешением, и начала надеяться, не строя теорий, в одной стороны все объясняющих, но с другой убивающих остатки иллюзий. Мне удалось заставить себя не вздрагивать от звонков и не ждать реакции на свой ответ только через четыре дня. И только потому, что иначе я рисковала испортить себе отпуск, посвященный, как мне казалось, разрушению забора, отгораживающего меня от внешнего мира и заставляющего сконцентрироваться на одном человеке. Мне пришлось даже убедить себя в том, что он боится меня, как боятся людей, к которым не испытывают ничего, кроме положенного вежливым обращением. Хотя это было построением теорий, от которого я пыталась сбежать. Но, если бы все было по-старому, если бы я смогла соврать, он обязательно позвонил рассказать, как горела башня или почему все-таки кого-то отпустили, а кого-то посадили. Он бы держал меня в курсе событий. Но теперь обычные разговоры требовали немедленно решить слишком много проблем. Конечно, ему было проще не звонить. Или это все мои домыслы? Он бы и так не позвонил. Зачем? Я ведь отдыхаю.

Остров — место, чтобы забыться, кажется, что тут живут люди, свободные от трагического восприятия действительности, спокойные в повседневных делах и заботах от тоски и несбыточных надежд. Любовь здесь может быть только взаимной и расставания не доставляют страданий. Или мои идеальные представления о местной жизни всего лишь отражение поглощающей все зрительное внимание природы. Проще всего сказать об этом "как на картине". Раньше я думала, что греческие сувениры с ослепительно белыми домиками и ярко—лазовым морем и небом — художественное преувеличение. Но море и небо действительно были одного цвета, невозможного и заполняющего весь предоставленный объем глаза, сливаясь где-то на горизонте и не давая отделить воздух от воды. Берег при них был на любой вкус. Я объездила остров и видела желтый песок, черный песок, приятную гальку. Жара уже спадала, море оставалось теплым, можно было лениться и отдыхать.

Я никого здесь не знаю, ни с кем не знакомлюсь, и только боюсь отойти поплавать, чтобы не пропустить звонок. Впрочем, меня же и здесь охраняют, так что звонок я не пропущу. Чтобы изменилось, если между нами возникло что-то кроме работы? Ничего. Все равно я бы так же боялась за него и, наверняка, испытывала то же одиночество. Он не допустит к себе, наверное, никого на близкое и причиняющее боль расстояние. А может быть, кого-то допустит или уже допустил, но только не меня. Почему все так странно устроено, почти не интересно. Какая разница? Все равно, результат один — я никак не могу приблизиться к нему, и он сам тоже не приближается, несмотря на свободу, которую сама предоставила ему своим ответом. Я должна заставить себя не думать о нем, иначе никогда не избавлюсь от этой тянущей вниз фантомной боли в той части головы, где живет обычно осознание того, что ты любим, но где у меня пусто.

Можно отвлечь себя морем, едой, покупками, изучением достопримечательностей, можно остановиться на пару дней в Афинах, разглядывать развалины и невероятно смешную поступь почетного караула, в оливковых рощах почувствовать на языке вяжущую горечь свежих оливок, можно съездить на близлежащие маленькие острова и увидеть другой мир. Но тоска останется, и боль никуда не уйдет. Она живет где-то внутри, все время перемещаясь с места на место, выскакивая неожиданно, то в плече, то в спине, то в сердце. Ничего не будет, ни звонка, ни слов, которых хочется, ничего. Мне надо или привыкнуть жить в состоянии тоски по нему, или избавиться от любви. Или приучить себя к мысли, что мне ничего от него не надо: ни ласки, ни любви, ни общения. Рассчитать, какой гонорар мне нужен за мою работу, и ограничить свои претензии только деньгами.

Подойдет ли мне Греция в качестве одной из теплых стран? Кажется, нет. Здесь слишком бросается в глаза южная замусоренность обочин. Нравятся ли мне внешне эти люди? Скорее да, слишком велико разнообразие типов, хотя ни женщины, ни мужчины не поражают красотой лиц, которой ждешь после созерцания древних скульптур. Новое в городах раздражает безвкусицей и чужеродностью на фоне не только древних храмов, но и просто развалин. Красивы только маленькие, нетронутые острова, но хочу ли я жить на острове? Так ли я самодостаточна, чтобы не воспринимать остров, как тюрьму? Материк хотя бы создает иллюзию прочных связей и надежных коммуникаций, когда за спиной не вода, и в случае чего есть куда отступить. Остров быстро поставит перед необходимостью признать превосходство стихии и собственную беспомощность перед лицом непреодолимых впасть масс соленой воды. Видимо, эта страна не попадет в список убежищ. Три недели каникул через несколько лет — вот и все, что мне от нее нужно.

А сейчас мне надо очень постараться взять себя в руки и ничем не выдать, о чем я думала три недели. Встретить опять источник почти электрического напряжения и спокойно обвить себе

пальцы проводами, встречая его взгляд, спокойно говорить о делах, как всегда держа дистанцию. Если начать за неделю, найдя перед зеркалом требуемое выражение лица и глаз и тренируя постепенно напряжение нужных лицевых мышц, позволяющих любому собеседнику решить, что он встретился с приветливым, но отстраненным человеком, то все получится. Главное, осознать и принять до конца, что я ничего не требую. Я готова жить дальше, просто любя его.

Глава 14. Сентябрь 00

И я смогла. Для достижения удовлетворительного впечатления мне, конечно, пришлось провести первый разговор в присутствии Василича и Кольки, а не наедине, но я справилась. Все было как обычно — встреча, обмен последними новостями. "Как отдохнула? Отлично, а у вас что нового? Сама знаешь, бьемся за бюджет". И дальше, жизнь, как ни в чем не бывало. Знакомая размеренность, состоящая из работы, капли свободного времени и сна. Впервые обретение монотонности причиняло боль.

Круглосуточно отторгая реальность, мне казалось, что жизнь окружающих состоит из одного счастья, и я замечала только хорошее в жизни моих друзей и знакомых, только их мелкие или крупные радости. Я видела, что у Сашки с Шуркой все, как должно быть в сказках о нахождении своей половины. Им вместе так хорошо, что они стесняются самих себя и того, как ведут себя на людях. Но мне даже нравится наблюдать за тем, как они краснеют, вспоминая, что не одни в помещении. У Кольки помимо работы, наконец-то очень приятная подружка, милая и сразу очень родная. Он, кажется, и сам удивлен, что рядом с ним может быть женщина, которая не требует ежедневных материальных подтверждений чувств, а просто окружает его чем-то уютным и теплым. Суп варит, в конце концов. И, когда я смотрю на тех, кто у меня работает, то вижу только счастливых людей. Падая на дно темного ущелья, кажется, что оставшиеся наверху не могут испытывать ничего, кроме удовольствия от жизни. Среди мучительной внутренней тоски, это доставляет почти болезненную радость. Наверное, я стала чувствительной к чужому счастью потому, что сама несчастна и недовольна. Раньше, кажется, я не придавала такого значения личным удачам окружающих?

Я начала с ним общаться, думая, что неприятный человек поможет найти мне формулу нормальной личной жизни. О чем я тогда думала? Кажется, что-то вроде "те, кто нравится, оказывают никуда не годными для жизни, так остановим на время волну драм и прекратим испытывать чувства, общаясь с теми, кто не нравится". И теперь драма стала не минутным кризисом, который рано или поздно забываешь, как и его причину, но повседневной банальностью. Я опять вернулась к тому, с чего начала — умею только работать, да и здесь, лучше бы не умела. Что я сделала такого, чем можно было бы утешиться, говоря "счастье в работе"? Ничего, меньше чем ничего. Все, что сделано — плохо. Может быть, все еще изменится, но пока мои судорожные попытки подсчитать, сколько я хочу получить, чтобы сбежать от того, что составляло скелет жизни, показывают, насколько дешево стоят видимые результаты. За халтуру могут и не заплатить, поэтому надо хватать и бежать.

Может быть, это заметно не только мне? Почему вдруг и Сергей заговорил опять о гонораре за мой подвиг? Не знаю, никогда не поймешь, что у "черного ящика" внутри. Когда он запретил мне идти гулять, может быть, он просто знал, что будет взрыв? Нет, это глупости, такие вещи ему не могут быть известны. И сейчас он, конечно, просто боится, что не смогу сама заговорить о деньгах, после того, как мне пришлось сказать, как я к нему отношусь. Да, все так. Другой простой и разумной причины заводить сейчас разговор, который можно отложить на год, найти не получается.

— Ты определилась уже, какая тебе нужна рента?
— Я же тебе говорила, рента — это последнее.
— А что первое?
— Недвижимость.
— Что и где?
— Мне бы хотелось иметь квартиру в Лондоне, квартиру в Париже и еще что—нибудь у моря с землей и источником пресной воды.
— Ну что ж, это вполне понятно. Квартира в Лондоне у тебя уже есть.
— Это твоя квартира.
— Съезди, посмотри, вдруг она тебе понравится.
— И что, оставить себе?
— Почему нет? Если она тебе не подойдет, тогда можно подыскать что—то другое. Посмотришь несколько вариантов и поймешь, нужно ли покупать, когда уже есть
— Хорошо. Давай так.
— В Париже у меня ничего нет. Если ты знаешь, в каком районе хочешь квартиру, то можно тем же людям передать пожелания, они подыщут. А что касается земли, то есть Тоскана, там

достаточно земли и пресная вода есть. До моря далеко, но тебе ведь не обязательно, чтобы было все одновременно?

— В общем, нет, но мне бы не хотелось присваивать то, что ты купил для себя.

— Я куплю другое, мне не принципиально именно это. Я не держусь за эти конкретные дома.

— Посмотрим. В любом случае, сейчас пока можно заниматься Лондоном и Парижем, а там видно будет.

— Если в результате оставишь себе Тоскану, то все будет в Европе. Тебя устраивает такой вариант?

— Из соображений безопасности, конечно, хорошо бы все разбросать. Но я других континентов не видела, не знаю, что там и как.

— Землю с пресной водой и морем можно найти где—нибудь еще.

— Например?

— Мало ли где? Южная Америка, Штаты, Мексика, Австралия, острова — мир большой.

— Надо смотреть. Лондон и Париж я видела и знаю, что жить там смогу. Тоскана тоже недалеко, можно доехать и посмотреть. Остальное совершенно за горизонтом.

— Если ты по—прежнему считаешь риски, надо обязательно подумать о других местах. Европа — невелика и густо населена.

— Хорошо, подумаю и посоветуюсь с кем—нибудь.

— Поговори с Василичем, он найдет подходящее место, только точно Расскажи ему, чего хочешь. И нужный паспорт сможешь себе выбрать, наконец.

— Так и сделаю.

Кто поймет, как он ко мне относится? Я ничего не понимаю. И не хочу понимать. Мне так с ним хорошо, что и не нужно выяснять, что он думает, что затевает, какие сети раскидывает, как вынуждает меня делать то, что хочет. Буду просто плыть по течению, работать, поеду в Лондон и, посмотрев все, оставлю себе его дом. Не из вредности, а просто потому, что он идеально удовлетворяет моим требованиям: дом в городе, с садом, мой собственный, большой и красивый, в приятном районе. Потом поеду в Париж и куплю себе квартиру, окнами в парк. И буду знать, что в любой момент могу сесть в самолет и улететь.

Почему я выбрала именно эти города, а не другие, которые мне нравились не меньше? Привычка к столичным городам с их бурной жизнью, толкотне метро? Не только. Оба красивы, каждый по-своему, но главное особое настроение, ощущение индивидуальности, которую не могут подавить даже миллионы жителей, все прибывающих и прибывающих. В каждом из них меня не заботят мелочи, я начинаю просто жить, растворяясь в общем движении. К тому же, в Лондоне можно встретить много интересных мужчин, а в Париже — только красивых женщин. Смотреть каждый день на людей самодостаточных и довольных собой, но не мерзко и эгоистично, а ощущающих себя на своем месте и принимающих себя такими, какие они есть, — вот что больше всего заставляет меня искать убежища в этих двух городах.

Кому рассказать о смешном раздвоении личности, когда внешне жизнь состоит из глобальных событий, постоянных больших сражений, необъятных денег и перемен, но самым важным становится вдруг узнавание нового жеста или взгляда. Если он устал, то об этом невозможно догадаться по обычным у всех людей признакам, нужно всего лишь заметить, как он вдруг упирается указательным пальцем в бровь и проводит по ней резко и сильно. Понять, зачем, можно, попробовав самому, — боль взбадривает. Или если он принимает неприятное для себя решение, то сначала сжимает в кулак левую руку так, что белеют костяшки пальцев. Потом, видимо, обдумывает все еще раз, и если решает биться, что в эту самую секунду он так резко кладет ладонь на стол, что, кажется, из нее выпадают люди, которые перестали сейчас для него существовать, или больше не будет сомнений, угрызений совести, попыток оглянуться назад и все изменить. Чем дальше, тем чаще я вижу эту резко разжатую ладонь. Внутри все замирает: сейчас я знаю, кого или что он отпустил, но, когда он отпустит меня, то предупредить об этом не станет.

Мое внутренне состояние лучше всего передают катастрофы новостей. Они являются доказательствами моей теории о том, что все плохо и будет только хуже. О том, что надо бежать как можно быстрее. Спасаться, уезжать, увозить все, что тебе дорого, всех, кто дорог, спасаться пока не началось что-то безумное. Как мне не хочется осознавать, что так и надо делать. Я готова отговаривать себя любыми способами. Я не могу уехать, я обещала Сергею проработать год. И потом,

не все так плохо, лодки тонут, башни горят, все бывает. Это кирпич, от которого не застрахуешься. Не в этом дело, я могу себя уберечь от всего, что связано с этой страной. Но для этого надо самой изменить ландшафт, а это совершенно не моя роль. Хотя я все могу, но для этого нужно просто принять решение — отказаться от него совсем. А я не могу. Пока не могу.

Глава 15. Октябрь 00

Ненавижу переходные периоды. Когда осень уже должна бы закончиться, а зима еще не началась. Не так, как февраль, но все же. Осень, набросившаяся неожиданно после отдыха, и теперь, когда я объездила города, которых хотела, была теплая, мягкая и бесконечная. Заканчивалась морока с бумагами и оформлением нужного мне паспорта, то есть еще надо было ждать окончательных бумаг, но от меня уже ничего не было нужно. И в минутную паузу между делами влезла моя обычная привычка болеть, хотя осенью это случалось редко. Опять мгновенно температура под тридцать девять, я перестаю соображать и понимать, что мне говорят. Отменяю все дела, в сопровождении моих черных людей в костюмах скупаю в первом попавшемся магазине лимоны, апельсины, красное вино, несложную в приготовлении еду, прошу купить мне в аптеке стратегический запас витамина С и вваливаюсь домой.

Сколько времени я не попадала домой в пять вечера? У меня такой разгром, даже не разгром, а просто необитаемый остров. В гостиной я не была месяца два. Нет, уже больше трех, с тех пор как вынесла оттуда все цветы на кухню. Иначе забуду полить. Спальня, ванная, кухня. В спальне гладильная доска с кучей неглаженных рубашек. Выдергиваю оттуда первое попавшееся, быстро провожу утюгом, надеваю и ухожу. На кухне пью чай. Дом стал плюшевым и неприятным от скопившейся пыли. Никого не могу сюда впустить. Даже охранника, который вносит сумки с продуктами вслед за мной.

Почему не найти домработницу, которая будет содержать дом в порядке? Я же могу так закрыть кабинет, что двери никто не найдет. Потому, что никак не могу смириться с мыслью, что кто-то будет ходить по моему дому, что-то передвигать с места на место, дотрагиваться до моих вещей. То есть это я раньше не могла, сейчас мне уже все равно, я хочу горячего чая, потому что меня знобит, и лечь, потому что у меня кружится голова. Пока я жду свистка чайника, звонит телефон. Мои церберы донесли Василичу, в каком я состоянии. Он спрашивает только, какая у меня температура и сообщает, что сейчас придет врач и еще две девочки из его личных запасов, приберут, посмотрят, что еще нужно, проследят, чтобы ела и пила. И хватит уже глупостей. Надо себя беречь. Если есть люди, которые могут взять на себя бытовые заботы, надо позволить им сделать это. У меня так трещит голова, что, кажется, все эти слова проходят сквозь помехи, прежде чем я понимаю их смысл. Спорить с ним нет сил.

Они приходят, осматриваются, и за полчаса наводят идеальный порядок в спальне. Наверное, я их сильно шокировала, когда спросила, не могли бы они перестелить мне постель. Кажется, они решили, что имеют дело со слабоумной девочкой, которая просто не понимает, что в их обязанности входит все. Но вежливые, списали на температуру. Я думала, что помру за эти полчаса. Как мне хотелось лечь. Но пришел врач и долго допытывался, что у меня болит, измерял давление, рассматривал горло и слушал легкие. Ничего у меня не болит, просто температура тридцать девять и один. И так еще дней пять будет. А потом все пройдет и наступит зима. Велел лежать, потому что остальные инструкции выдаст девочкам. И я ложусь, наконец. Уже убрано и чисто, гладильная доска испарилась, пыли нет, воздух свежий, где-то шумит пылесос. Кажется, они моют холодильник, выясняя, что у меня есть из продуктов. Потом спрашивают тихонько, чтобы мне хотелось. Отвечаю, апельсиновый сок выжать. Смешать в равных долях с красным вином, добавить корицы. И спать.

Это не нормальный сон, это похоже на тяжелый бред. Василич спрашивает, нужно ли мне, чтобы кто-нибудь остался караулить ночью. Отвечаю, нет. Девочки частично прибрали, заставили меня выпить кучу витаминов, попытались дать жаропонижающее, но от него стало бы только хуже. Прибрали кусочек, обещали вернуться завтра и продолжить. И ушли. Или мне приснилось? Голова кружится. Сколько времени — восемь? Восемь чего — вечера или утра уже? За окном мрачно и не поймешь. Телефон звонит. Или мне снится? А, Сергей, нет, я не могу, заболела. Что он мне говорит? Кто себя чувствует? Я? Плохо. Какая температура? Под сорок, кажется. О чем он спрашивает? Повтори, пожалуйста, я не очень хорошо понимаю, у меня кружится голова. Что он сказал? Приехать ко мне? Это было бы прекрасно. А ты можешь? Не знаешь еще, но постарайся? Хорошо, не обещаю.

Сколько времени? Три часа ночи? Тридцать девять и пять. Он звонил или мне приснилось? Телефон записал звонок. Он говорил, что придет или мне послышалось? Теперь уже и не узнать. И вдруг утро, я с трудом встаю и открываю дверь. Пришли приводить в порядок дом. И так продолжается три дня подряд — через чистые окна видно капли мелкого нескончаемого дождя и неизвестно откуда взявшегося снега. Можно мы уберем в кабинете? Я и сама не знаю, что там творится. Мне завтра—послезавтра станет получше, и посмотрим вместе, что там происходит. Мне действительно совсем скоро будет лучше, ночью упадет температура и опять будет сон. Но какой? Ждать осталось недолго. Неизвестное "оно" уже поджидает в нескольких часах отсюда.

Почему только эти сны реальнее яви? Все видно четко и ясно, каждая мелкая деталь, любая складка на одежде. Как он далеко от меня. Вокруг него толпа людей и я среди них. Он со всеми здоровается, проходя мимо, кивает каждому и никому лично. Я долго наблюдаю за тем, как он приближается ко мне, в надежде, что рядом со мной он остановится. Но он быстро проходит мимо, говоря в толпу "добрый день", и уходит, оставляя мне разочарование тем, насколько я для него ничего не значу, насколько я для него часть толпы. Температуры нет, я выздоровела. У меня теперь есть домработницы, чистый и ухоженный дом, цветы вернулись на свои места, выглаженные рубашки — в шкаф, в кабинете можно работать, на кухне — найти вкусную еду. И я даже не спрошу его, собирался ли он приехать или это был горячечный бред.

Зима накатывает постепенно, заполняя собой октябрь. Земля замерзла и быстро приняла снег, как будто и не расставалась с ним никогда. Оцепенение погоды все больше подчеркивало людские смуты. Становится ясно, что в воздухе висит грозное напряжение. Если заниматься только заводами и стройками, то можно и не заметить. Но мои дела не дадут упустить изменение внешней среды. Еще летом я натыкалась на мелкие пакости и разговоры типа "вы сейчас все поверите, а мы потом как всех прихлопнем". Осенью начались удары по нему лично. Пока еще все откатывают назад. Но постепенно вал становится все сильнее и отмахнуться от очевидного уже нельзя. Никто не знает, что прижать пытаются его, но я вздрагиваю все чаще, замечая знакомые названия или фамилии в газетных статьях или выпусках новостей. И сделать ничего не могу, запретить своим собирать информацию, значит привлечь внимание к факту, который хотелось бы не просто скрыть, а забыть как сон. Впрочем, я и сон—то забыть не в состоянии, что уже говорить о полугодовой работе и нарушении всех известных мне правил выживания.

Сергей ничего не говорит и никак не комментирует, но слова, новости, журналы, заказные статьи и все остальное, в чем я по—прежнему умею ориентироваться, меняют обстановку. Те, кто терял деньги и собственность из—за идей, которыми он меня приманивал, и действий, о которых я ничего не знала, начали сопротивляться. Другой бы начал что—то делать, искал, кого привлечь на свою сторону. Но мы же уверены, что все всё всегда понимают, очевидные вещи не нужно объяснять. К тому же, у него такое прекрасноекрытие, он защищен своими властными друзьями со всех сторон. И никогда не нужно отвечать публично, нужно сидеть и тихо молчать, чтобы только близкие знали, какой ты собеседник, как ты умен, хорош и прекрасен, как силен и жесток. Остальные должны оставаться в неведении, чтобы пропускать удары, которые ты им ловко наносишь. Ему нужен был хороший советник, постоянно регулирующий отношения с прессой. Но таких, как я, он за людей не считал. Якобы, мог все сам. Особых навыков ему и не нужно, если главное — больше молчать и скрывать все, что можно.

Я даже не могла давать за него интервью. Он заставил меня завести политику двойных стандартов. Факты — для работы на Степу, но я сама должна быть максимально закрыта. Конечно, при желании можно раскопать, кто, чем владеет, кто с кем работает. Но откуда взяться такому желанию, если даже список собственности был тайной за семью печатями, не говоря о владельцах? И я никому не собираюсь помогать и сделаю все, чтобы как можно дольше скрывать свои связи с Сергеем. Да и вряд ли ему помогли бы мои интервью. Если раскрыться полностью, все сделать самой и публиковать только у себя, чтобы цитировали меня. Можно и так поступить, говорить о серьезных вещах, комментировать острые вопросы современности. Сложность в том, что после этого даже самые серьезные издания захотят ответа только на один вопрос. Легко можно себе представить такое интервью.

- Скажите, а в каких отношениях вы с Сергеем Гончаровым?
- В хороших. Мы друзья.
- Говорят, вы его любовница.

— Нет, это не так.

— Странно это слышать, если знать что именно вам он отдал все, что имел. И еще, судя по слухам, он очень женолюбив.

— Как раз то, что он отдал все, и подтверждает мои слова. Нельзя настолько ставить себя в зависимость от любовницы. В здравом уме никому такое в голову не придет. Ее же можно бросить, она может и отомстить. Что касается женолюбия, то это вопрос не ко мне, а к нему.

— Все равно как—то не верится, что вы, женщина, которая кажется ближе всего к нему, и вдруг не любовница.

— Вы считаете, что без этого доверять друг другу невозможно? Или вы думаете, что отношения между людьми ограничиваются только этим?

— Тогда хотелось бы узнать, каковы ваши отношения? Он человек закрытый, о нем вообще мало что известно и только на уровне слухов. Вы единственная, кто может рассказать что—то достоверное.

— Я очень уважаю его как человека и как мужчину. Людям, которым на него наплевать, или которые хотят облить его грязью, их, конечно, интересуют только скандальные подробности. Я же знаю его лично, он один из моих самых близких друзей. На свете очень немного людей, о которых я могу сказать "отвечает за свои слова". О нем могу. Этот человек за свои слова отвечает. И то, что он делает, достойно поддержки. Например, для меня бремя собственности было бы непосильно, но ему я могу делать такое одолжение.

Степа сказал бы, что вышло неплохо, но на его вкус слишком эмоционально и несдержанно. Сережа не сказал бы ничего, хотя наверняка бы прочел. Или тихо выговорил за разглашение фактов, которые никого кроме заинтересованных лиц не касаются. Да это все ерунда, и так говорить я бы не стала. Можно было бы придумать что—то поубойнее. Но не буду. Просто потому, что об этом он должен меня попросить сам. Давать в долг, восстанавливая его репутацию, я не собираюсь. К тому же моими интервью ситуацию уже не изменить. Слишком далеко он зашел, и слишком мало думал о том, как защитить себя самого. Или нет, не так. Просто по необъяснимой причине всех этих молодых, успешных, активных, умных поражает странная болезнь. Они свято уверены, что с ними ничего не случится, что уж на них—то никто руки поднять не посмеет. Почему они так думают? Иногда, мне кажется, что им надо чаще ездить на метро, чтобы помнить о том, что надо везде стелить соломку. Сергей считает, все схвачено, со всеми договорился, а с кем не договорился, тот ему и не нужен. Только договоры эти устные и с теми, кто никаких договоров не признают. Так и получается, что кто—то уже выдавлен за границу, кто—то еще сопротивляется. Кто—то думает, что с ним такое никогда не произойдет, потому что он умнее. И Сергей тоже уверен в себе. И помочь ему я не могу, пока он сам не попросит о помощи.

Хорошо бы не обманывать саму себя. Его травят за то, что он действительно делал и продолжает делать. Он не белый лебедь, который заботится только о благе народном. Вовсе нет. Он хитрый расчетливый манипулятор, добивающийся своих и, видимо, очень конкретных целей. Он беспринципен, использует все, что подворачивается под руку. Кому, как не мне знать об этом? Если бы он однажды рассказал мне все, изложил не пятую причину, а то, что ей предшествует, наверное, я бы считала его воплощением мирового зла. А так я только иногда устраиваю извержение вулкана, изливая на Сергея гнев, замешанный на собственной слабости и неспособности уйти от него и принуждающей меня делить ответственность за возрастающее безумие. Двадцать второго октября, например. Прекрасное воскресенье, и я как всегда завожусь с пол—оборота.

— Не лечи меня, что иначе нельзя. Можно. Все можно. Надо резче, неожиданнее, они на все согласны. Это же ваши ручные котята.

— Они далеко еще не ручные, их еще надо уговаривать, запугивать и приучать к мысли, что они ничего не решают.

— Но так нельзя, чтобы что-то получилось, люди должны быть уверены, что от них зависит все.

— Ты просто хочешь всего и сразу. И не хочешь ждать. И не видишь, на какие компромиссы нужно идти, что бы добиться всего этого.

— Вовсе нет! Просто теперь, когда я понимаю, какими компромиссами можно сделать все из задуманного, начинаю сомневаться, нужен ли мне этот результат.

— Конечно, он тебе нужен. Просто ты только сейчас понимаешь, что нельзя вычистить авгиевы конюшни и не изгваздаться.

— Дело не в этом. Вы строите мир на вранье, на двойных стандартах. Вы не считаете нужным прикрывать это безобразие. Вы якобы над схваткой, у вас все равны перед законом, у вас споры хозяйствующих субъектов. Слушать противно. Эти тайные протоколы, шантаж. Не можете открыто сказать, от чего лодка взорвалась, и уволить этих поганцев, которые врут. Кидаете подачку губернаторам, сопротивляющихся давите тем, что не даете избираться снова. И опять торжество закона. Да я тебе сходу назову шесть фамилий, которые вообще с законом несовместимы. И что? Ваши лучшие друзья. Сказок мне не рассказывай про белого бычка. Вы просто делите то, что уже было поделено. А чтобы это прилично выглядело и чтобы объяснить сопротивление, еще и реформы устраиваете под себя.

— Не кричи.

— Лучше ты кричи.

— Лучше будь осторожна, вон Федорьев как разошелся.

— Мы с ним очень аккуратны.

— Я знаю, не подкопаешься.

— Вы под кого угодно подкапаете.

— У тебя учимся. Ты мне скажи, чего ты добиваешься?

— Он не хочет под вас "ложиться", и ему хочется остаться. Пока еще есть возможность, мы добьемся этого открытым сопротивлением.

— А если в тюрьму?

— Я бы на твоём месте не делала резких движений.

— Будешь воевать со мной?

— Нет, не буду. Но найду, куда тебе булавку воткнуть побольнее и поглубже.

— И ты еще меня упрекаешь в нечестной игре и порочных методах?

— Да, потому что ты — это не я. Мне все можно, у меня нет принципов.

— Не рассказывай мне сказки про белого бычка.

— Сережа, есть вещи, с которыми не играют. Если ты сейчас приучишь всех к таким правилам игры, а точнее к отсутствию правил, то твоя машина рано или поздно пойдет в разнос. Нельзя удержат всех от свинства. Лучше не начинать использовать такие методы, это погубит любые, даже самые прекрасные идеи.

— Неужели, ты считаешь, что я настолько силен, что сделаю порядочных людей подлецами? Не знал, что ты обо мне такого высокого мнения. Таких комплиментов мне еще не делали.

— Ты настолько силен, что подлецы скоро перестанут думать, что быть подлецом стыдно и опасно.

— Разве они когда-нибудь так думали?

— Они никогда не делали своих дел открыто и не стеснялись того, за что их называют подлецами. Они прятались. Теперь им можно плюнуть в глаза, они даже не поморщатся.

— Идеалистка, никогда такого не было. Раньше ты просто могла их не замечать и спокойно жить. А теперь видишь все ближе и списываешь почему-то на меня ответственность за всех подлецов мира.

— Неправда, еще пару лет назад все было иначе. То, что мы делаем, то как мы делаем, выпускает их наружу и легализирует.

— Мы?

— Да, мы. Помогая тебе, я, конечно, считаю и себя в этом замешанной.

— Я на тебя ответственность за свои дела не вешаю.

— Я сама вешаю.

Хорошо, что теперь мы не всегда видимся по воскресеньям. Или видимся, но не для того чтобы скандалить. Вот день рождения Кольки. Не тот, который мы отмечали среди членов корпорации. А приятный домашний день рождения, когда подарки дарят без задних мыслей, а чтобы порадовать именинника и все. Колькины родители — милые и любимые Марина и дядя Толя. Машенька, которую язык не повернется назвать Маша или Машка — скорей бы Колька на ней женился и завел детей. Пришел Гончаров, был остроумен, балагурил и всячески распускал хвост, как всегда в узком кругу. И все. Так хорошо посидели. Или меня теперь всегда пробивает на теплое и домашнее, чего нет? Или нормальное человеческое отношение вызывает у меня дрожь в коленках, когда Колька начал потихоньку расспрашивать о важном, которого не с кем обсудить.

— Маш, как у тебя с Сергеем?

— Никак.

— Не передумала любить?

— Могла бы, передумала бы сразу же.
— Я к чему спрашиваю, если ты задумаешь его подначивать тем, что замуж собираешься, то я тебе помочь не смогу, он не поверит. Видишь, как у меня все сложилось.
— Коль, я ужасно за тебя рада, не надо ничего, все равно бессмысленно.
— Почему ты так думаешь?
— Проявлял бы себя как-нибудь, если бы хотел. Он же все знает.
— Как это?
— Он спросил прямо и неожиданно, я соврать не успела.
— Давно?
— В августе.
— И что?
— Ничего.
— Может тебе его на чай позвать?
— Коль, мы с ним так часто вместе пьем чай, обедаем или разговариваем, что если бы хотел, уже давно бы остался.
— Машк, не расстраивайся, ты можешь не знать, почему он так себя ведет. Может он просто не хочет затевать сейчас серьезных отношений.
— Это слишком сложно, Коль. Скорее всего, ему ничего не нужно, я ничего не требую, и его это полностью устраивает.
— Может потребовать?
— Уже поздно, раньше надо было думать.
— Хочешь, я с ним поговорю?
— И что это даст? Говори, если хочешь, только мне не рассказывай о результатах, я работать не смогу.
— Если да, или если нет?
— Если нет.

О чем тут говорить? Конечно, я жду волшебной сказки, когда вдруг все меняется, оказывается именно таким, каким я хочу видеть. Ни один нелюбимый факт, который мог бы навсегда объяснить мне, что это не мой человек не должен проникнуть за прочный забор, построенный из бесконечной занятости и суеты. Хочется обругать себя последними словами, растоптать или размазать по стене за существование в голове мечты, совершенно не сопрягающейся с жизнью. Или за то, что я построила себе идеальный образ Сергея Михайловича Гончарова и теперь жду, когда же настоящий и живой человек добровольно согласится стать таким, каким я его выдумала. Такого человека нет, никогда не было и быть не могло.

Глава 16. Ноябрь 00

Мне казалось, что точка возврата пройдена, что маховик нужных законов уже так раскручен, не остановить. Трясли армию, таможенно, дожимали куплю—продажу земли, налоги. Он гнет свое, а ему в других местах палки в колеса вставляют. Даже и не палки, а просто поминают все его прошлые заслуги, связи, православие, все, что принесло ему деньги. Конечно, он хорошо защищается, он обо всем молчит, главный козырь про отсутствие собственности держит в рукаве. И молчит. Делает, что считает нужным, идет, куда наметил. И как бы я ни относилась к его методам и задачам, о которых так ничего и не знаю, но это упорство вызывает уважение. Мне затевать разговаривать было бесполезно. Раз так, то и нечего навязываться. Хотелось бы знать, куда он стремится. Не хочу и не буду лезть туда, куда меня не пускают. Мало ли что выяснится? Знание из разряда тех, после которых лучше умереть, мне не нужны. Тот факт, что я по-прежнему люблю его, ничего не меняет. Чем раньше его выкинут оттуда, тем раньше буду свободна. К тому же я уже и не считаю себя обязанной следить за этим хозяйством. Знать не хочу, чем он расплачивается за реализацию своих планов. Тем, что сдает кого-то. Не доносит пока, но уже и не защищает. Уничтожает противников тихо и безжалостно. Видеть не хочу, как его ненавидят. Я и на себе ощущаю, с какой легкостью он манипулирует людьми, без тормозов он дергает за нужные ниточки, потому что так надо. Колький день рождения как—то загладил наш последний скандал. Но я все равно не понимаю, как можно было позволить ради умирения региональных царьков и принятия бюджета подкинуть идею про восстановление гимна. Лучше б я вообще об этом не слышала и узнала задним числом, когда все было сделано. А так я наблюдала с самого начала и физически чувствовала, как натягивается веревочка к одному из тех, кем он управлял. Не хотелось ничего говорить, но я не выдержала.

— Зачем тебе это нужно?

— Что?

— Кидать им гимн. Это омерзительно. Конечно, бюджет сложно принять, и губернаторы обижены. Но как можно было пойти на такое?!

— Это ничего не значит, важно держать всех на привязи. Их надо заставить принять наши условия игры любой ценой. Ты предлагаешь позволить им разворовать очередной кусок на армию, или увести в свои регионы и там "распилить", или не платить долги, заниматься всякой ерундой, строить границы и бесчинствовать на подконтрольных территориях? Они заткнулись гимном — вот и прекрасно.

— Как ты можешь говорить, что это ничего не значит? Бюджет ты забудешь через год, а гимн уже не отменишь. И по дороге вы сами разворуете в сто раз больше, чем они.

— Это была прекрасная идея с гимном. Кого надо — всех успокоили. И пойми, наконец, это ничего не значит.

— Это значит слишком много.

— Это внешние, несущественные вещи. Ты сама все время этому учишь. Как бы мне не было неприятно, что ты одеваешься не по ситуации, я согласен с тем, что это неважно. Важно, как ты работаешь, что ты делаешь, а не то, что ты являешься на переговоры в джинсах. Так и тут. Это не важно, это внешнее. Мы добиваемся своего и делаем дело.

— Ты скажи еще, что даже если ты будешь врать в лицо, это ни на что не влияет, потому что главное — что ты думаешь. А что ты говоришь, не имеет значения.

— Можно и так сказать.

— Значит больше не считать, что ты отвечаешь за свои слова?

— Я еще не вру тебе в лицо. И будь готова к тому, что гимн будет утвержден.

— Тогда я никогда не буду ходить на официальные мероприятия. Потому что я под него вставать не собираюсь.

— Будешь ходить, и вставать тоже, если надо будет. И прекрати на меня кричать. Если бы у меня была возможность этого избежать, уж поверь, я бы не пошел на такое. Хотя бы потому, что за гимн можно было купить гораздо больше. Слишком лакомый кусок пришлось отдать. Но выхода не было. Им нужна была подачка, они ее получили.

Наверное, все так. Я просто эмоциональная дура. Ничего не понимаю в политике, борьбе, компромиссах и постепенном продвижении к поставленной цели. Я требую сразу всего и готова все отдать. Нет во мне змеиной хитрости или была, но вся вышла вдруг куда-то неожиданно, и теперь я не

гожусь для реализации великих планов. Я готова согласиться с тем, что ничего не понимаю в такой жизни. Но и жить ее не хочу.

Куда меня понесет отсюда? В Канаду, где плохой климат, удивительная природа и много пресной воды? В Новую Зеландию, где есть горы, песчаные пляжи, леса, поля, невиданные звери, но это остров? В Австралию, с пустынями и морем? В Бразилию, про которую сначала вспомнишь, что там много диких обезьян, а потом задумаешься: если ли там вообще обезьяны? Что еще предлагает мне Василич на выбор при условии, что должна быть плодородная земля, пресная вода, море и лес одновременно? И еще, конечно, спокойная страна без революций, диктатур, с охраной частной собственности, возможности в любой момент уехать куда—нибудь еще и вернуться, когда захочешь? Трудно представить себе, сколько времени нужно, чтобы объехать и посмотреть весь список, который Василич набросал в ответ на мои требования. Обсуждая с ним подробности и нужды, я замечала, как он смотрит на меня с одобрительной улыбкой, как будто я неожиданно порадовала его трезвостью взгляда и мудростью, которой он сам во мне найти не смог.

Рядом с ним я чувствую себя как щенок на обучении у старого сторожевого пса. Все вынюхивает, не пропускает ни щепочки, ни пылинки, въедливо не позволяя мне пропускать важное и совершенно с моей точки зрения незначительное. Если вещи, которых я просто не вижу в упор, а для него они стоят в том же ряду, что и наличие источников пресной воды в пустыне.

— Здесь я бы тебе не советовал покупать.

— Почему?

— Очень тяжелый климат. Перепады температуры за день бывают градусов тридцать. Утром минус десять, вечером плюс двадцать. И так каждый день.

— Я никогда не обращаю внимания на перепады температуры и давления.

— Это ты сейчас не обращаешь. А лет через пять начнешь. У тебя же все сердечники, значит, это надо обязательно учесть.

— Владимир Василич, так я никогда ничего не куплю. Вас послушать, на свете нет мест пригодных для жизни. Южнее нет воды, еще южнее — нет стабильности. Куда деваться?

— На мой взгляд, стоящих вариантов не очень много. Если бы ты не усложняла все обязательностью моря, природы и пресной воды, да еще и на одном участке земли.

— Хочу всего и сразу.

И вдруг, как обухом по голове — этих слов я больше никогда не смогу произнести. Они, оказывается, значат совсем не то, что я хочу сказать. Хочу ли я всего? Нет, ни за что. Хотеть всего — это хотеть войны, болезней, голода, землетрясений, смерти близких, страдания себе. Но, произнося "хочу всего", я думаю только о приятном и полезном, а не о горе. Зачем же я сказала, что хочу всего? Хочу только того, чего хочу, что называю словами или боюсь назвать, и только зажмуриваясь, чтобы не произнести вслух. Но то, что мне нужно, должно ли оно появиться сразу? Нет, конечно, хочу постепенно по списку получить все, что пронумеровала мысленно от самого главного до просто приятных мелочей. Можно отложить исполнение любых прихотей, можно легко отказаться от любой из них, если бы этой жертвой я приобрела исполнение первого желания, которое прячу от себя под номером ноль. Нельзя только сидеть сложа руки, потому что отказ мой никому не нужен. И главного я не получу, а буду только топить себя во второстепенном.

Надо с чего-то начать. Неделя на быструю поездку Штаты—Канада, для осмотра подобранных вариантов у меня есть. Но ее хватило только на быстрое осознание безбрежного количества мест, где можно было бы жить на лоне природы, но в комфорте. Хотя и с водой бывает плохо, или климат суровый или еще что-нибудь. А может быть сдвинуться на юг, в Мексику? Нет, не хочется нестабильных стран. Или расширить поиски и приняться за острова? Рано или поздно их затопит. Надо выдумать еще несколько жизненно важных причин не уезжать и можно остаться со словами, что на этом глобусе нормального места мне не нашлось и теперь все равно где жить, особенно, если можно быть там, где я могу в любой момент поскандальить с Гончаровым.

Глава 17. Декабрь 00

Чего мне больше всего жаль вечерами, когда хочется отдохнуть? Наверное, того, что теперь я не могу сходить в кино. Не посмотреть фильм, а именно выйти в кино, купить билет, отказаться от наушников для перевода, взять огромный стакан колы и на два часа попасть в другой мир. Наслаждаться сразу всем — игрой, работой режиссера и оператора, красотой кадров, удачной музыкой, поворотами сюжета или разными уровнями мыслей, которые кочуют от зрения к слуху, от осязания к чему-то неизвестному, что больше всего подвергается воздействию неопределимого процесса, называемого кино. Погрузится во мрак зала, отключить внешнее и оставить себе только то, что происходит на полотне экрана, и перестать ощущать себя, растворившись в чужой картинке мира. Но кто меня отпустит забыться хотя бы на два часа, оторвавшись от преследования реальности? Никто. Поход в кино столь же несбыточная мечта, как и приятная влюбленность.

Раздроблю тогда желания на еще более мелкие кусочки. Займу себя менее глобальными проблемами. Делить время на минутные решения мелких задач или придумывать много легко осуществимых желаний, чем не занятие? Пора решить, что делать на Новый год. Можно, например, воспользоваться гончаровской идеей поехать и посмотреть на дом в Тоскане. Вдруг подойдет, и больше не надо будет мотаться по Земле, и страдать потом от смены часовых поясов? Дом всегда готов принять людей, остальное можно подготовить дней за десять. И мне, как всегда ничего не надо для этого делать, только спросить разрешения у Сергея.

- Скажи, ты не будешь возражать, если я поеду в Тоскану на новый год?
- Возражать? С какой стати? Это твой дом, ты можешь им распоряжаться.
- Дом твой. Вдруг он тебе нужен?
- Конечно, поезжай, там прекрасно. Надолго собираешься?
- На неделю, наверное. Уеду двадцать девятого и вернусь числа пятого.
- Поезжай.

И больше ничего. Мрачный, недовольный, ничего не рассказывает, молчит. И чем дальше, тем все становилось хуже. И что же я за дура-то такая нескладная. Он все скрывает в себе, никого к себе не подпускает, одурел уже, перемалывая внутри наваливающиеся проблемы. А я все вижу и никак не могу начать вести себя, как нормальная влюбленная женщина. Плохо ему? Ну, так помоги. Нет, мне же надо все время устраивать скандалы, спорить, обсуждать всякую ерунду. Вместо того, что бы помочь ему жить. Нет! Он сам виноват, что между нами возможны только такие отношения. Я не могу дать то, чего он не хочет. Он ни разу не дал мне понять, что ему что-то нужно от меня, что-то еще, кроме работы. Он ведет себя, как человек, который боится, что его вынудят сказать прямо, насколько ему все это безразлично — эти чувства, страсти, привязанность, любовь. У него на лице написано: "Только не надо об этом говорить, и не надо ни о чем спрашивать". Еще бы, когда все будет сказано, никаких иллюзий у меня больше не будет. Что я тогда сделаю? Устрою скандал? Уйду? Такие потрясения вредны для работы, а этого Сергей допустить не может. Поэтому, наверное, и молчит — с одной стороны, кажется, идет обычная жизнь, с другой — привязывает меня недосказанностью и глупыми надеждами. Но даже если все именно так, мне сейчас плохо от того, что я ничем не могу ему помочь и от того, что ему не нужна моя помощь, или нужна, но он никогда в этом не признается.

Надо перестать с ним спорить. Все равно это ни на что не влияет. Почему я не могу простить ему грязных игр, в которые он мастерски играет? Потому что я им восхищаюсь, он прекрасен. Потому что ради него я сама согласна на любые компромиссы и сделки с кем угодно. Гимн? Пусть. Тот, кто ему мешает — сидит в тюрьме невиновным? Пусть. Мне все равно, что происходит и что будет с любым человеком, вставшим на его пути, лишь бы он был жив и здоров. Кто бы мог подумать, что я буду молчать как рыба, буду все от всех скрывать и заставлю тех, кто знает, молчать так же упорно? Никто. Но ради него я могу и не такое.

Степка долго крепился, пока не высказал мне свое удивление. Прошло ведь уже больше восьми месяцев, как длится история с передачей собственности, а наши разговоры хозяина и исполнителя по-прежнему состоят только из совместных дел и контрактов. И ничего больше.

— Ты меня сильно удивила.

— Да брось. Почему должно быть иначе?

— Например, потому что это ты, а не кто-нибудь другой. Ты всегда вела себя иначе. Да и не только в тебе дело. Я вообще ни от кого не услышал ни слова о ваших делах, это просто какое-то чудо. Уж я и так спрашивал и эдак, аккуратно разговоры подводил, никто никогда твоего имени не называет. Внутри-то у них всегда так было, каста, обет молчания, ниточки не вытянешь. Но, когда и о тебе наружу вообще ничего не проникло, это было для меня неожиданно.

— Да ладно, Степ, кто бы говорил. Ты же молчишь, что вы с Елкой ждете второго.

— Это совершенно другое дело! Ты же знаешь, какой я суеверный. И Елка неважно себя чувствует. Так что нечего болтать пока. Хотя от вас скроешь что — все уже знают.

— Да, я последняя узнала, от тебя теперь только скрывают.

— Смейся — смейся, доиграешься — выдам тебя замуж насильно.

Что же за беда такая, все говорят, что мне надо замуж. Пусть надо, но за кого? Кому надо такое счастье — женщина поглощенная только тем, как выжить, вздрагивающая от каждой тени. И к тому же влюбленная в кого-то другого, кто поглощает все время, силы и эмоции. Как ухаживать за пчелой, которая все время норовит улететь или ужалить? Кому нужно такое счастье? Сколько не думаю, мне трудно представить себе мужчину, который добровольно согласится ввязаться в историю. Нормальному человеку нет ни одной причины портить себе жизнь. Кажется, что на лбу написано — "женщина с проблемами, держаться как можно дальше". И срывы мои теперь заметны не только мне, но и проникают наружу. Ленки и Сашка пытаются как-то со мной шутить, чтобы привести в чувство, если я появляюсь на работе в растрепанном после очередной перепалки с Сергеем виде. Колька, верный друг, решил проникнуть в суть вещей и вдруг попросил меня больше не ругаться с Гончаровым.

— В каком смысле, не ругаться?

— Не базарь из-за ерунды, ты предъявляешь к нему излишне жесткие требования.

— Я стараюсь, Коль, но иногда не могу сдержаться, уж очень это все дурно пахнет и опасно для него.

— Ты его недооцениваешь. Поверь мне, он такой же хищник, как они все, как и я.

— Я знаю.

— Меня же ты не дергаешь из-за этого.

— Да, не дергаю, но не потому, что не знаю, какое ты во всем этом принимаешь участие. Знаю. Но ты — другое. Ты вспомни, пока Гончаров не появился, я тебя даже и не спрашивала, где ты конкретно работаешь и с кем. Потому, что ты — мой друг, и какие бы ни были подробности, это не влияет на мое к тебе отношение.

— А сейчас, когда знаешь подробности?

— Все равно. Ты — взрослый человек, и сам имеешь право решать, во что ввязываешься.

И от этого не перестаешь быть моим другом.

— Почему же ты не можешь и с ним так?

— Могу, проблема в другом.

— В чем же?

— Пойми, я не только могу ему все это позволить, но и сама готова на все это. В этом-то и ужас. Я не с ним скандалю, а с собой.

— Машк, ты так с ума сойдешь, если не прекратишь изводить себя всем этим. Относись к жизни проще.

— Жизнь ни при чем. Я так хочу избавиться от него. И не могу.

— Тебе надо больше путешествовать. Все спокойно, можешь себе позволить. Давай, развейся, развлекись, знакомься с новыми людьми. Не закливайся на нем, отвлекайся, влюбись, наконец. Помнишь, ты была влюблена одновременно в пять человек и никак не могла определиться? Сейчас самое время сделать то же самое.

— Я стараюсь, вот уеду сейчас.

— Отлично. Мы с Машенькой собираемся в горы, можешь присоединиться.

— Нет, теперь, когда у тебя все, наконец, нормально, отдыхайте вдвоем.

Не ругаться, не спорить, не встречать. Каждое утро я повторяю себе три правила общения. Сложнее слушать, если одновременно приходится убеждать себя только понимать, никак не комментируя. Неужели этого окажется достаточно, чтобы изменить наши отношения? До моего отъезда остается всего десять дней, и Сергей вдруг резко меняется.

- А можно я приеду к тебе?
- Это же твой дом, зачем спрашивать?
- Я не очень приятный сейчас компаньон для Нового года.
- В Будапеште тебя это не очень волновало. Приезжай, конечно. Когда тебя ждать?
- В субботу, в воскресенье, не знаю еще. Только пообещай мне...
- Что именно?
- Что мы не будем говорить о делах.
- Обещать не могу, мало ли что, но очень постараюсь.
- Договорились.

Глава 18. Январь 01

Белый каменный дом, зимнее солнце, виноградники, редкие сосны, зеленая трава, дождь, сторож—садовник и его жена—кухарка, мощный дворик, простое красное вино, ранние сумерки, машина въезжает во двор. Он устал, я уже отоспалась за два дня. Он мрачен, я спокойна. Новый год справляем где-то в пути, ездим по округе, рассматривая маленькие деревни, виллы, сады. В двенадцать останавливаемся, откупориваем бутылку шампанского и пьем из горла по очереди. Звезды, где-то запускают салюты, но довольно далеко. И так спокойно. И никаких разговоров о работе. Теперь мне смешно жаловаться на одиночество. Вот он — абсолютно одинок. Как надо жить, чтобы единственным человеком, с которым можно спокойно провести новый год, была издерганная депрессивная женщина, влюбленная как кошка?

И все-таки эти дни были прекрасны. Я настолько привыкла к тому, что он рядом, что ощущаю его как часть себя. Могу заснуть, могу читать, могу смотреть кино, могу есть, могу молчать. Уже свободно могу не спорить. Все равно, что происходит в Югославии, в Израиле, в Штатах. Все не важно. Гораздо интереснее читать, лежа в гамаке, смотреть как он сидит напротив в плетеном кресле и листает очередной том чьих-то эссе. Иногда зачитывать друг другу понравившиеся кусочки, что-то обсуждать. Потом идти гулять, наблюдая зимнюю жизнь. Или ехать куда-нибудь недалеко.

Долгие годы я проверяла людей тем, как они водят машину. То, что в разговоре можно легко пропустить, не заметить, сразу вылезает, как только человек садиться за руль. Мелочность, подлость, отсутствие тормозов, безответственность — пять минут обычной дороги и можно писать подробное заключение. Какими словами меня ругал Степа, когда я первый раз отказалась взять клиента из-за его стиля вождения. Я и не подозревала за ним таких неистощимых запасов мата, которыми он поливал меня минут пять по телефону. Он-то выслал меня заключать контракт и начинать работу, а я ему говорю, что с таким человеком работы не будет никогда.

— Почему, объясни мне, почему?

— Он — слабак, совершенно гнилой внутри. Здесь у него два соперника. Если они вдруг начнут использовать силу или угрожать, он сдаст нас с потрохами, выставит контракт и работу действием враждебных ему сил. И еще скажет, что он лично ко всему этому не имеет никакого отношения. Мне совершенно не хочется оказаться между двух ополоумевших бандитов. Так что можешь приезжать и разбираться сам, а я уйду в отпуск.

— И как я ему объясню, почему мы отказываемся работать?

— Элементарно. Он — патологическая жадина. Заломи цену до неба под предлогом того, что на месте все оказалось настолько неприглядно и опасно, что мы просто не можем работать за оговоренные деньги. Если ты, конечно, уже называл ему конкретные цифры.

— Нет, не называл.

— Ну вот умножь свою цифру на десять, и он сам откажется.

— Эти знания ты тоже почерпнула из его стиля вождения?

— Представь себе, да.

Когда через месяц другие люди, взявшие контракт, бежали оттуда, чудом избежав серьезных проблем со здоровьем и жизнью, Степа сказал, что будет разрешать мне до заключения контракта посмотреть, как потенциальный клиент водить машину.

В Тоскане я впервые увидела, как машину водит Сергей. Если я и могла раньше думать, что откажусь от него, забуду, то теперь где мне найти повод отказаться от человека, с которым я чувствую себя спокойно на любой скорости и на любой дороге? Он ни разу не испугал меня, даже когда, обгоняя по встречной безумный трейлер, мы увидели в двадцати метрах перед собой фары несущейся на нас машины. Мне стало на секунду некомфортно и захотелось найти ногой тормоз. Но он как-то незаметно увел машину в сторону, сказав одновременно "не бойся". И я поняла, что рядом с ним действительно ничего не боюсь. Впрочем, это всего лишь очередной самообман. Если бы он шараялся на дороге от каждой тени и держался за руль трясущимися руками, я все равно предпочла бы ехать с ним куда угодно, чем уйти, обнаружив, что он труслив и неуверен в себе. И одного его слова мне было бы достаточно, чтобы перестать бояться, как сейчас.

Освобождение от страха было мгновенным и походило на землетрясение. Наверное, в такой момент можно спокойно умереть, даже зная, что никакие желания после этого не подлежат исполнению. Сколько сразу освободилось места внутри, я чувствовала себя воздушным шаром, который много месяцев был наполнен песком, и вдруг воздух выпихнул тяжесть.

Исчезнув, смрад моих кошмаров позволил отдохнуть и выспаться до прояснения в голове. Как будто медленно и постепенно заканчивался завод у внутреннего механизма, заставлявшего бежать, и, наконец, удалось остановиться полностью, очистить замусоренные мысли и разложить все по полкам. Конечно, это не сознательный и тяжелый труд, но беспорядок внутри все время свербит занозой, хочется понять себя и найти, куда же пойдешь, что выберешь. Ищешь выхода в полной темноте, и вдруг все замирает, и утром просыпаешься, твердо зная, что нашел.

Сложно ли было понять на бегу, что шансов остаться жить там, где живешь, больше нет? Понять просто, но принять — нет. Столько лет была идея, что можно растить садик, поливать его и смотреть за тем, как он растет. И вот теперь вдруг согласиться с тем, что больше такой возможности нет. Где-то закрылась дверца, отмеряющая возможности, и теперь надо или смириться с происходящим,строиться. Или пора уезжать. Уезжать совсем и начинать все заново. Выбор настолько прост и понятен, что легко и смешно. Только хочется проверить как-то, не эмоции ли это, усталость и неустроенность. Сейчас все равно нельзя остаться и не вернуться. Но надо найти время и возможность проверить, насколько твердо мое решение уходить вне зависимости от моих отношений с Сергеем. И сохранить как можно дольше внутри легкость и спокойствие наступившей ясности.

Теперь я перестану горевать, что надо возвращаться к работе. Наоборот, чем раньше наступит конец новогодней паузы, тем раньше я докажу себе, что теперь в моей жизни наступил этап сбора вещей. Я чувствую открывшееся второе дыхание и вдруг впервые хочу изменения ландшафта. Пусть будет кризис, чем сильнее, тем лучше, и тогда я получу шанс испытать себя, используя для этого первый попавшийся шанс. Например, начну обращать внимание на то, что, чем ближе отъезд, тем чаще Сергей задумывается на пару секунд, позволяя проступить на лице нутру раненого, но готового биться до конца хищника. Ему часто звонят, и после каждого следующего разговора он становится еще мрачней. Терпение никогда не было моей сильной чертой. Вот и теперь оно иссякло четвертого января.

— Знаешь что, рассказывай, в чем дело. В конце концов, это разговор не о работе, а о тебе.

— Не хочу.

— Тебе придется.

— Назови хоть одну причину.

— Тебе придется все мне рассказать потому, что я тебе дала год для работы. И я не собираюсь смотреть, как ты себя изводишь. Рассказывай. Как бы тебе это не было неприятно, но, скорее всего, я смогу помочь.

— Это чушь. Причем здесь "неприятно". Просто, ты не сможешь мне помочь.

— У тебя не осталось уже других вариантов. Расскажи мне, что с тобой происходит, и попробуем что-нибудь предпринять.

— Ну и чем ты поможешь?

— Я помогу тебе всем, чем смогу, но для этого мне надо знать подробности. Ты боишься что ли? Ты же ничем не рискуешь.

— Долго рассказывать.

— Времени полно. Подожди, я возьму блокнот.

— Зачем?

— Записывать имена действующих лиц.

Четыре часа длился этот разговор. Самым удивительным открытием для меня стало то, что он больше всего дергается, совершенно не умея жить под прямым обстрелом. Вот почему он так скрытен и не любит журналистов. Нападки на себя лично он воспринимает, как булавоочные уколы, и раздражается как покусанный медведь. Дело было даже не в том, что под него копали и хотели убрать. Хуже всего он переносил то, что копались в его жизни и очень успешно.

— Неужели это так болезненно, Сережа?

— Что?

— То, что ты ешь на обед младенцев и прочая ерунда.
 — Кому какое дело, что я ем на обед?
 — Люди любопытны, злопамятны и неблагодарны. Неужели, если бы у тебя был шанс все вернуть назад, ты поступил бы иначе?
 — Нет, я все сделал бы точно так же.
 — То есть ты не стыдишься своего прошлого? Ты во всем уверен и ничего не хотел бы изменить?
 — Да.
 — Тогда незачем терзать себя. Да, тебя обвиняют в конкретных вещах, но не все ли равно? Ты же всегда молчишь и никогда не отбрехиваешься от них. Ну и оставь все так же. Пусть разоряются, рано или поздно им надоест.
 — Что ж, ты не будешь меня осуждать?
 — С какой стати?
 — Я же, по-твоему, все делаю неправильно.
 — Это не так. Ты делаешь то, чего я делать и не могу. Методы, которые ты выбираешь, мне не нравятся, но ты достигаешь тех результатов, которые мне обещал. А о цене мы не говорили.
 — Что, и гимн простишь?
 — Прощу, конечно, ты сам себе его не простишь. В этом-то и проблема. Если б ты себе все простил, ты бы так не мучался.
 — Думаешь, надо все простить?
 — Ты же книжки читаешь, знаешь, как написано: "Блажен, кто не осуждает себя за то, что избирает". Для тебя этот закон должен действовать. Идешь — ну так иди, не изводи себя понапрасну.
 — Да, действительно, я и забыл об этом. Но это не изменит внешней ситуации, дальше будет только хуже.
 — Внешнее проще поправить. Расскажи, откуда ветер дует, кто, зачем, за что? Все подробности, если ты умеешь рассказывать все.
 — Издеваешься...
 — Совсем нет. Обнаруживаю знание предмета.

Конечно, что-то я и сама могла раскопать, но всегда быстрее услышать. Записала около сотни имен, и теперь мне надо было подумать. Читая фамилии и должности, у меня мелькала мысль, как их всех заставить замолчать. Не просто замолчать, дело тут было не в молчании. Мне нужно было создать ситуацию, при которой вся их работа оказалась бы бессмысленной. Дискредитировать саму идею критики, чтобы наезд был проигрышем, заставить всех поверить в бессмысленность и предвзятость любого сопротивления. Проще говоря, мне надо всего лишь разрушить собственное дело, когда негативные факты начнут игнорироваться, и через некоторое время уже будут считаться только бессильным злобствованием. Еще совсем недавно это было бы не мое дело, но все изменилось. Собирая вещи, можно при наличии помощи со стороны, уничтожить любимое дело, подложив мину замедленного действия на поле, которое исправно годами кормило и поило, но теперь, когда надо уходить, за моей спиной оно окажется развороченным взрывом и усеянным осколками, поверх которых не вырастить ни травинки. И это был мой шанс пройти обычный путь выполнения заказа, но в необычных условиях. Увижу и услышу то, что даст мне возможность решить права ли я, выбирая отъезд.

— Мне надо сделать три звонка. Только до этого ты скажешь словами, что ты мой клиент и будешь меня слушаться.
 — Что мне придется делать?
 — Ничего страшного, но ты должен сделать то, что я скажу.
 — А если я откажусь?
 — Мне же лучше.
 — Хорошо, я твой клиент, но слушаться буду, если соглашусь с тем, что ты собираешься делать.
 — Договорились, только молчи об этом.
 — О, ты уже и здесь предпочитаешь не "светиться"?
 — Я не должна "светиться".

Первым делом надо было позвонить Степе.

— Степ, мне нужно твое разрешение на одно дело. Я буду заниматься им лично, как я, а не как директор твоей лавки.

— Но дело по нашему профилю?

— Да.

— Кто клиент?

— Сам догадайся.

— Ты с ума сошла! Ты хоть понимаешь, во что и с кем ты ввязываешься?

— Понимаю, а ты понимаешь, что поставлено на кон? Что я уже поставила? Я не могу так все это бросить и ничего не предпринять.

— Ты будешь заниматься этим лично?

— Да. Если мне будет кто-то помогать из наших, то тоже лично и без всякой связи с работой. У клиента, как ты понимаешь, денег нет.

— Не смей меня, найдет, чем заплатить.

— Найдет, но пользоваться этим не стоит. Ты разрешишь мне?

— Да, делай. Если получится, будет понятно, кто и как сделал, а это будет нам только в плюс. Не получится — это было твое личное дело.

— Скажи, а ты поможешь мне?

— Я? Лично я?

— Да, лично ты. Мне будет нужна твоя голова. Идея, как все прокрутить, у меня уже есть, но если не получится, будет плохо, и надо будет срочно искать обходные пути.

— Я лично тебе помогу всегда.

— Спасибо, я позвоню попозже.

— Привет клиенту, будет должен.

— Ты же знаешь, он должен мне.

Потом позвонила Гошке. Он тихий гений, он может из списка фамилий и нашего архива нарисовать идеальную схему: кого за какую ниточку нужно потянуть. И он согласился помочь мне лично, зная, кто клиент, и зная, что это не для работы. Милый Гошка, вот кого я мечтаю женить на крепкой хваткой девице, которая будет строить дом, тушить пожар, рожать ему детей, а он будет тихо работать.

Третьим должен быть Пашка. Бандит и двоечник, которого никак не могли выставить из школы, потому что в последний момент он всегда начинал учиться и вылезал. В шестнадцать лет случайно зашел в церковь на службу и больше оттуда не вышел. Смог окончить школу с золотой медалью, поступил в семинарию и теперь работал в Патриархии. Мы с ним были как два башмака на разные ноги. Мне не подходила его жизнь, а ему моя. Я предъявляла ему претензии, которые имела к его Богу. Он пытался вправить мне мозги. Я не понимала, с какой стати он принял монашеские обеты. Он обвинял меня в дурости и кричал, что мое дело детей рожать и котлеты жарить, а не интригами заниматься. В этот момент мне приходилось опускать глаза в пол и говорить: "А не надо было в монахи идти, я бы тебе котлеты и жарила". И тут спор прекращался, потому что мы умирали от хохота. Представить себе, что я ему буду жарить котлеты, ни один из нас не мог. Такое не возможно, если вспомнить, как он учил меня пить водку в восьмом классе и пытался научить курить. Теперь он не курит, а вот пьет все больше. Мы с ним давно не виделись. Несколько лет назад Пашка водил меня к своим начальникам, и мне удалось поработать с ними, но добром это не кончилось. Даже Пашка не знал, как страшно я поругалась с владыкой, после чего уже два года не появлялась у него на работе. И вот теперь только Пашка мог мне помочь в реализации моих сумасшедших идей, даже не столько он, сколько владыка. Как мне не хотелось звонить и идти к нему. Чтобы отсрочить или отменить звонок, я даже попытаюсь спровоцировать Сережу.

— Тебе привет от Степы. Пытался сказать, что ты будешь ему должен. Я объяснила, что должен ты только мне.

— Зато сколько должен...

— Не горюй, вексель еще не предъявляются к оплате. Давай пока я тебе расскажу, во что мы вляпались с моей точки зрения.

— Очень интересно послушать.

— Скажи, ты понимаешь, что возмущение против тебя вполне справедливо и обосновано?

— Поясни.

— Против тебя выступают люди, которые считают, что ты, обладая не меньшими деньгами, получив их так же, как они, пытаешься, тем не менее, провести какие-то реформы за их счет. И под шумок оттяпать себе еще кусочек. Причем используешь для этого угрозы жизни. Шантаж, захват

заложников. Угрожаешь тюрьмой и используешь ее в качестве силового давления. Ты пытаешься отнять у них деньги и сам при этом ничем не рискуешь, ни деньгами, ни жизнью.

— Допустим. И что?

— Они пытаются наносить тебе ответные удары. А теперь скажи мне как можно точнее — могут ли они использовать против тебя такие же методы?

— Захват заложников, угрозу жизни, тюрьму и прочее?

— Да, все это.

— Могут и пытаются, хотя пока безуспешно.

— Тогда перед нами несколько проблем. Первая и самая сложная — президент.

— Где проблема?

— Я хорошо понимаю, что у вас с ним очень близкие отношения, и это означает, что он тебя не сдаст в критической ситуации. Но, с другой стороны, он обидчив, злопамятен и мстителен. Если ты уже успел его обидеть, причем публично, то он, конечно, "заточил". Терпение у него безграничное, он будет ждать самого выгодного момента для нанесения удара. Понять, как он к тебе относится, нельзя. Поэтому надо исходить из того, что относится плохо, и подготовиться к падению.

— И кто-то еще меня обвинял в паранойе? Какие открываются неожиданные стороны личности.

— Итак, для того, чтобы выяснить положение дел, хорошо бы тебе стать сенатором. Можно не торопиться, можно выбрать регион или тихий, или проблемный, как будет нужно. Разрешит тебе получить неприкосновенность — хороший знак. Получишь ее — еще лучше. И относится хорошо, и прикрыт.

— Но это не так просто, как ты понимаешь. Во-первых, нужно обосновать подобный шаг. Во-вторых, реализовать план.

— Время пока есть, за полгода ты вполне сможешь добиться нужного решения, а дальше дело техники — места будут освобождаться постепенно, приглядишь себе что—нибудь.

— Хорошо, это вполне разумное предложение. Следующая проблема?

— Дальше — сложнее. Мне кажется, сейчас важно правильно разыграть православную карту.

— Это еще зачем?

— Ты должен занять позицию, позволяющую тебе быть невидимым, не заниматься публичной политикой и в то же время в каких-то вопросах быть незаменимым. С губернаторами тебе общаться нельзя — слишком опасно. Они еще слишком сильны и твои друзья могут решить, что ты ищешь себе поддержку на стороне. Нужно, чтобы тебя знали в регионах. И регионы мы будем называть епархии. Надо аккуратно общаться с епископами, с патриархией и выяснять на какие красивые идеи им не хватает денег. Они же свои деньги жалеют на нужное, вот мы и дадим.

— У них нет своих денег.

— Продолжай так думать, это даже полезно для реализации плана. Ты им и так помогаешь, так что это не вызовет лишних вопросов. В этом году с православными может быть много проблем, вот и будешь чрезвычайным и незаметным послом. Президент же не может светиться, Церковь-то формально отделена от государства. И церковникам тоже не очень нравится говорить прямо. А тебе скажут. И это будет очень полезно. И самое отличное было бы, если бы они молебны служили и говорили о том, как ты им помогаешь.

— Нет, этот вариант мне не нравится.

— Почему?

— Я им помогал не для этого. Это сторона жизни вообще никого не касается. Я не собираюсь выставлять ее на всеобщее обозрение.

— Ты и не будешь ничего выставлять. Ты будешь продолжать делать то, что делал. И еще кое-что.

— Нет, извини, это невозможно.

— Почему?

— Потому что есть вещи, которыми не играют. У всех есть. И у меня тоже. Вот этим я не играю. Бог тебе не слуга.

— Я про Бога ни слова не сказала, только про Его служителей. Они такие же люди, как и все, к ним применимы те же правила.

— Я не позволяю тебе в это играть. Это слишком опасно.

— Отлично, то есть держать людей в тюрьмах, чтобы дожать сделку или сбить цену — это нормально? А использовать церковь нельзя?

— Ты прекрасно знаешь, что только необычные сделки требуют таких методов. А то, что ты предлагаешь, это совершенно невынужденный шаг. Не играй с этим.

— Ты не хочешь сам этим заниматься или мне не позволишь?

— А какая разница?

— Большая. Если ты не хочешь ввязываться, я могу и сама повернуть это дело. Даже проще будет. Договорюсь обо всем, а ты будешь в тени, вроде и знаешь, а вроде и нет тебя. Тогда ты сможешь использовать это для себя?

— Допустим, соглашусь, но чего ты хочешь добиться?

— Сыграю на вашем общем православии. Насколько я понимаю, до сих пор церковь не решила для себя проблему доступа к телевизору. И за это она будет готова на многое. Да и тебе не помешает прикупить себе что-нибудь небольшое. Никто не откажет, если ты скажешь, что поделишься с православными телеканалом.

— То есть ты предлагаешь сделать всех? Купить канал, приручить церковные власти, стать бескорыстным героем, который примиряет власть и церковь и одновременно играет на православии властей?

— Что-то в этом роде.

— Мне не нравится в этом плане только одно. Что надо использовать церковь.

— Бога боишься?

— Да, боюсь.

— Исповедуешься лишний раз. Не повредит. И отменишь арест как меру пресечения. Вот тебе и наказание от меня.

— Не знал я, с кем связался.

— Теперь поздно уже. Со Степой поговори, он тоже все про принципы любит разговаривать, про духовность, главное, чтоб было кому беспринципно делать. Пошли дальше?

— У тебя еще идеи есть? Продать душу дьяволу?

— Это подождет или, по правде говоря, наверное, уже все продано давно. Возвращаясь к тем, кто на тебя наезжает. На мой взгляд, ты зря их дразнил эти полгода. У них есть проблемы, они хотят их решить, пытаются наладить отношения, создают советы, комиссии и тебя там видеть не хотят. Тебе же не удастся показать им, что они тебя выгнать не могут.

— Вовсе нет. Как я могу не входить туда, у нас же равноудаление? Если я туда не вхожу, значит или я дальше, или ближе.

— Никому ты своим равноудалением голову не заморочишь. Тебе надо отойти на второй план. Есть главная комиссия, а ты войди во второстепенную. Лояльные люди есть везде, будешь в курсе событий, но не дразни гусей. И поддерживай любые идеи создавать благотворительные фонды, любую сдачу денег, не выделяйся, но и не отставай, чтобы было понятно, что ты точно также теряешь, как все.

— И денег дашь?

— Сам возьмешь, в тумбочке лежат.

— Это все?

— Пока хватит. Надо посмотреть, как дело пойдет, прочитать, что мне напишут по твоим делам. И как только ты договоришься о покупке канала, позвонить еще одному человеку. В патриархии служит.

— Не нравится мне все это. Не затевай.

— Пожалуйста, меня это вполне устраивает.

— Почему?

— Потому что я разорву наш контракт, ты перестанешь быть моим клиентом. И тогда мне не придется идти на поклон к человеку, которого я бы с удовольствием больше не видела и не слышала.

— Это кто ж такой?

— Есть у вас один такой епископ.

— Чем же он тебе не угодил? Насколько я знаю, ты с епископами хорошо поработала и много заработала.

— С этим мы очень нехорошо расстались. Он, правда, сказал, что приду еще и в ножки поклонюсь, но если ты откажешься использовать церковь, то необходимости делать это сейчас не будет.

— Впервые слышу об этой истории.

— А ты думал, что досье может быть полным?

— Надеялся.

— Этой истории там нет, потому что рассказать о ней могут только я и он. Я этого не делала и он, думаю, не стал бы.

— Что же ты ему такое сказала?

— Я тебе потом расскажу, когда будет настроение.
— Хорошо, я обещал тебе доверять и буду. Только учти, такие вещи даром не проходят. Аккуратней с огнем играй, можно и обжечься.
— Я не верю в сверхъестественное. Я верю в физику и в то, что человек сам по себе отвратительное существо.
— Смотри сама. Это твое дело. Я тебя слушаюсь. Пока.
— Хорошо, тогда я позвоню. Ты, главное, согласуй возможность такой покупки.
— Попробую.
— И не откладывай надолго.

Хорошо, когда отступать некуда. Если б у меня было время в запасе, или мне было не очень нужно все это, я бы столько времени откладывала этот звонок. Как поход к зубному: вроде дырка, но не болит же, можно еще погулять на свободе. Когда припрет, уже не думаешь ни о чем, бежишь сломя голову. И теперь я подгоняю минуты, чтоб скорее выяснилось, смогу я повернуть эту операцию или нет. Я уже начинаю прикидывать, как и что сказать, когда встреча состоится.

— Прекрати грызть палец.
— Что?
— Палец грызть прекрати
— Отстань, я нервничаю, и потом мне надо мысли сложить по полкам, чтоб не испортить ничего. А то еще ляпну опять что-нибудь.
— А что ты тогда ему сказала?
— Да какая разница! Сказала уже и не жалею. Что думаю, то и сказала.
— Рассказывай, а то еще подумаю что-нибудь не то.
— Что, например?
— Что ты могла опуститься до связи с епископом.
— Ничего смешного. Мне все эти ваши правила не указ. Могла бы, если б захотела. Но это тут ни при чем.
— Тогда что?
— Епископ тоже человек, ему же не могло понравиться, что его деятельность объявили позором для церкви. И я отказалась работать с ними, потому что мне не нравилось то, что они заказывали отмазывать.
— Алкогольные льготы что ли?
— Ну да.
— Ты прям дон Кихот. Как еще без работы не сидишь.
— Видимо, много таких, как ты, кто мечтает на меня свои проблемы переложить. Они тоже были не против, но не вышло. Я хоть и не верю во все это, но книжки читала, знаю, что соответствует, а что не соответствует образу служителя Христа. Даже мои возможности не безграничны. Черное белым не делаю.
— Тебе язык когда—нибудь вырвут.
— Волков бояться, сам знаешь.

И опять можно расслабиться. Чувствуя бурю, которую собираешься вызвать собственными руками, повернуть винтики, что—то изменить.

— Надо было отдыхать спокойно и ничего тебе не говорить.
— Ты бы видел себя. С таким лицом спокойно не отдыхают.
— Перестань, это было прекрасно. Жаль коротко.
— Да, жаль.

О чем каждый из нас молчал следующие пять минут. Или их было не пять, а больше? Я думаю о том, что не смотря на все, что я о нем знаю и не знаю, мне кажется, жить с ним было бы очень приятно. Да, у нас нет бытовых проблем, потому что есть деньги, но если бы денег было меньше, и не было бы Тосканы, возможности не готовить и не убирать, все равно молчать было бы так же хорошо. И никакими деньгами я не могу купить уверенность в том, что завтра он будет жив. О чем он думает? Понятия не имею.

Если в этот момент вспомнить наши разговоры, то, кажется, сплошные споры, лекции, диспуты. Все так серьезно. Но, если вспоминать настроение, то сразу сводит лицо от постоянного смеха. Не могу вспомнить ни одной шутки, и при этом мы все время хохочем. Голова занята делами,

проблемами и еще тем, что все время пытаешься найти знак или признак того, что не только я люблю. Но все без толку. Не потому он сейчас со мной, что я ему нужна. И, на самом деле, он не со мной.

- Ты это все нарочно придумал.
- Что именно?
- Ты нарочно придумал мне дело, чтоб было не так обидно уезжать отсюда.
- Понравилось?
- Очень.
- Так оставь себе, это же твой дом.
- Дом твой, но, может быть, приеду как—нибудь еще.

И загрузив голову тем, что я подписалась на ненужную работу, с неясными перспективами только для того, чтобы определиться в жизни, мы поехали в аэропорт. Мне нейдет, как перед скачками. Как бы хотелось скорее все выяснить, получить возможность двигаться. Дело не в отъезде, просто впервые я работаю в новых условиях. Правила определены, теперь надо понять, смогу ли я по ним играть. Смогу ли я встроиться? Захочу ли, когда пойму правила игры? Я ведь еще думаю, что найду уголок, где все будет по—моему. Вот и проверим.

Январь почти прошел, когда Сергей сказал, что все согласовано. И канал нашелся, идея пришлась ко двору. Удачно было то, что, с одной стороны, подобный жест должны были расценить как покровительство, а с другой — можно было на ограниченной территории испытать, позволить ли им съесть побольше.

И тогда я позвонила Пашке.

- Мне нужно завтра увидеться с твоим начальником и потом желательно с его начальником тоже.
- Мой откажется встретиться с тобой, ты же знаешь
- Мне очень надо, постарайся. Нужно полчаса времени, чтоб все ему объяснить. Будь уверен, вам это тоже нужно, не только мне. Я могу подождать некоторое время, но не очень долго.
- Во что ты опять нас втягиваешь?
- Вы сами всегда себя во все втягиваете, я вас отмазывать пытаюсь.
- Ладно, я с ним поговорю. Когда ты сможешь приехать, если что?
- Сегодня, завтра, как скажете.
- А если он все—таки не захочет?
- Тогда скажи ему, что он был прав, приду ему завтра в ножки кланяться. Передай, что это я так сказала, он поймет.
- Жди, перезвоню, как поговорю с ним.

Ждать не люблю, да и кто любит. От тебя ничего не зависит, сидишь и теряешь время. Не теряешь, конечно, работаешь, живешь полной жизнью. Но все время какой—то частью думаешь: "Сложится? Не сложится?". Но в этот раз все шло как надо. Пробки на дорогах не мешали, люди были точны и словно ждали чего—то подобного. Все началось с владыки.

- Зачем пожаловала?
- По делу. Сразу скажу, готова и в ножки кланяться, но и для вас это тоже очень важно.
- Тогда рассказывай, времени у тебя полчаса.

Этого времени хватит с лихвой, когда у меня совершенно нет желания говорить правду. Кажется, я придумала достаточно убедительную версию. И действительно, у меня есть клиент, который хочет прикупить эфир, и при этом хочет часть его пожертвовать на благие нужды. Им решать, пойдут ли они на такую сделку. Даже и не сделку, а просто возможность иметь постоянный доступ к ящику. А значит и к большим делам.

- А ко мне зачем пришла? Это не мой кусок.
- Мне кажется, если я с вами не договорюсь, ничего у меня не получится.
- То есть ты предлагаешь забыть старые обиды и помочь тебе провернуть очередное дело.
- Я предлагаю забыть старые обиды, договориться о правилах игры и двигаться согласно договоренностям. Никто и никогда ведь не позволит вашим представителям официально рулить.

Управлять и смотреть за хозяйством будут другие. Поэтому нам с вами имеет смысл все определить сейчас, чтобы квоты были выгодны всем.

— Хитра, ничего не скажешь. Как—то ты переменялась за два года. Пропал юношеский максимализм.

— Пропал? Может быть. И оказалось, что все хотят только блага, но понимают его по—разному и жертвуют разным для его достижения. И, глядя на все это, мне показалось, что зря я с вами тогда поскандалила. Да, наверное, юношеский максимализм потихоньку сменяется возрастом.

— Не могу сказать, что ты теперь говоришь приятные для меня вещи. Видимо, надо подождать еще лет пять—десять.

— Поживем — увидим. В любом случае, сейчас я думаю, что мне было бы лучше сохранять с вами хорошие отношения, чем ругаться. Пользы было бы больше.

— Пользы кому?

— Мне точно, вам — не знаю, но тоже не исключено. Назад все равно не вернуть.

— Постараемся наверстать упущенное. Сейчас у меня действительно больше времени нет. Давай встретимся на следующей неделе и все обсудим. Расскажешь подробности, и договоримся.

— Хорошо. Так и сделаем.

Глава 19. Февраль 01

Как я могла согласиться сознательно манипулировать окружающим? Зачем я начала использовать не факты, а людей? Откуда во мне способность, не оглядываясь вокруг, создавать вокруг гниль и грязь? Ведь то, что я сейчас делаю, другими словами не назовешь, нет слов и внутренней уверенности сказать "просто иное понимание блага". Ни справа, ни слева, ни сверху, ни снизу, ни с одной из сторон мои дела не выглядят приглядно, но особенно изнутри. С каждым словом я все глубже погружаюсь в жизнь, которой не просто не хочу, но испытываю отвращение. Делать вежливое и доброжелательное лицо, выслушивать напыщенные глупости мелких начальников, готовиться к судам, объяснять что-то людям, которые ничего не хотят, только денег и покоя. Я ненавижу их, потому что тоже не хочу ничего кроме. Каждый день надо заставлять себя выполнять контракт, вести войну, подставлять нормальных и приятных в общении людей ради отвратительных, лицемерных сволочей. Мне нужно через все это пройти, чтобы понять, что теперь мои клиенты будут только такими. И вариантов у меня два: или согласиться с этим или уйти, когда меня начнет тошнить от отвращения. Главное, чтобы тошнило сильнее, чем мне хотелось остаться с Сергеем любой ценой. Я уже ненавижу свою работу, только потому, что впервые взялась за заведомо противное мне дело: ради конкретного человека, ради моего к нему отношения и ради эфемерной возможности, что он относится ко мне так же, как я к нему. И как бы не старалась, мне не удастся убедить себя в полезности, нужности или просто безвредности результатов моих манипуляций. Пока еще не известно, где предел моей лояльности, и как сильно я готова вляпаться ради него, в какие долги влезть по отношению к самой себе.

Еще можно запомнить, что пришло первое февраля, когда вдруг утром Василич входит в мой кабинет и ставит на стол ящик с лимонами. Разведчик, не упустил шанса порадовать меня милой шуткой. Больше всего мне хочется сейчас поблагодарить его словами, который точно покажут, насколько я ему признательна за этот жест. Говорить, но не показывать, что вдруг начал дрожать голос и не могу сдержать слез.

— Маша, что с тобой?

— Плачу.

— Что еще случилось? Я же не лук тебе принес.

— Вдруг поняла, что теперь у меня, что февраль, что июнь — оно и тоже.

— Только сейчас поняла?

— Только сейчас заметила.

— Не расстраивайся, все проходит.

— И плохое тоже?

— Да, только не сразу и, кажется, что длится дольше. Ты бы забыла его, не нужен он тебе. Только силы растратишь и время.

— Вы думаете только в этом дело?

Замолкает, что-то просчитывает, прищурив цепкие холодные глаза и просверливая во мне дырки, чтобы, видимо, взять на пробу то, из чего я сделана. Оценивает и взвешивает, вздыхает и, закулив непереносимо крепкую сигарету, молчит, дожидаясь пока я повторю вопрос.

— Разве в этом все проблемы?

— Точно не скажу, но думаю процентов на девяносто.

Затягивается, через некоторое время выпускает в воздух клуб почти темного горького дыма и молчит.

— Почему?

— Потому что, Маша, ты, конечно, не слабая и любого мужика под себя подомнешь, но не его. Был бы другой, уже все бы срослось, и ты бы спокойно работала или детей рожала. А этот сам кого хочешь подомнет, переломит или узлом завяжет.

— И что же мне делать?

— Что тебе делать, ума не приложу. Когда моя младшая лет в девятнадцать глаз на него положила, я ее немедленно отправил в Штаты учиться. Как только понял, что еще чуть-чуть и

влюбится, сразу выпихнул без сантиментов и разговоров. Тебя же я не могу так по-отцовски выслать. Хотя вы с ней почти ровесницы. И она, дурочка была маленькая, а ты-то знала во что влипла?

— Да я не собиралась ни во что влипать. Сразу было понятно — надо держаться подальше. Даже трудно сказать, когда я ошиблась и позволила ему сократить дистанцию. А потом уже было поздно.

— Уйти никогда не поздно, только сейчас на это тебе понадобится гораздо больше сил. И теперь уже есть другие обязательства и договоренности, с которыми так просто не расправишься.

— Слишком много долгов, хотите сказать?

— Не слишком, но платить придется.

Долги как кошмар преследуют меня везде. В ароматных и кислых лимонах, которые регулярно приносят в кабинет, мои проблемы можно измерить ящиками, а не штуками. Я перестаю понимать, о чем сообщают агентства, о чем идут разговоры. Я все время думаю о том, сколько и чем мне придется заплатить по невидимому жизненному векселю, выписанному мной в январе неизвестно кому.

— А что ты думаешь о долгах?

Ничего себе, о чем это Сергей меня спрашивает? О каких долгах? Решил выяснить отношения? Прояснить позиции? Зачем — непонятно. А, может быть, я что-то опять не так поняла? Надо бы переспросить пока пауза не затянулась до неприличия.

— Ты о чем?

— Что ты думаешь о государственных долгах — платить или нет?

— Платить, конечно. Других вариантов нет.

— Есть, конечно. И почему платить?

— Как тебе сказать, мне кажется, особого выбора нет. Долги — страшная вещь. Хочешь — не хочешь, всегда придется заплатить. Даже если откажешься сделать это в срок и как обещал. Рано или поздно выплатишь все до копейки. Если долги не денежные, тоже все придется отдать.

— А если долги не твои? Как сейчас. Выплатишь — разоришься.

— Не разоришься. Если разоришься, не надо было брать на себя. Эти долги уже взяли, придется отвечать. И потом с вашим стремлением все время апеллировать к прошлому, что оно было прекрасное, великое и замечательное, идеологически неверно отказаться от этих долгов.

— Интересно. Так ты потому не берешь в долг? Боишься, что не сможешь вернуть?

— И поэтому тоже. И потому, что если мне не хватает денег, значит я не правильно их считаю. И еще потому, что все равно образуются не денежные долги. Каковы они, почему получаются, и когда их придется платить, я просто не знаю. Так что если каких-то долгов, хотя бы денежных, можно избежать, надо это сделать.

— Слишком много страха в твоей жизни. Я прав?

— Сколько есть. Что тут сделаешь?

— Ничего, просто перестать бояться нормальной жизни — все равно невозможно рассчитаться по всем долгам до конца.

— По собственной воле, к сожалению, нет. Жизнь заставит.

— Думаешь, и меня жизнь заставит заплатить то, что я должен тебе.

— Если ты откажешься платить добровольно? Конечно.

Можно было бы продолжать этот разговор. Перейти на обсуждение деталей выплаты. Но он же меня переиграет, он заговорит о деньгах, о реальных и конкретных измерителях возвращения векселей. А я-то хочу говорить о том, что мне бы не помешало получить что-то другое. Только себя он не отдаст. И говорить об этом не будет. Или можно было бы поговорить о единственном изъяне моей теории долга — когда мой долг выплачивают не мне. Это и есть "жизнь заставит". Но я бы предпочла, чтобы ты, Сережа, все выплатил мне.

Пока же он держит меня на голодном пайке, когда любая мелочь становится поводом для гордости. Да, в этом году меня позвали праздновать его день рождения в узком избранном кругу. А, может быть, круг потребовал предъявить. Хотя кого я там не видела? Колька, Василич, еще пара близко знакомых. Другие люди — старые друзья, старые подруги. Я сидела так, чтобы не иметь возможности разглядывать женщин. И рядом со мной расположился скромный бородатый человек лет сорока пяти. Интересно, кто он? Сидит рядом с Сергеем, мало говорит. Мало ест и не пьет.

— Вы здесь первый раз, как мне кажется?
— Да.
— Мало кого знаете?
— Почти никого.
— Меня зовут Владимир.
— Очень приятно, Маша.
— Я знаю. Сергей рассказывал.
— И что говорил?
— Много разного. Но поделиться не могу, извините.
— Забавно. Видимо, не очень приятные для меня вещи говорил?
— О нет, просто я не могу об этом рассказать — тайна исповеди.
— А, так вот вы какой, отец Владимир.
— Видите, он и вам обо мне рассказывал.
— Нет, что вы. О нашем существовании я узнала совсем из других источников. Сергей со мной о таком не разговаривает.
— Вас это обижает?
— Конкретно это? Не больше чем все остальное. Но это все равно, что обижаться на "черный ящик". Или это такое устройство, или просто по отношению ко мне. В любом случае, это факт. Обижаться тут не на что.
— А по—моему, он для близких людей открытый человек.
— Значит, я не очень близкий.
— Вы так думаете?
— Мне так кажется.
— Возможно, нашей с ним дружбы он не хочет обсуждать, зная ваше не очень хорошее отношение к верующим.
— Мы с ним это никогда не обсуждали, он не может знать моего отношения к верующим.
— Значит, я неправильно выразился, негативное отношение к православным.
— И этого мы с ним не обсуждали. Что он знает точно, что мне кажется отвратительным политика двойных стандартов, которую практикуют служители церкви. Впрочем, это не мое дело: снаружи легко судить о том, как все должно быть.
— Да, наверное, бывают очень некрасивые истории. Но существо вопроса определяют не они.
— Что вам сказать, у меня нет опыта того, что вы и Сергей называете верой. Поэтому мне приходится довольствоваться внешними вещами. То, что я вижу, не соответствует тому, что написано в книге, к которой вы апеллируете.
— Понятная позиция. Тут мне нечего вам сказать, кроме того, что рано или поздно вы тоже получите такой опыт.
— Вы так в этом уверены?
— Это мой опыт веры. Рано или поздно обязательно. И еще, хочу вам сказать, если мы встретились именно здесь, то значит вы для Сергея действительно близкий человек. Далеких здесь не бывает.
— Хотелось бы вам поверить, но опыта нет, приходится напоминать себе, что доказательство не может быть построено на одном косвенном свидетельстве.
— Почему—то мне хочется вам сказать, что если вам понадобится помощь или совет, вы всегда можете обратиться ко мне.
— Очень жалкий вид у меня, да?
— Нет, не жалкий. У вас несчастный вид, хотя это не сразу заметно.
— И то хорошо, что не сразу.
— Вряд ли это полезно — жить несчастным, Маша.
— Заставить себя быть счастливым тоже не получается. Спасибо за помощь.
— Я еще ничем вам не помог.
— Предоставили возможность попросить. Уже не мало.
— Главное, не забудьте.

И к чему привел этот дурацкий разговор? Что он мне дал? Только косвенное свидетельство, что я для Сергея не чужая. И знание, что любой наблюдательный человек меньше чем за час разглядит меня насквозь. Ничего удивительного. Меня, конечно, не устраивает моя жизнь. Она не нравится мне, в ней нет уже никакой радости. Это странно звучит, я и сама каждый раз, когда

произношу эту фразу, удивляюсь. Чего можно хотеть, когда я здорова, у меня потрясающе сложилась карьера, мне более чем достаточно денег от моей работы, я уж не говорю о том, что в моем распоряжении такие деньги, которых я при всем желании потратить не смогу? Меня ценят, меня уважают, у меня прекрасные друзья. У меня все устроено и хорошо. Я даже могу себе уже позволить отдохнуть и бежать чуть медленнее, потому что все опять работает как часы. И мне все это не нужно. Я занимаюсь тем, что ищу, чем бы себя еще занять. И что стало моим основным занятием сейчас? Что на самом деле сейчас мой каторжный труд?

Скорее всего — это постоянные и безуспешные попытки не любить. Извожу себя поиском любой информации о том, что нас связывает. Любую мелочь рассматриваю, чтобы увидеть, не знак ли это. Знак того, что мне надо обо всем забыть. Или знак того, что надо терпеть и ждать. Но чего ждать? На это мне тоже нужен знак. С таким же успехом можно ждать рукопожатия от скалы. Да, мы друзья. Да, нас очень многое объединяет. Да, мы видимся почти каждый день, правда, чем дальше, тем реже. Максимум два раза в неделю. Его все устраивает в такой ситуации, это единственный вывод, который я смогла сделать. Он использует меня, как хочет, он слишком хорошо знает, как вынудить меня сделать то, что ему нужно. В Тоскане ему было нужно, чтобы я помогла ему выплыть, и он попросил меня не говорить о работе. Год назад ему надо было, чтобы я взяла себе его добро и следила за ним, и он сказал мне, что идет добиваться того, ради чего я могу многим пожертвовать. Все всегда так, как хочет он. Он использует меня и сейчас, его все устраивает, и он сделает все, чтобы ситуация не вышла из-под его контроля.

Столько лет я легко добивалась от людей того, что было нужно мне, и была уверена в правильности того, что я делаю. И теперь я отдаю свой долг. Я вижу кто, как и зачем меня использует и мне приходится терпеть. Или, может быть, я просто устала. Вот Сашка. Все эти годы мы работали вместе, делали одно и то же. Он, кажется, не мучает себя всем этим? Сколько разного было за пять лет, страшно, неопределенно, иногда играли с огнем, и кто победит было не всегда очевидно. Однажды, кажется где-то в Сибири, мы сели друг напротив друга и стали вслух проговаривать последнюю волю. Не то, что мы испугались, но слишком реальным оказалось схлопотать контрольный выстрел в голову. С тех пор Сашка знает, кому он в случае чего отдает мой конверт, лежащий в нашем сейфе. И я знаю, какую часть его гонораров я кладу в его конверт и кому отдаю, если с ним что-нибудь случится. Потом уже не надо было все это обговаривать, просто говорили друг другу: "Главное, что мы все запомнили" и шли работать дальше.

Какой же это был день? Кажется через неделю после дня рождения Сергея. Значит, двадцать первого февраля. Сашка поймал меня в кабинете и с места в карьер начал.

— Я знаю, что у тебя мало времени. Я быстро. Мы с Шуркой поженились.
— Ой, Сашка! Как здорово! Когда?
— В прошлую субботу.
— Поздравляю. Это очень хорошо. Но вы, собаки, ничего не сказали. Даже поздравить не дали.
— Так проще оказалось. Потом как-нибудь. Я зачем пришел. Хочу в отпуск в марте.
— А я-то тут причем? У девочек спрашивай. Выборов пока нет, так что я легко отпущу.
— Я так и подумал. И еще... Маш, если что, конверт отдай Шурке.
— Хорошо, изменения приняты.
— Мы отпразднуем, обязательно. Только тебя бы поймать еще за хвост.
— Ради такого случая все отменю.
— Договорились.

Вот так все бывает у нормальных людей. Живут бесстрашно и любят также. И все у них получается. Не морочат себе голову всякой ерундой. А я чем занимаюсь? Подсчитываю, сколько на счетах, и какое количество недвижимости получила. Еще надо бы посчитать, сколько времени в день я думаю о Сергее. Раньше мы виделись каждый день, и можно было заставить себя не вспоминать его, потому что увидишь вечером. Теперь, когда нет никакой нужды видеться часто, я то и дело застаю себя за каким-нибудь воспоминанием. Как он заснул в кресле в саду. И, когда я подошла ближе, оказалось, что во сне его лицо выражает гораздо больше эмоций, чем наяву. Он улыбался, хмурился, сердился, горевал, потом опять сердился. И все это за какие-то несколько секунд, что я позволяла себе смотреть на него. Или его смешная манера есть апельсины, вырезая сверху маленький конус,

рассекающий все дольки и потом ложкой, аккуратно, как кот сметану, вынимать мякоть, пока кожура не опустеет.

Эти картинки помогают мне засыпать быстрее. Я прокручиваю их в голове до тех пор, пока не отключаюсь на каком-то из кадров. Конец февраля, скоро начало марта, изматывающая грязь, то тает, то мороз. Так хочется выспаться, как следует, но надо уже просыпаться. Вот бы открыть глаза и оказаться дома вечером шестнадцатого августа полтора года назад, или хотя бы отмотать все на год назад. Тогда в феврале еще ничего не было, ни общих дел, ни неразделенной любви, ничего. Еще совсем моя жизнь, в которой не было страха. Почти не было, разве что только страх за себя, но он не так изматывал, как страх за другого. Тогда я легко запоминала даты, у меня бывали важные, эпохальные события, пусть и мелкие, но определяющие мою эпоху. Теперь я восстанавливаю календарь в голове так, что он вообще перестает быть нужен. У меня и не осталось дней. Есть часы встреч, о которых напоминает секретарь. Есть списки дел, от которых не избавиться. Мне осталась только кажущаяся бесконечной унылая дорога с неизменным плоским пейзажем вокруг.

Глава 20. Март 01

Через полгода я исполню свое обещание отработать от августа до августа и вернусь в свою жизнь. Впрочем, глупо даже надеяться, что смогу. Я больше никогда не попаду в то время, когда, работая на Степу, была довольна. Чтобы убеждать, надо верить, но во мне не осталось ничего похожего на веру. Я научилась сознательно манипулировать людьми, не ища благородных целей или положительных образов. Мне больше не нужны факты, я подделываю жизнь и делаю их ненужными. Реальностью стала картинка, которая соответствует заказу. Согласуется ли она с действительностью и с некоторой, пусть наивной, но моей внутренней правдой или просто уверенностью в своих действиях, потеряло всякое значение. Я заложила себя, чтобы добиться безопасности для Сергея, и теперь буду продана, как только не смогу вернуть процент. Хотя, конечно, как всегда я добилась того, чего хотела. У него будет неприкосновенность, его не сожрут бульдоги, признав окончательно своим. Мне осталось только придумать, как защитить его от болезней и смерти. Мысль все время крутится вокруг неразрешимой задачи застраховать навечно отсутствие смертельных рисков в его жизни. Засыпаю с этой мыслью и просыпаюсь с ней же. Непогода за окном только усиливает тревожную бессонницу и боль.

Ночь со среды на четверг, с четырнадцатого на пятнадцатое марта. Мне удалось лечь не поздно, удивившись только мокрому и обильному снегу, который залепил окна. Из глубокого сна меня вытащил телефонный звонок. Темно, ничего не видно, я ничего не соображаю, только могу сказать: "Да?".

— Маша?

Голос знакомый, кто же это может быть, или мне чудиться, что она еле дышит?

— Да, я слушаю.

— Маша, это Шурка, — да, это точно она, но что с ней, почему в такое время?

— Шурка? Что случилось?

— Маша, Сашу убили.

Надо зажечь свет, а то я сейчас решу, что это сон, положу трубку, чтобы надеяться, что утром все будет по—другому.

— Что ты говоришь? Как это?

— Он шел домой от родителей. Его избили в подъезде.

— Где ты?

— Дома. Мне позвонили из больницы только что.

— Сиди там, я сейчас приеду.

Впервые я вызываю машину в два часа ночи. Собираю быстро документы и деньги. Выхожу под пронизывающий ледяной ветер и еду к Шурке. Нам не о чем говорить, но она все—таки рассказывает известные подробности — на первый взгляд все, как и должно быть, глупо — набросились в подъезде, ударили чем—то тяжелым по голове, их кто—то спугнул, даже денег не успели взять или унести сумку — она у него висела через плечо. До больницы довезли еще в сознании, успел попросить позвонить домой. Умер во время операции. Сашка, двадцать семь лет. Ехать в больницу утром. А сейчас мы сидим, молчим и ждем рассвета. Пьем чай. И молчим. Мне нечем ее утешить, нет таких слов, которые могут объяснить, почему он умер именно сейчас. Через месяц после свадьбы, когда никому его смерть была не нужна, даже тем, кто его не любил.

В семь утра позвонил Василич, которому передали мое сообщение связаться, как только будет возможность. Шурка внимательно слушает, как я рассказываю о случившемся и обсуждаю с ним необходимость собственного расследования. Он настаивает, что должен ехать с нами в больницу и вызывает человека, который распоряжается у нас похоронами. Василичу нужно полтора часа на свои дела, мне остается ждать, а Шурке позвонить Сашиним родителям. Почему не мне? Потому что ей с ними жить, а мне лишь выражать соболезнования.

И больше ничего не хочу об этом помнить. Никаких подробностей. Ни пьяных подростков, которым не хватало на бутылку. Ни похорон, ни гробового молчания, потому что бессмысленность произошедшего делала невозможным разговоры. Ни Шуркиных слез, когда я отдавала ей толстый конверт с деньгами и тонкий с завещанием. Ни серого Степу, ни свою истерику в одиночестве, когда мне пришло в голову, что это я во всем виновата. Это я, потому что решила поднять ставки в игре,

нарушила свои правила и в результате потеряла человека, который всегда верно и азартно со мной в эти игры играл. Еще я хочу забыть свой очередной сон, когда после пяти дней температуры под сорок, простудившись на похоронах, после жара, озноба, как всегда безуспешных попыток врачей что—нибудь сделать, профессиональной заботы сиделок Васильича, я, наконец, начала выздоравливать. Забыть сон было самым необходимым, но так подробно я никогда ничего не запоминала.

Если бы я болела летом, то мои вещие сны появлялись бы перед восходом солнца, когда нужно крепко спать, чтобы не слышать, как ни одна птица не позволяет себе пискнуть в эти несколько минут. В это время все живое сжимается в комок и в панике, из последних сил сопротивляется тьме, пытаюсь не издохнуть от ужаса до появления света. Тогда бы я просыпалась от сказок или кошмаров. Первых мне так не хватает сейчас, они помогли бы продержаться, позволяя переживать еще и еще их ослепляющее счастье до тех пор, пока небо не окажется молочно—серым.

Но сегодня, конечно, напали вторые и, пережевывая сердце, я лежу, задыхаясь от страха. Если бы во сне со мной были незнакомые люди, если бы они остались там, то все еще могло бы раствориться сразу с остатками ночи. Но сон вдруг опять связывает пружиной с Сергеем. Почему он приснился сейчас? Что с ним или со мной происходит? Это предупреждение и, если да, то кому? Почему именно он? Это сон или что это? Ужас неизвестности сотрясает мои внутренности, и все силы уходят на то, чтобы не заорать.

Мне снилось, что мы вместе где—то, где не живем, кажется, это была Вена. Мы не были близки, лишь связаны единством времени и места. Мы узнавали страшное о том, что происходит дома, пытались разойтись в разные стороны, но все не получалось. Так и бродя вдвоем в поисках свидетелей и очевидцев, вдруг наткнулись на человека, рассказывающего на известном Сергею, но неизвестном мне языке о том, что было во время предыдущего страшного. Кто—то переводил, кажется, женщина, чем—то напомнимшая мне сестру. Мы сели слушать, не глядя друг на друга. Медленная речь на певучем шикающем языке затягивала, слова сразу становились образами, готовой пленкой, отснятой с прошлого. Кино было неприятно, это был сон во сне. Я пыталась выбраться из огромного дома, почти дворца с бесконечными мраморными лестницами. Мне надо было уйти, во что бы то ни стало из этого дома, пока меня не остановили и не заперли там навсегда. Я бежала так быстро, что хорошо помню, как мне мешает моя длинная темная шерстяная юбка. Наконец, среди всего этого великолепия я нахожу маленькую деревянную дверку, открыв которую, попадаю во двор. Теперь становится ясно, откуда шел странный шум, преследовавший меня в доме. Огромная толпа, заполонившая пространство, орала и вопила от удовольствия, убивая кого—то яростно и самоотверженно. Какие—то люди стоявшие в углублении, скрывавшим мою дверку, обернулись и велели мне быть осторожной. Мне хотели рассказать, как убивают, а я пыталась уйти, чтобы не узнать, какая смерть сейчас достанется кому—то неизвестному. Мне даже не назвали имени, только описали, за что его рвут на части. И то, как просто они объясняли необходимость убить, пригибало к земле близостью смерти за любое произнесенное мной слово даже не протеста, просто слова жалости или страха и не слова самого, а просто вздоха. Так должен был умереть любой чужой для них. И чтобы скрыться, я пыталась проснуться там во сне. Мне нужно было немедленно убедиться, что я не гибну, что Сергей жив и невредим. Очнувшись, я лежала на земле и звала его по имени. Он обернулся и подошел, а я искала его тонкую, крепкую и, наверное, прохладную руку. И тут проснулась в своей кровати около четырех утра, когда до восхода солнца нужно было продержаться еще несколько часов, так и не успев коснуться его руки, только увидев тревожные, но живые глаза.

Лежа в темноте и пытаясь выбраться из трясины, вспоминала, где лежит телефон. Мне нужно было знать, жив ли он, все ли у него в порядке, зачем мне этот сон, кому сейчас грозит опасность. Я вся тряслась от невозможности предотвратить надвигающееся, которое, как и убийство в моем двойном сне, будет бессмысленно и жестоко: любой из нас может умереть так просто потому, что мы такие, какие мы есть. Я ждала света, убеждая себя не принимать сны всерьез. Хуже всего было то, что в панике я подумала о Сашке, как о достаточной жертве неизвестно кому за жизнь того, кого я все еще люблю.

Единственное, что могло меня успокоить, было так просто и так очевидно невозможно. Всего лишь надо было схватить сейчас за руку человека, с которым меня ничего не связывает, услышать, что с ним все хорошо. Назвать его по имени и, обняв, заснуть, убедившись, что это только сон после болезни перед восходом солнца.

Кто может разбудить меня среди ночи вопросом: "С тобой все в порядке?" Кому бы я ответила "да" и позволила заснуть рядом, чтобы вышел яд кошмара? Только человеку из моего сна, если у него бывают кошмары. Он настолько далек, что трудно даже представить его реакцию на такой звонок среди ночи. Но смерть была так близко от него во сне, что сомнение прогрызает меня насквозь. Вдруг, если предупредить его, то все еще будет не так? Вдруг, если позвонить среди ночи, то можно по—другому заставить действовать какой—то закон мироздания? И от этого все пойдет иначе, не так, не знаю как, но смерть отступит. Но слишком велик риск услышать голос шокированного насмешника, слишком страшно делать резкие эмоциональные ходы, слишком неочевидны последствия, слишком велика боязнь чужого, который даже не захочет понять в чем дело и попытается все упростить или усложнить. Я не найду телефон, не буду ни о чем спрашивать, просто каждый день будет начинаться с ожидания подтверждения "да, жив". И когда смертная тень накроет кого—то рядом, я, наконец, узнаю, о ком был сон, о ком надо было просить.

Но сейчас мне надо опять заснуть и очнуться потом от солнца в глаза, понимая, что рано или поздно все будет забыто и пройдено. Интересно, что можно услышать в ответ на фразу: "Будь осторожен, береги себя"? Что происходило с ним этой ночью, когда мне было за него так страшно? Как вытащить ядовитую занозу предчувствия смерти рядом? Узнать ответы нельзя, можно только при встрече, за несколько секунд приветствия, попытаться распилить пружину, натянутую сном, видя в тревожных, но живых глазах вежливую спокойную отстраненность, точную копию моей. Если у меня хватит сил найти в себе хотя бы видимость равнодушия, начиная с двадцать четвертого марта, субботы, шести часов утра.

Не хочу помнить ни снов, ни реальности марта. Оставляю себе только те полчаса накануне сашкиных похорон. Те полчаса, что я провела в переговорной особняка, закрыв ладонью губы, чтобы не завывать. Сергей просто сел рядом, взял за руку и, задавая вопросы, заставил рассказать то, что не давало мне плакать, оставляя в горле только низкий протяжный вой. И, когда, наконец, я пришла в себя, он поцеловал мне руку, погладил по голове и, сказав "не взваливай на себя ответственность за то, в чем не виновата", ушел. Вот и все.

Глава 21. Апрель 01

Зачем мне земля? Чтобы всегда иметь возможность вырастить себе еды. Зачем мне земля с источником пресной воды? Чтобы не зависеть от дождей, не страдать от засухи и жажды. Зачем мне море рядом? Чтобы иметь возможность ловить рыбу и собирать съедобные ракушки. Зачем мне хороший климат? Чтобы не волноваться об отоплении, не искать нефть, газ или дрова. Зачем мне большой и чистый лес? Чтобы воздух был свеж и приятен. Зачем мне солнце и ветер? Чтобы самой определять, сколько электричества мне нужно. И все это должно быть там, где не бывает землетрясений, наводнений, пожаров. Я хочу купить себе покой и независимость от всего, что наполняет мою жизнь неразрывными путями. Если сегодня отключат свет, что начнется в городе, где я пока живу? Паника? Погромы? Эпидемии? Если начнет не хватать питьевой воды или еды? Когда воздух станет окончательно ядовит? Когда кончатся все источники энергии, что наступит тогда? Рано или поздно стабильность, которая всем знакома и приятна, окажется всего лишь минутой затишья перед бурей. И тогда я хочу иметь все, что мне нужно для жизни. Где я возьму врачей и лекарства? Удастся ли предусмотреть все? Конечно, нет. Это просто очередная истерика маленького ребенка, который не хочет взрослеть и видеть, что мир изменяется каждую секунду, и предвидеть, где ты окажешься завтра, нельзя никому. Потому что неизвестно, будет ли завтра.

Иногда, переставая контролировать себя со всей жестокостью и беспощадностью, на которую только способна, я понимаю, что меня, наконец, догнали все страхи, которые когда-либо преследовали. Боялась беспощадных домов, полных безысходности, и получила Сашкину смерть. Боялась потерять работу и теперь просто не могу ничего делать. Что догонит меня завтра? Что еще я перечисляла себе, как внушающее ужас? Что еще я бездумно назвала "нежеланное"? Неужели я не смогу избежать ничего из того, что заставляет меня содрогаться? В таком случае теперь это будет не жизнь, а существование, когда действуешь, как отлаженная машина, чтобы не вникать в происходящее. Главное ни о чем не думать, все получается и хорошо. И надо попытаться найти выход из этого замкнутого круга, поговорить с кем-нибудь, кто, глядя со стороны, может быть, сам того не зная, даст мне знать, что выбрать и с чего начать.

За неделю до майских праздников я встретила с Марусей. Мы давно не могли пересечься, и она многого уже не знала о моей жизни, а я о ее. Редко с кем вот так после большого перерыва быстро восстанавливаешь утерянное и почти сразу чувствуешь, что все ясно и просто, можно рассказать и обсудить любые, даже самые неприглядные эпизоды и чувства. Сколько раз у нас с ней происходило это взаимное возгорание, и вот теперь она была для меня последней надеждой на то, что опять получится. Я слушала, как она рассказывает о своих делах, о Пете, о работе, о планах, о том, как она себя ощущает в жизни, что ее беспокоит. И я понимала, что сил моих больше нет. Дело не в усталости или внешних обстоятельствах, не в любви и не в работе. Дело в том, что у меня больше нет сил плыть. Я иссякла.

— Ты не очень хорошо выглядишь, у тебя все в порядке?

— Со здоровьем ты имеешь в виду? Не, Марусь, тут вроде все нормально.

— А где плохо?

— Где плохо? Когда мы последний раз общались подробно?

— Давно, можно считать почти год назад.

— Тогда, коротко говоря, плохо везде.

— Машка, перестань темнить, что у тебя плохо?

— Скажем так — я везде проиграла. Я люблю человека, которому на меня наплевать, и я не могу его забыть. Я занимаюсь тем, что мне глубоко противно, и не знаю, как от этого избавиться. Из-за того, чем я занимаюсь, я не могу больше здесь жить, мне страшно. И я не знаю, куда я могу сбежать, чтобы всего этого не было больше никогда.

— Как же так вышло?

— Постепенно, сначала одно, потом другое, потом все сразу. Ты и представить себе не можешь, как я измоталась. У меня нет сил жить так, как я живу сейчас. И вообще, нет сил жить.

— Ты с ума сошла, как ты довела себя до такого состояния? Тебе надо немедленно отдыхать. Ты можешь поехать куда-нибудь и желательнее не одна?

— Пока нет. И все равно одна.

— Кто же это тебя так захмутил?

— Кто смог, тот и захохотал. Да не важно, все равно для него эти мои чувства, как побочный эффект у лекарств. Ему все это не нужно, даже мешает.

— Он тебя бросил?

— Нет, что ты. У нас ничего и не было. Деловая дружба.

— Ты что, плачешь? Боже мой, я сто лет этого не видела. Машка, успокойся немедленно или я тебя в больницу упеку.

— От этого уже лечат?

— От усталости и депрессии — да.

— Нет, Марусь, лекарства не помогут. Тут нужен нож хирурга. Надо все ампутировать, но больно ужасно. Надо все поменять, вообще все. Работу, страну. Уехать надолго, а лучше знать, что навсегда.

— От себя не убежишь, солнышко.

— Думаешь, не смогу?

— Вряд ли. И потом будет только хуже. Давай лучше придумаем какой—нибудь менее болезненный вариант. Когда у тебя отпуск?

— В августе, скорее всего, не раньше.

— Попытайся из отпуска уже вернуться в новую жизнь. Хочешь, я тебе помогу, чем смогу? Я, правда, не очень понимаю чем, но вдруг понадобится. Например, обсуждать планы.

— Спасибо. Просто, понимаешь, когда я смотрю на все это, мне иногда кажется, что самый простой выход — это кинуться из окошка.

— Ты мне это брось. Давай я тебя покажу хорошему доктору, чтоб прописал тебе что-нибудь укрепляющее.

— Ты мне лучше позванивай, мне лучше всего помогает общаться с нормальными людьми.

— И кто же по-твоему нормальный?

— Ну не тот, кто перегорел и больше ничего не хочет.

— Ну, так бросай свою работу, Степу этого своего и отдыхай.

— Бросить Степу? Хорошая мысль, но он давно не центр вселенной. Это ж такой самообман — много работы, зато не надо задумываться о смысле.

— Отрезай ненужные части, покажись врачу и попробуй пересмотреть отношение к жизни.

— За что тебя люблю — посадить семьдесят розовых кустов и познать самое себя.

И Маруська стала звонить мне каждый вечер и расспрашивать про работу, про дела, про жизнь. На пять минут, но она проверяла как настроение. И загнала ко мне домой ее кудесника по нервам, который прописал мне малопонятный травяной настой, зато очень успокаивающий.

Глава 22. Май 01

Все длинные праздники я пыталась найти в себе силы не уходить от Степы. Но так и не смогла придумать хотя бы одного увесистого аргумента. Пришлось явиться к нему 15—го мая и, не обсуждая текущих дел, сказать все прямо.

— Я...

— Ну что?

— Степ, я — профнепригодна.

— Это что еще за новости?

— Я профнепригодна, я перегорела, я больше не хочу этим заниматься.

— С ума сошла? Кто тогда пригоден?

— Не знаю. Я даже новости читать не могу себя заставить. Уж не говоря о том, что мне неприятно всем этим заниматься.

— Это тебя Гончаров настроил?

— Нет, он вообще ничего об этом не знает, и не говори ему.

— Как же его заказ?

— Там уже все сделано, дальше дело техники, кто угодно сможет. Я знаю, что это некстати, но я очень хочу уволиться.

— И когда?

— Я бы, конечно, сказала тебе "завтра". Но это нереально. Минимум через две недели, максимум через месяц, можно все отладить, чтобы не было проблем.

— Ты знаешь, я так потрясен, что даже не могу тебя уговаривать. Отойду — будем разговаривать.

— Бессмысленно, Степ. Ты бы знал, сколько и чем я пыталась себя уговорить. Бесполезно гладить утюгом, который не греет.

Это было новое ощущение — сдавать дела. Мало кому приятное. Но почему-то законченный этап моей жизни был ясно виден всем, кто давно меня знал. Они не возражали, понимая, что теперь мы пойдем в разные стороны не потому, что кто-то кого-то не любит или не ценит, а просто потому, что дороги расходятся. Это банальное описание ситуации было самым точным. И я успокоилась, в моей жизни появилась определенность, к середине июня все будет позади. А пока за две недели я спокойно раскладываю по папочкам инструкции, объясняю все клиентам. У меня все в порядке, мне не нужен месяц, чтобы сдать дела. Глядя со стороны, кажется, что свой уход я подготовила заранее, начав много месяцев назад.

Мы пили за мой уход уже двадцать пятого мая, говоря друг другу только хорошее, вспоминая разное, смеясь, кажется, впервые после Сашкиных похорон. Глава была закрыта, они оставались жить сами по себе, Степа не навязал им вместо меня нового начальника, но все равно все понимали, той, старой жизни, больше не будет никогда. Теперь им придется самим устанавливать правила и законы, мне же придется снова испытать свое везение, теперь уже не опираясь на друзей, а рассчитывая только на свои силы.

Сергей так ничего и не знает. А когда мне ему рассказывать? Видимся редко, по делу, в деревню вместе не ездим. Он увлекся моей идеей стать сенатором настолько, что действительно работает в том месте, которое сам выбрал для реализации плана, много ездит и не заботится об остальном. Все и так работает. Когда мы виделись последний раз? Дня через два после разговора со Степой. Следующий раз сегодня, тридцатого мая.

Все по кругу, обсуждаем, подписываем, проговариваем планы, сверяем календари. Ему кто-то звонит, ну и пусть. Торопиться некуда. Можно вытянуться в кресле и спокойно дожидаться конца разговора. Или самой поговорить, вот и звонок.

— Да, Владимир Василич.

— Маша, Коля погиб...Ты слышишь меня?

— Повторите.

— Коля погиб полчаса назад. На мокрой дороге у какой-то машины на встречной оторвало колесо на полной скорости. Получилась куча из пяти машин. Он умер на месте. Ты у Сергея?

— Да.
— Скажи ему. Я еду туда и позвоню. И надо сообщить близким. Хочешь, я позвоню?
— Нет, я сама.
— Я созвонился с нашим агентом. Все устроим. Судя по всему, родителям не надо его показывать до похорон.
— Я поняла. Позвоните мне, как будет что-то понятно.

Как трясутся руки, надо срочно что-то съесть, таблетку, конфету, что угодно, пока в глазах темно. Где же моя сумка? Где-то здесь, надо встать. Ноги не держат. Или я споткнулась о ковер? Как бы не разбить голову. Куда я упала? Кто это? Сергей. Что он говорит? Я ничего не понимаю, в ушах звенит. Что со мной? Зачем он протягивает руку? Мне надо подняться? Какая у него теплая рука, или это моя холодная? Ничего не слышу, не важно, надо ему сказать, пока я еще помню.

— Коля погиб.
Как больно. Он мне руку сейчас сломает.
— Ты слышишь меня? Коля погиб.
— Кто звонил?
— Василич.
Я не хочу подниматься, лучше сидеть на полу, и голова меньше кружится.
— Дай мне таблетки из сумки.
Никуда не ходить, сидеть здесь, ни о чем не думать. Не шевелится. Не отвечать на вопросы. Не звонить Марине и дяде Толе. Но выхода нет. Надо встать.
— Куда ты?
— Мне надо сказать его родителям.
— Маш...
Не могу отказаться от того, чтобы посмотреть на него.
— Что, Сережа?
— Позвони мне потом.
— Хорошо.

Я не хотела такой жизни. Если бы не Гончаров, это не я сейчас должна была говорить им о смерти единственного сына. Но это мои долги. И мне придется их заплатить, войдя в знакомый дом и сказав все, как есть. Они гаснут на моих глазах, опадают и засыхают. Слушают неважные подробности, честно пытаюсь понять, что я им говорю. Держат друг друга за руки и ничего не говорят, а потом Марина вдруг хриплым голосом: "Толя, выпей, пожалуйста, лекарство". Я сижу с ними час, потом еще и еще. Я рассказываю, что и как будет происходить. Мы начинаем обсуждать, как и что надо сделать, когда, где и как его надо хоронить. Я уйду в промозглую дождливую ночь. Дядя Толя шепотом спрашивает: "Маша, ей можно будет его увидеть?". И я только мотаю головой.

Глава 23. Июнь 01

Какая нам разница, как будет выглядеть гроб? Никакой. Но надо же чем-то заниматься. Надо думать о гряде дел, о панихиде, о цветах, доставать опять черное платье. Надо вести себя сообразно ситуации. Нельзя биться головой о стену, нельзя рыдать. Нужно смириться с тем, что Марина не будет отпускать от себя. Нужно помнить, что в сумочке есть запас конфет. Пока сосешь конфету, невозможно упасть в обморок. Нужно понять, наконец, что в субботу второго июня мы хороним Кольку. И считать это сном уже не получится. Этот день заполнит собой все. Дождь, холод сводит до костей и почек. Одурачивающий запах белых лилий. Длинная панихида, знакомые лица и незнакомые лица, соблезнования, промелькнул Степа, пришла Маруся. Потом кладбище, скользкое и грязное месиво под ногами, горы мокрых цветов, большие поминки. И опять нас совсем немного дома у Марины и дяди Толи. Они, я, Сергей, институтские друзья, Машенька. Бесконечное "а помните, а вы знали, а мы тогда". Заполнение пустоты словами. Я не хочу оставаться до конца, прощаюсь с ними и ухожу. Четвертый день держать себя в руках выше моих сил. Хочу остаться одна и понять, где оказалась. Я даже не рада, что Сергей идет за мной. Мы садимся в машину и ни о чем не говорим. Только откладываем все дела на завтра, на завтра банк, деньги, проблемы, все на завтра. Вот уже и мой дом.

— Я провожу тебя, угости меня чаем. Пожалуйста.

Мы входим в дом, я предлагаю ему располагаться и ухожу на кухню. Ну ладно, потерплю еще, в конце концов, он никогда здесь не был. Главное, снять отвратительные черные туфли, которые не хочется отмывать и чистить, выскабливая из швов клейкую кладбищенскую грязь. Выкину их потом безжалостно. А пока ставлю чашки на стол, соображая, что никогда еще не заваривала ему чай. Всегда был кто-то, делающий простое и милое.

— У тебя приятный дом.

— Наверное, я давно уже только сплю здесь.

— Хороший отсюда вид. Ты поэтому выбрала эту квартиру?

— Мне место всегда нравилось, с видом просто повезло.

Мы ходим как в музей, рассказ о достопримечательностях. Ракурсы, безделушки.

— О, а это что за штука?

— Это мы с Колькой украли в университетском музее, свинтили табличку со стены и унесли. Я должна была ему отдать, когда он закончит ремонт.

Ничего никогда не случится, будущего времени не будет, никогда не отдам, я не хочу больше ничего сдерживать. Зачем он здесь?

— Пожалуйста, уходи, я больше не могу держать себя в руках.

— Я пришел не для того, чтобы ты сдерживалась, наоборот.

Я не хочу плакать при нем, но уже не могу. Из меня выливается все, что скопилось за долгие месяцы борьбы. Я не могу сдержаться, как бы не хотела, и он сворачивает меня в клубок, чтобы я могла поплакать ему в плечо. Он говорит мне, что лучше плакать, чем молчать. Целует меня аккуратно, гладит по голове и тихо говорит, что все пройдет. Конечно, все пройдет. Уже неважно, как это будет и когда. Он жив и останется здесь. По крайней мере, сегодня. Мне плевать на последствия, на договоры, на почти двухгодичную позиционную войну. Я хочу, чтобы он остался сегодня со мной. Плевать на гордость, на лицо, все не важно. Мне все равно, чем придется платить. Завтра посмотрим. Но до завтра еще далеко. В конце концов, я хочу заснуть, держа его за руку и чувствуя кожей, как бьется его пульс.

Наверное, уже утро. Шуршит дождь. Если открыть глаза, то все сразу станет ясно. Лучше для начала определить, где я и какое сегодня число. Эту кровать я купила за пару недель до того, как выгнала Женю. Значит, я уже его выгнала. И Сергея я тоже уже встретила. И вчера мы похоронили Кольку. И сегодня у меня день рождения. Тишина в доме стоит такая, что нет сомнений — я одна. Надо открыть глаза и убедиться в том, что он ушел. Ушел, как будто его и не было здесь. Жаль, что остались стоять две чашки на столе, и еще я вскрикнула от боли, с размаху наступив на его любимую

угловатую запонку, которая, выпав из петли, затерялась в пушистом ковре у кровати. Он был здесь, и теперь его тут нет.

Если бы он исчез только из моего дома. Кажется, что его вынесло из моей жизни совсем и навсегда. Сегодня, третьего июня, мой день рождения, год спустя с того дня, когда он принес мне золотую розу, его нет нигде, он не отвечает на звонки и отменил все встречи. Раньше он искал меня, теперь, впервые, я ищу его и не могу найти.

Вот новые правила жизни — никаких следов, никаких слов. Он исчез и, начиная с понедельника, я вижу его только в присутствии других людей — неизбежных свидетелей, не позволяющих отвлекаться на личное и оставляющих только общее. И даже идеальные деловые встречи теперь измеряются в минутах, а не в часах, как было раньше. Надо принять и этот ландшафт, переставая звонить, проявляя инициативу. Не затевать разговоров, даже когда на девять дней он спросит меня, не находила ли я запонку. Ведь, получив ее, он сказал всего лишь "спасибо" и тут же ушел. Нет ничего проще, чем перестать общаться, когда он делает все, чтобы помочь.

Он бросил меня. Всего три слова, и как упрощается жизнь. Что же, пусть и не сказано никаких слов, зачем они мне, когда все ясно? Какие еще могут быть причины избегать встреч, не поддерживать разговоров и отвечать на звонки короче, чем положено воспитанному человеку? Что нам выяснять между собой, когда даже вопрос о том, сколько и чего достанется Колькиным родителям, мы обсуждали в присутствии Васильича? И, чтобы сократить время, проведенное вместе, он согласился на все мои предложения за пять минут, кажется, даже не слушая, и ушел. Опять ушел. Бросил.

Теперь, когда нет никакой работы для глаз, ушей и рук, работают только обоняние и вкус. Мне чудится везде траурный запах лилий, смешивающийся и перебивающий все — запах бензина, мокрых дорог и кофе. Кажется, все женщины обливаются только духами, где можно найти этот тяжелый аромат, оставляющий отметины среди сирени, липы, жасмина. Даже лимон и тот пропах доводящим до мигрени маслом, выбитым каплями дождя из лилий, засыпавших Колькину могилу.

Я ищу себе место, где можно пить воду без привкуса ладана. Откуда вообще взялась эта затхлая, масляная приправа к еде? Как мне избавиться от дурноты, охватывающей меня при взгляде на накрытый стол? Неужели любое застолье теперь будет называться поминками?

Уже прошло несколько недель, почти месяц, а я все еще живу так, как будто хороню завтра или уже похоронила вчера. Какими только мыслями я не мучила себя, чем не пыталась объяснить свои причуды. Все закончилось в тот момент, когда я поняла, что беременна. Откуда вообще взялась мысль, что запахи и вкусы мерещатся взвинченным нервам? Все так просто и объяснимо было с самого начала, иначе и быть не могло. Последствия, долги, расплата за все.

Почему он не отвечает на звонки? Почему не перезванивает? Как он мог уйти сейчас? Я не справлюсь одна, я не понимаю, что мне делать и зачем. У меня нет сил на себя, а надо принимать решение за кого-то другого. Как он мог уйти и оставить меня наедине с реальностью? Мне надо найти его, сказать что-то, услышать хоть что-нибудь в ответ. Но он по-прежнему недоступен и все то, чего я так старательно избегала, чего боялась и чего не хотела всю мою жизнь, упало на меня внезапно и без всякой возможности скрыться от кредиторов, о которых я ничего не знаю. Теперь и я заплачу по полной, отдам все. Вопрос лишь в том, как я это сделаю, и что вообще я буду теперь делать. Больше всего я хочу, чтобы никто никогда не узнал о том, какое я приму решение, каким бы оно ни было.

Глава 24. Июль 01

Маруся была на дежурстве. Закрывшись в старом рентген кабинете, где, как она уверяла, выходили из строя любые электроприборы, я все ей рассказала.

- Машка, как хорошо!
- Что здесь хорошего?
- Сам факт, конечно. И еще ты теперь можешь спокойно уйти.
- Я к этому отношусь по-другому. Найди мне хорошего врача. Я не хочу оставлять ребенка.
- Как?
- Вот именно так. Я пришла к тебе, чтобы ты мне нашла врача.
- Это ваше совместное решение?
- Нет, лично мое.
- То есть ты сама решаешь такие вопросы? Тебе не кажется, что отец тоже имеет право голоса?
- Безусловно, имеет. Если он считает нужным быть в курсе ситуации.
- Так ты ему ничего не сказала?
- Я видела его с тех пор пять раз по пять минут. И единственный личный вопрос, который он мне задал, не нашла ли я его любимую запонку. Так что, видимо, этот вопрос мне придется решать самой.
- Постой, я совершенно забыла, у тебя ведь группа крови отрицательная?
- Вроде, да. Ты должна лучше знать.
- Тогда тебе желательно не рисковать. Как врач говорю, у тебя есть все шансы вообще потом не иметь детей.
- Не пугай, я когда-то все прочла на эту тему, у меня у сестры то же самое. И все нормально.
- Тебе надо срочно узнать какая у него группа крови, потому что времени осталось очень мало. Если у него положительный резус, у тебя большие проблемы. Как ты себя чувствуешь?
- Не очень хорошо, но пока не криминально.
- Срок еще маленький.
- Ты так говоришь, как будто я уже согласилась, что надо носить и рожать.
- Даже если нет, я не буду искать тебе врача без согласия отца ребенка.
- Даже так...
- Да, ты знаешь, у меня есть свои докторские особенности. Ты должна ему сказать, потому что это вопрос жизни и смерти. И ты не можешь домысливать, почему он ведет себя так или иначе. Если ему наплевать, ты все равно должна об этом узнать.
- Отлично. Это именно та новость, которой я не хочу узнавать. И ты мне ставишь такие условия. Зная, что я не могу пойти ни к кому другому, чтобы все осталось тайным.
- Все равно таких вещей не скроешь. Лучше скажи ему сейчас. Если ему все равно, тебе и уйти будет проще. Найдешь себе хороших врачей где-нибудь в Лондоне, и будешь спокойно жить.
- Как же у тебя все просто.
- Тебе выгодно все усложнять. Но сейчас ты этого делать не должна. Иди и подумай. И узнай обязательно, какой у него резус.

Поразмышлять я поехала в свой город. Пятого июля никого не было, кроме меня, только Елена Иванна готовила, как всегда на полк солдат. Я оказалась не готова объяснять кому-то, что не все ем, не говоря уже о том, что большинство запахов еды мне было противно. Но и говорить ничего не пришлось, надо было только попросить наблюдательную старушку достать мне банку соленых огурцов. Как в фильмах. Она продержалась обед и ужин, но потом начала меня пытаться. Точнее, она сразу сказала, что все это значит, и стала спрашивать когда.

- Я не считала, не до того.
- Но срок-то большой уже?
- Пять недель.
- Молодец, заживешь теперь нормальной жизнью, человеческой.
- Не хочу.

— Это у тебя нервное, пройдет. Он-то рад?
 — Кто?
 — Кто—кто. Уж думаю, рожать-то ты станешь от того, по кому сохнешь.
 — И по кому я сохну?
 — Да по тому, кто носа не кажет сюда, как Кольку похоронили.
 — Ну и ко мне не кажет. Потому и не знаю, рад он или нет, я ему ничего не говорила.
 — И не скажешь?
 — Думаете, надо?
 — А то как же! Что ж ты думаешь одна пахать? Детей не растят в одиночку.
 — Сколько народу в одиночку растит и ничего.
 — Ну и неправильно это. В конце концов, у ребенка есть отец и мать, и нечего на себя вваливать то, чего не можешь.
 — Можно не рожать, проблем меньше.
 — С ума, что ли, сошла? Как у тебя язык повернулся такое сказать. Считай, это тебе как подарок. Что ты еще такого-то сделаешь в жизни?

И понеслось, хоть не приезжай к ней больше. Прежде чем готовить выспросит, чего мне хочется, все даст понюхать, гоняет гулять, спать, запрещает работать. Хотя мне сейчас и не надо работать. Что бы я не решила, в любом случае надо использовать эту ситуацию, как возможность уйти. А к такому уходу надо готовиться. Продумать, как сдать все это хозяйство, где каких людей поставить и что вообще можно посоветовать в такой ситуации владельцу. Что-то надо продать, что-то объединить. И всего—то сесть и расписать подробно возможные пути, посмотреть на людей, особенно в банке. И показать готовый текст Васильичу.

Достаточно было начать, чтобы написать черновик за три дня. И к понедельнику я уже готова была разговаривать с Васильичем. Пришла в его прокуренный кабинет, впервые попросила разрешения открыть окна и стала ждать, когда он все прочтет.

— Почему, Маш?
 — Что почему?
 — Почему ты уходишь?
 — Я обещала ему год. Он закончится двадцать пятого августа. Как раз есть время все подготовить. По крайней мере, то, что зависит от меня, я хочу сделать заранее.
 — Этого мало, должно быть что-то еще. Почему сейчас?
 — Это мое личное дело, я не хочу об этом говорить.
 — Нет, это не твое личное дело, и мне придется докапываться до причин.
 — И Сергею доложите?
 — Зависит от того, как и что я узнаю.
 — Вам я могу рассказать, но мне не нужно ни новых страниц в досье, ни чтобы Сергей знал, почему я ухожу.
 — Сама понимаешь, все зависит от того, что ты скажешь.
 — Я беременна.
 — Вот это номер. Кому же так повезло?
 — Кому повезло, тому и не говорите ничего.
 — Плоховато все выглядит. И все равно не понятно, почему уходишь сейчас. Можно спокойно работать и потом уйти ближе к делу.
 — Я еще не решила, что делать. Потому и хочу уйти как можно быстрее.
 — Я ему не скажу. Но тебя попрошу обязательно поставить его в известность.
 — Зачем?
 — Я тебя, как человек, отвечающий за безопасность, прошу: расскажи ему обязательно. Сергей должен знать, из чего состоит его досье. Это слишком важная информация. Ты не можешь ее скрыть. Даже если он тебя очень обидел.
 — Вы все сговорились. Если б хотел что-нибудь узнать, наверное, узнал бы.
 — Кто все? Кто еще в курсе?
 — Я, вы, Елена Иванна и Маруся моя.
 — Ивана-то как узнала?
 — Догадалась по тому, что я ем.
 — Маша, я постараюсь написать тебе свое мнение по твоим бумагам как можно быстрее. Но, пожалуйста, расскажи ему все сама.

— Я попытаюсь, но знали бы вы, как не хочется. Меня сейчас совершенно другие дела волнуют. Мне клинику надо искать, желательно в Лондоне, и уезжать как можно быстрее. Может, вы мне скажете, какая у него группа крови?

— Нет, не скажу. Спроси сама. Это как любая врачебная информация не подлежит разглашению. А вот клинику я тебе найду. Только мне нужно знать, что искать, специализация врачей.

— Я попрошу Марусю написать подробности.

Как же мне поступить? Очень хочется уйти, забрать свою ренту и больше к этому не возвращаться. Теперь я заработала достаточно, чтоб прокормить себя и ребенка. К тому же, если так дело пойдет дальше, видимо у меня будут большие проблемы. Я уже сейчас с трудом встаю, хожу, ем и заставляю себя жить в обычном режиме. Голова кружится, в глазах темно. Теперь я точно узнаю, где у меня какие органы находятся. Почки я уже чувствую, печень тоже. Маруся заставила меня сдать все необходимые анализы, и они очень плохи. Васильич под это дело получил такую исчерпывающую информацию, что нашел мне клинику и врачей за два дня. А я по-прежнему не знаю говорить мне что-либо Сергею или нет. Мне нужнее совет, но кто его даст в такой ситуации? И вдруг я вспомнила про отца Владимира. Почему бы и нет? Это будет четвертый взгляд на существующее положение вещей.

Как я и просила, мы встретились с ним в ресторане, куда мне разрешали ходить, потому что там охране было спокойно.

— Простите, что я вас сорвала, но мне нужен ваш совет и очень быстро.

— Зачем вы так много извиняетесь? Я же сам предложил вам эту возможность. И рад буду помочь. Так в чем дело?

Трудно мне было объяснить ему, в чем дело. Я и себе-то не могла как следует объяснить. И слов-то понадобилось немного, минуты за две выложила все.

— Вы не знаете, какова правда, и поэтому боитесь ее?

— Да, очень.

— В такой ситуации мне трудно сказать вам — делайте так и не делайте эдак. Одно могу сказать точно: какова бы ни была правда, лучше ее знать, чем всю жизнь мучить себя догадками, выдумывать версии, почему он так себя вел. Вы столько времени ничего не можете понять в своей жизни из-за этого. А вам всего лишь надо попросить прямого ответа на простой вопрос. К тому же теперь это просто необходимо, потому что делать это надо было давно, а теперь ждать вообще смешно. Слишком много всякого у вас сейчас будет, чтобы такие важные вещи откладывать. Если вы решили больше не работать на него, этот вопрос сам по себе нуждается в обсуждении. Вот и начните с этого, а дальше будет легче сказать остальное. Я был бы рад, если бы вы мне позвонили, сказали, как все для вас прошло.

— Он вам расскажет.

— Может быть, расскажет. А, может быть, и нет. Если расскажет, он будет говорить о себе, а вы мне о себе расскажите.

— Не знаю, решусь ли я еще раз вам звонить.

— Не бойтесь. Вы слишком много боитесь. А страх — это не то переживание, которое помогает жить.

Как все просто. "Не бойтесь". Хорошо, не буду. Действительно, чего мне теперь бояться? Сегодня пятница, тринадцатое. Я написала на листе бумаги, что хочу получить, уходя. Не так много. То, что я выбрала из недвижимости, чистых денег в разных банках. Остальное все ему. И последним пунктом идет вопрос, какая все—таки у него группа крови. Папку с моими замечаниями по поводу работы ему переправит Василич. Встреча назначена на пять часов. Кажется, Сергей подумал, что это обычные дела.

Главное войти в кабинет нормально и сесть, не упав. Впрочем, у меня есть время, он кивает и продолжает что-то обсуждать по телефону, уткнувшись в бумаги. Тем лучше, я сама выберу, где буду сидеть — конечно, на удобном диване. А он пусть сидит, где хочет. Кину сейчас мою бумажку на стол перед его глазами, устроюсь на диване, и буду спокойно ждать. Странное чувство — ощущать, что последний раз здесь. Или предпоследний, но вот сейчас все закончится и начнется что-то другое. Вот сейчас, когда он уже закончил разговор и читает то, что лежит перед ним.

— Что это?

— То, что я хочу получить, уходя.

— Ты уходишь? Первый раз слышу.

— Ты уже видел папку от Васильича?

— Да.

— Ну так вот, я ухожу. У нас с тобой договор до двадцать пятого августа. Дольше я работать не смогу. Надеюсь, за оставшееся время ты сделаешь все так, чтобы тебе было максимально проще. Если тебе нужен номинальный владелец, то я готова это поддержать еще, но только поддержать, без всякого вмешательства в дела, управление и работу. На твоём месте, я бы все забрала. Через три дня мне надо будет уехать недели на две. Как дальше сложится, не знаю, но Васильич в курсе, где меня найти. Если ты не согласен с каким-то из пунктов, давай обсудим сейчас.

— Я еще не все прочел, но мне помнится, что про недвижимость мы давно все обсудили, паспорт ты получила, какой хотела. И, кажется, я обещал не торговаться о цене?

— Мало ли. Вдруг тебе сумма показалась завышенной или заниженной.

— Она странная, но если ты считаешь, что эта цифра верная, я с тобой спорить не буду. Я так понимаю, ты не объяснишь почему?

— Что почему?

— Почему ты уходишь.

— Дочитай до конца, с этим закончим и потом объясню.

Интересно, что он подумает, дойдя до последнего пункта? Иногда так жаль, что я не могу увидеть его первой реакции. Слишком хорошо держит себя в руках, первая мысль никогда не бывает добычей собеседника.

— Зачем тебе моя группа крови?

— Может, просто ответишь на вопрос и все?

— Вряд ли я на такой вопрос могу ответить, не узнав причины.

Теперь моя очередь бить в лоб. Хорошо, что он сидит в кресле напротив, и я могу смотреть ему прямо в глаза.

— Я беременна. Есть проблемы. Врачи хотят знать группу крови отца ребенка.

Понятно, что сейчас будет длинная пауза. Когда он спросил меня, люблю ли я его, до скольки я досчитала, прежде чем уйти? Кажется до семидесяти. Теперь-то у меня есть время жать. До самолета три дня.

— Ты хочешь, чтобы я признал этого ребенка?

— Разве я этот вопрос с тобой обсуждаю? Я спрашиваю одну конкретную вещь.

— Первая положительная.

— Неудачно. Ну да ничего не сделаешь. Если остальные пункты не вызывают у тебя вопросов и с этим мы закончили, я готова тебе объяснить, почему ухожу.

— Кажется, я уже понял.

— Удивительно, значит, ты лучше меня осведомлен. Я еще до конца не поняла, почему я так делаю. Расскажи, почему я ухожу, с твоей точки зрения.

Интересно, расскажет или нет. Я, наконец, стала спокойна, могу ждать, внимательно слушать, что мне говорят. И не выдумывать, что он мог бы ответить на реплики, которые я произношу от своего имени. Как давно я не ощущала себя живой только настоящим моментом, не ожидая будущего и не завися от прошлого.

— Ты уходишь, чтобы доказать мне, что я проиграл. Не сдержал слова, данного тебе тогда, давно. Ты уходишь, считая себя обиженной, считая меня мерзавцем, который испортил тебе жизнь.

— Смешно, я забыла, что действительно было такое. Даже не вспомнила об этом... Сейчас точно могу сказать — ты ошибаешься. Я на многое готова была пойти, чтобы оставить все, как есть, чтобы не уезжать. Если бы я нашла возможность сделать аборт так, чтобы об этом никто не узнал, я бы наплевала даже на то, что у меня будут серьезные проблемы со здоровьем. Но тут за тебя вступилась Маруся. Она отказалась искать врача без согласия отца ребенка. А без ее помощи я бы не смогла это все проверить тайно.

— Неужели ты бы пошла на такое? Убила бы моего ребенка?

— Ты уже его признал?

— А ты думала, буду отказываться?

— Но ведь только что ты меня спрашивал, надо ли тебе признавать этого ребенка своим.

— Мое согласие или не согласие тебя, кажется, не очень волнует, ты все решаешь сама.

— Что ты, милый, конечно, нет. Ты был первый, кому я позвонила, как только поняла, что произошло. Ты сказал, что занят и перезвонишь. И это был первый случай, когда ты не перезвонил. Я ведь сказала тебе, что это очень важно и жду звонка. Но его не было, три дня ведь достаточный срок, чтобы ты перезвонил, правда?

— Я замотался и забыл.

— Это был первый раз, когда ты забыл. Последние недели многое в первый раз. И все не очень приятное. Ну да что об этом, я хотела тебе сказать, но у меня не было ни малейшего шанса сделать это. Твоя теория моего ухода неверна. Или есть еще причины?

— До того, как я прочел пункт про группу крови, подумал, что это месть. Ты посчитала, что тебя кинули, и решила мне отомстить.

— Отомстить уходом?

— Да, очень естественная реакция.

— Месь — это когда ты пытаешься причинить человеку такую боль, какую испытываешь сам. Если б я знала, что мой уход будет для тебя такой болью, я бы не уходила.

— Можно мстить, бросая все на произвол судьбы.

— Перестань, мы—то с тобой знаем существующее положение вещей. Здесь ничего не может рухнуть, слишком надежно построено. Сейчас—то можешь сказать, зачем ты меня во все это втравил? Понятно, что никаких причин передавать кому—то собственность у тебя не было. Все спрятано, закрыто. Сейчас я это знаю точно. Зачем тебе это было нужно?

— Внешних причин могло и не быть. Просто мне намекнули, что надо иметь в любой момент возможность показать отсутствие собственности. Своим передавать было не очень разумно — понятно, что мы все повязаны намертво. Ты была посторонним человеком и, что немаловажно, одним из тех немногих людей, про которых я мог с уверенностью в двести процентов сказать, что меня не кинут. Поэтому я выбрал тебя.

— Почему ты так думаешь?

— Во-первых, ты — идеалистка, а во-вторых, у нас с тобой не те отношения были, чтобы ты могла себе позволить хоть в чем-то меня подвести. У тебя не было возможности влезать в долги по отношению ко мне, это же не побрякушки, замки на Луаре и прочие вазочки, за это пришлось бы заплатить обязательно.

— И как?

— Что теперь это обсуждать, то время прошло.

— Да, действительно. Нет, месь тут тоже не при чем. Есть несколько фактов. С одной стороны, я вообще сама по себе дошла до состояния, когда больше не хочу тут жить и работать. А теперь еще и детей растить. Не хочу. Потом, есть реальные проблемы со здоровьем. Нужно носить и рожать, но никто не дает гарантий, что удастся. Здешние коновалы с их методами разрешения проблем мне совершенно не симпатичны. Даже Маруся не может поручиться, что они не сделают меня трупом. Поэтому надо уезжать туда, где есть проверенные врачи. Все равно скоро заканчивается год, который был обещан тебе, и я не знаю в каком режиме и как я смогу работать, да и разговоры пойдут, не хочу этого совершенно. Так что внешние обстоятельства все говорят о том, что надо уезжать. И есть еще одно внутреннее. Тут мне недавно один человек сказал, что лучше знать правду, чем мучиться от неизвестности. Раз уж я уезжаю, то могу все с тобой проговорить и обрести, наконец, ясность.

— Что же ты хочешь проговорить?

— Например, очень интересно, почему ты ушел и с тех пор не показываешься?

— У тебя есть версии?

— Есть, конечно, но, знал бы ты, как я устала выстраивать версии, которые основаны только на моем восприятии мира. Больше не хочу версий, их столько можно придумать в зависимости от нужд. Если бы я хотела мстить, наверное, надо было бы придумать версию о том, что ты банально взял, что хотел, и теперь нет смысла дальше притворяться. Зачем оставаться, говорить, звонить, встречаться? Цель—то достигнута. Надоело выдумывать, хочу знать.

— Ты уезжаешь для того, чтобы все стало понятно? Станный ход. И что ты там будешь делать со своим пониманием?

— Что я там буду делать вне зависимости от понимания — это вопрос открытый. Не знаю еще, в любом случае то, как я живу сейчас, меня не устраивает.

— Так чего же ты хочешь?

— Всего лишь услышать ответ на один вопрос. Год назад я тебе его не задала, рассчитывая, что сам скажешь. Но ты блестяще тянешь паузу. Как мне прикажешь играть, когда я выложила карты на стол и год продолжаю ломать комедию, потому что ты карты не открываешь? Всему есть предел. Мне нужен ответ на простой вопрос.

— Я ни разу твои вопросы не оставлял без ответа. Если ты не задаешь вопроса, я не буду его задавать за тебя.

— Задать не трудно. Ты любишь меня?

Теперь можно ждать. Интересно, какой он найдет способ не отвечать? Мне кажется, на такой вопрос можно ответить только да или нет. Но жизнь—то сложнее меня, и он, человек сидящий напротив, умнее меня. Наверное, я проиграю и эту партию. Он перемолчит и переупрямит ситуацию. И я опять останусь ни с чем. Скоро это станет известно, развлекусь пока изучением его галстука. Очень красивый синий шелк, приглушенного лазоревого оттенка, переливается и этим создает все время разные рисунки. Успокаивает, как наблюдение за морской водой или за облаками. Интересно было бы знать, о чем он думает, что считает, какие слова подбирает. Молчать пять минут в такой ситуации позволяет себе только очень сильный человек. Или я его просто идеализирую. Может, он просто боится истерики брошенной женщины?

— Сережа, все не так сложно. Столько времени впустую и всего—то тебе надо сказать "да" или "нет". Пойми, мне ответ нужен именно сейчас, может быть, у тебя были другие планы — но у меня нет времени ждать, и я хочу определенности. Ты боишься сказать "нет"? Но теперь тебе ничто не должно мешать, я и так уже ухожу. Не хочу этого, сопротивляюсь, но приходится уходить. И когда я вернусь, вернусь ли и смогу ли еще когда—нибудь увидеть тебя, ничего этого я сейчас не знаю. Ответь мне на один вопрос. Молчать уже бессмысленно, все на кону, и жизнь, и смерть, уже все было, и все проиграно. Ответь мне на мой вопрос, пожалуйста. Я больше не могу выносить твоего молчания.

— А ты подумала, что будет дальше, после того, как я отвечу?!

— Я смогла задать тебе этот вопрос только после того, как перестала думать о том, что будет дальше.

— Ты прекрасно знаешь, что я никогда не делаю шаг, не продумав его возможных последствий. И терпеть не могу, когда вынуждают дать ответ раньше, чем я сам готов и хочу его дать. Как только говорю "да", мне надо полностью менять свою жизнь. Как только говорю "нет", тебе придется меня свою. Еще не время.

— Но моя жизнь уже изменилась. Если твое слово "нет", так скажи мне его — теперь самое время. По крайней мере, я пойму, где нахожусь. Я не требую, чтобы ты менял свою жизнь, но моя изменилась без всякого моего согласия. Давай просто используем волну, она и так нас разнесет в разные стороны. Твое "нет" не увеличит ее силу.

— Тебе нужно, чтобы все шло только по твоим правилам? По—другому ты не можешь? Неужели ты думаешь, что можешь всем навязать свою игру? Совсем заработалась? Думаешь, если ты можешь убедить в чем угодно безликую для тебя толпу людей, то можешь то же самое сделать и с конкретным человеком? Например, со мной?

— Когда я устанавливала свои правила? Это ты у нас всегда определяешь границы ситуации.

— Когда? Могу тебе рассказать. Если я говорю "в другом месте и в другое время", ты сделаешь все, чтобы мне пришлось землю есть для обнаружения этого другого места. Если нужно пригласить поужинать, так обязательно искать общих знакомых, от которых ты примешь приглашение. Можешь считать, что ты сама меня спровоцировала на продолжение общения, ты перечислила возможное развитие отношений, попыталась расписать все по своим правилам, но жизнь изобретательнее тебя, я уж не говорю о том, что ты не можешь никогда на сто процентов предугадать, какой шаг сделает партнер. И поэтому мне было все равно, сколько вариантов ты накидаешь. Я хотел тебя заполучить, и мне было наплевать, что ты по этому поводу думаешь.

Главное, ничего не говорить. Да, он говорит обидные неприятные вещи, но иначе я никогда не узнаю, что творится у него в голове.

— И я бы добился своего. Камушки тебя не берут, тряпки тебе безразличны, значит, есть другие слабости. Вазочки обязательно бы сработали. Ты уже была готова, позвонила поблагодарить за подарок, еще пара встреч и я выиграл... И все испортила очередная глупая кукла. Даже у тебя не могло остаться сомнений, что война продолжается. И опять, опять эти твои другие правила. Уйти, скрыться, не отвечать на звонки, уехать и никому ничего не сказать. Никто не любит проигрывать, но проиграть, уже достигнув цели, этого я не мог себе позволить. Ехать за тобой было глупо, но не ехать было невозможно. Ты бы подцепила там какого—нибудь очередного придурка в своем вкусе, и все мои труды пошли бы прахом. Я помчался за тобой и вместо того, чтобы за два дня получить все, я два дня разговаривал с тобой о судьбах мира. Если бы два дня! Потом все время уходило на разговоры, на

споры, на все. С какой стати ты навязала мне правило все с тобой обсуждать? Но в результате я столько о тебе узнал, настолько в тебе разобрался, что у меня даже сомнений не было, кому все передать. Даже если бы мне это было совсем не нужно, найти такого человека — редкий случай, и надо было его использовать. Я все рассчитал, все промерил. Самое смешное — я тебе доверял, как другу. Тогда, в первое время, все сложилось так ровно и хорошо, баланс, равновесие, дружба, равновеликая для каждой из сторон. Все было отлично. И тут приходит Колька и, между делом, говорит, что я тебя гроблю и вообще, изверг и тиран, взвалил на тебя все это, когда тебе и без работы проблем хватает. Что, спрашиваю, вдруг? Все довольны и больше всего я. И он мне: да ты не прикидывайся, все же понятно, она любит тебя, потому и плохо ей. Кто любит? Ты меня любишь? Я, может быть, и не очень хорошо разбираюсь в людях, но все—таки женщин знаю неплохо. Влюбленная женщина так себя не ведет. И Колька читает мне лекцию, о том, что я — сволочь, и нормальная женщина, полюбив меня и поняв это, будет скрывать, по возможности убежав куда—нибудь подальше, чтобы больше не видеть и скорее забыть. А ты, видишь ли, не можешь. И если я ему не верю, то могу у тебя прямо и спросить. Конечно, у тебя спросить было проще всего, но зачем? То, что Колька сказал — невозможно. Или он ошибся, или ошибаешься ты, или ошибся я, думая, что мы равно относимся друг к другу. А если все правы, равноценные отношения, если ты меня любишь, значит, я тоже тебя люблю, чтобы равенство соблюдалось? Что за бред — да, ты мне друг, причем очень близкий, с тобой многое хорошо, но не надо утрировать. А сама ситуация была угрожающая, это же ты! А вдруг сейчас на ровном месте ты опять сменишь правила и, действительно, решишь сбежать? И что я буду делать, когда все уже подлажено под тебя? И я решил проверить. Пошел к Елене Иванне и спросил, как ты ко мне относишься. И что? Моя дузня стала подозрительна, выспрашивала, какую очередную гнусность я задумал. Пришлось пообещать, что чист, как стекло. И, конечно, она мне тоже сказала, что ты меня любишь. Ну, она—то откуда знает? Кольке ты могла сказать, но ей вряд ли. И вредная старуха рассказывает мне, как ты ждала вертолет, когда мы задержались.

Если б я заранее знала, что она ему рассказала, тогда я могла бы еще сделать каменное лицо. Но не успела, он окружал меня словами, говорил тихо и быстро, и когда произнес "вертолет", я как будто потеряла воздух. Это было, наверное, так заметно, что он стал говорить чуть медленнее, изучая реакцию, а я пыталась вспомнить, не говорила ли я тогда вслух, а она услышала.

— Вот, мол, говорит, когда в назначенное время ты не появился, знаешь, как она сидела? Так сидят в больничном коридоре, и жду известия: выживет или нет. Побледнела так, что я боялась, сознания лишится. Конечно, любит, нелюбимых так не ждут. Вертолет... Расскажи мне, что тогда случилось?

— Потом. Расскажу. Может быть.

— Потом? Ладно. Так что мне надо было делать с тобой? Я был в ужасе. Хотел спокойно поработать, а в результате сижу на вулкане и не знаю, когда извержение. И все—таки я до последнего не верил, не верил из—за себя. Ты себя вела как всегда, ничего не изменилось. Передо мной лежало несколько фактов. Первое: все хорошо, потому что у нас паритет отношений. Второе: ты меня любишь. Значит если паритет, то и я тебя люблю? Или я ошибся, думая, что это просто хорошие отношения? Или я два раза ошибся, считая, что все спокойно. Видимо, это только мой взгляд на положение вещей. Или все эти люди, включая тебя, обманываются. И я решил, что мне придется спросить тебя. Как только ты пообещала, что будешь работать еще год, я рискнул. И ты сказала "да". Ну и на каком я свете? После этого я даже не хотел выяснять ничего про себя. Где—то ошибся, этого вполне достаточно. У меня есть год, я собираюсь работать и к тебе я больше не подойду, мне не нужны проблемы, мне нужен этот год. Согласись, если б я хотел, то заполучил бы тебя тут же? Простая последовательность действий, и ты сдаешься. Пришлось сознательно не делать ничего, что на тебя бы подействовало. Мне казалось, ты должна была понять, что нельзя заводить никаких серьезных отношений. Это был бы худший вид служебного романа. И что я получаю взамен? Очередное изменение правил. Даже год этот стал возможен только потому, что ты согласилась мне его подарить. И теперь ты приходишь и заявляешь, что уходишь, но тебе нужен мой ответ именно сейчас. Опять ты ломаешь игру, которая меня полностью устраивает. Меня все устраивает, я ничего не хочу менять. А ты все ломаешь только потому, что все должно быть по твоим правилам.

— Предположим, да, все по моим правилам. Но если все всегда получается по—твоему, то пусть хоть происходит все это по моим правилам. Не нравится? Я тебя не держу. Ответь мне на мой вопрос, и ты свободна. И я свободна.

Кажется, я настолько обессилила, что говорю так же тихо, как он. По нашим общим правилам к этому моменту я уже должна была на него орать. Я бы и орала, но весь воздух уходил на то, чтобы дышать. Это произвело на него такое же впечатление, как будто заговорил стол. Он чуть отодвинулся и стал сверлить меня глазами.

— Так что там с вертолетом?

— Ничего. Мне тогда надо было решить, что я предпочту: ты умрешь и ничего не узнаешь или ты выживешь и узнаешь все прямо сейчас. Я выбрала тебя живого. И продолжала выбирать и дальше.

— Какая ты сентиментальная.

— Прекрати, если бы не это, Колька бы не погиб!

— Почему?

— Потому что я всех соглашалась потерять, чтобы ты жил. Всех до одного. Если бы я смогла себя заставить тебя забыть, все было бы иначе.

— Перестань себя накручивать. Ты не можешь отвечать за все, что происходит в мире. Это не твое.

— Мое. Я же видела во сне, что он уходит. И не обратила на это никакого внимания. Я была слишком занята тобой, чтобы заметить его уход.

— Как бы ты к этому ни относилась, он погиб не по твоей вине. И даже если ты попытаешься все возложить на себя, Кольку это не вернет. Если ты думаешь, что все из—за тебя, еще раз прокрути этот год в голове. Разве сейчас ты бы поступила иначе? Если бы знала, что произойдет?

— Знал бы ты, сколько раз я это делала.

— И что же?

— Как видишь — ты жив.

— Я хочу чтобы ты поняла одну вещь: я отвечу на твой вопрос, когда пойму, что пришло время. Но не раньше.

— Думаешь, я буду ждать?

— Даже если нет, тебе будет интересно узнать ответ.

— Не боишься опоздать?

— Даже если боюсь, это не повод отвечать сейчас.

— Все поверяется смертью. Можно по—разному не успеть.

— Я помню об этом. Должен же быть в жизни хоть один человек, который не укладывается в твои схемы.

— Мои схемы? Мне в страшном сне присниться не могло, что я дойду до черты, когда лучше открытая ненависть, чем тайная любовь. Ладно. Мне придется считать это выплатой моих долгов. Желаю тебе удачно поработать. Даже и не знаю, что еще сказать, просто не знаю, когда мы увидимся.

— Не утрируй, все будет нормально.

— У меня нет оснований так считать. Посмотрим. Береги себя, а то твоя жизнь мне дорого обходится.

Раньше я могла говорить все это на ходу, уходя. Но сейчас мне еще надо подняться, не упасть и пройти до двери. Я стала больше понимать, когда проблемой оказалось пройти без посторонней помощи десять метров. Что лучше сделать? Предположим, я поднимусь, держась за спинку дивана. Но потом? Через два шага смогу дотянуться до спинки кресла, и то, если подожду секунд пятнадцать, пока перестанет так ужасно кружиться голова, и пройдет чернота перед глазами. Но как идти от кресла? Если прямо до двери, то это метров семь без всякой опоры. Или пройти лишних четыре шага до стола и дальше, опираясь на стулья, приблизится к двери на три метра? Надо начать и дальше будет видно. Хорошо бы он занялся своими делами, я пока соберу сумку и смогу подняться. Мне нужна всего минута, чтобы дойти до кресла, а там я пойму, куда дальше.

— Что это ты делаешь?

— Ухожу.

— Я вижу, что уходишь, но почему ты так странно двигаешься.

— Голова кружится, боюсь упасть.

— То есть все настолько плохо?

— Нет, все еще хуже, это не самое страшное из происходящего.

Видимо, лучше дойти до стола. Всего четыре шага, не больше. Если наискосок, то пять, и я не буду видеть, как он на меня смотрит. Очень хочется лечь под теплое одеяло и дышать свежим воздухом. И вдруг он оказывается прямо за спиной, обхватывает меня за талию и прислоняет к себе.

— Может тебе лучше сесть?

— Без толку. Потом опять подниматься и все равно идти до двери. Мне надо домой поскорей.

— Такими темпами ты не скоро попадешь домой. Предположим, ты вышла из кабинета. А дальше как?

— До стола секретаря, отдышалась бы, поговорив недолго, ты бы наверняка что-то начал сразу выяснять, тогда я бы дошла до двери. В коридоре по стене до лифта, внизу есть перила и стойка. А там уже машина.

— Как же ты полетишь в таком состоянии? С тобой будет кто-нибудь?

— Не хотелось бы. Дай я попробую пройти чуть-чуть.

— Ну, пошли. Только ты предупреди меня, если начнешь падать.

— Ты меня так и поведешь?

— Конечно, так я точно тебя удержу. Иди, не бойся.

Странный балетный шаг, правда, меня шатает, но Сергей идет чуть слева и крепко придерживает меня рядом. Так легче, не страшно падать и можно остановиться отдыхать в любой момент.

— Подожди.

— Маш, тебе нельзя в таком состоянии ехать одной.

— И кто со мной поедет? Охранники? Сиделки? Пять человек, включая тебя и меня, знают, куда и зачем я еду. И я не собираюсь больше никому об этом говорить. Поедешь со мной?

— Ты же знаешь, что я не могу.

— Нет, не знаю. Ты мне никогда не рассказываешь, можешь ты или нет.

— Не могу. Я поговорю с Василичем, чтобы он все организовал. И доведу тебя до машины.

— Так и доведешь?

— Я буду рядом. Не бойся. Только предупреждай, когда останавливаемся, и когда падаешь.

Так и дошли до машины. Уже почти выходя из дверей здания, он видимо наклонился и очень тихо сказал где-то за левым плечом:

— Я все расскажу тебе и отвечу на любые вопросы. Потом. В другом месте и в другое время.

Наверное, если бы он не придерживал меня, я раскроила бы себе лоб. Круг замкнулся, с этого все началось, этим все и закончится. Просто, для нормальных отношений нужно другое место и другое время. И если первое еще можно найти, то второе нельзя заменить. Вот в чем моя проблема — у меня есть деньги, дома, пока еще есть здоровье, мне всего двадцать девять лет, но другого времени у меня нет.

Совершенно неважно, как я провела следующие две недели. Да и помню не очень хорошо. Когда все время кружится голова, падаешь, встаешь, все болит, нет спасения от запахов и еды, которую вообще не можешь видеть. Точно известно, что сначала я подписывала кучу бумаг, считала деньги, проверяла счета, пыталась собрать вещи, ехала в аэропорт, прощалась с кем-то, летела вместе с доверенными людьми Василича, приземлялась, ехала до дома, приходила в себя, встречалась с врачами в клинике, позволяла расхищать себя на анализы, выслушивала много умных слов, лежала, лечилась, все без толку, они успели спасти только меня, терпела уколы и какие-то незнакомые процедуры, нормально реагировала наутешительные слова "со второго раза получится", считала удары капель дождя за окном, и теперь меня отпускают. Двадцать девятого июля я сижу в саду своего дома в Лондоне, зная, что где-то рядом охранники, горничная, кухарка и сиделка.

Теперь мне придется решить простую задачу, как жить дальше. Не осталось ничего, за что можно зацепиться и плыть по течению. Теперь каждый день будет, как сегодня: тихо, пусто, некуда бежать, незачем работать, некому звонить, не с кем говорить. Чтобы жить, надо придумать зачем. Того, что было, оказалось недостаточно. Хватило всего-то до двадцать девятого июля. Какие варианты? Конечно, больше всего я хочу дождаться ответа на свой вопрос. Но, кажется, я получу его,

только если перестану ждать совсем. На самом деле, теперь уже можно сказать, что я все поняла, но хочу просто услышать от Сергея точную формулировку. Если, конечно, ему хватит смелости сказать мне правду. В любом случае я сделала все, что могла; если сейчас ответа нет, значит надо жить без него. Можно читать книги, пытаться заводить новых друзей, писать письма старым. Путешествовать, изучать древнекитайское искусство, писать монографии по истории или придумать что-нибудь еще долгоиграющее. Концерты, кино и театр отнимут еще кусок. Но нерешенным остается одно — как мне опять захотеть просыпаться утром? Что должно произойти, чтобы, засыпая, не говорить: "Надеюсь не проснуться" и, просыпаясь, радоваться новому дню? Наверное, надо просто прекратить так засыпать.

Предположим, я проживу еще лет сорок. Сколько из них я буду валяться на дне черной ямы? Я неудачница, все проиграла, я — ничто. Из имущества остались деньги и любовь, с которой я не знаю, что делать. Когда-нибудь я забуду Сергея, яма будет засыпана землей, и все пройдет. Зачем я ему, слабая и неспособная бороться? Как не задавай себе или ему вопрос, ответ уже не важен. Ведь по-прежнему единственное, что меня держит на плаву — необходимость узнавать каждый день из любых доступных источников, жив ли он, здоров ли.

Звонит телефон. Сколько лет я еще буду вздрагивать и хватать трубку, боясь, что звонок прервется? И это все равно не он, а Маруся. "Да, Марусь, все в порядке. Не волнуйся. Все прошло". Что надо делать? Считать звонки, чтобы установить, что на тысячный раз не побежишь к телефону? Или что сколько раз не повторяй другим "все хорошо", лучше от этого не станет? Потому что те, кто мог убедить меня в этом, не здесь. И я не знаю, где они. Где Сашка? Где ребенок, который не хотел меня? Где Колька? Я думаю о них, и с каждой минутой мне все больше кажется, что они живы, настолько реально их присутствие. Колька никогда мне не позвонит больше, но это не значит, что он умер. Сергей же мне тоже не звонит, а он точно жив. Дело не в звонках. Просто сегодня я поняла, что теперь Колька, Сашка, Сергей, Маруся, Васильич, Шурка, Танька — все они, те, кого я считаю людьми, где-то там, неизвестно где, вместе. Все они живы. Этот факт настолько очевиден, он совершенно не требует доказательств, подтверждения телефонными звонками, звучанием голосов, личным присутствием. Они живы. И только я умерла.